

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

СИБИРСКИЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

SIBERIAN HISTORICAL RESEARCH

Научный журнал

2018

№ 3

**Зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций
(свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77 – 54966 от 08.08.2013)**

Подписной индекс в объединенном каталоге «Пресса России» – 94047

Журнал включен в «Перечень рецензируемых научных изданий, входящих в международные реферативные базы данных и системы цитирования, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук», Высшей аттестационной комиссии

*В 2013–2017 годах журнал издавался при финансовой поддержке гранта Правительства РФ
№ 14.В25.31.0009 «Человек в меняющемся мире. Проблемы идентичности
и социальной адаптации в истории и современности»*

Учредитель – Томский государственный университет

**РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА
«СИБИРСКИЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ»**

- Функ Дмитрий Анатольевич**, Московский государственный университет, Россия –
главный редактор
Соколовский Сергей Валерьевич, Институт этнологии и антропологии РАН, Россия –
заместитель главного редактора
Нам Ираида Владимировна, Томский государственный университет, Россия –
заместитель главного редактора
Дериглазова Лариса Валериевна, Томский государственный университет, Россия
Хазанов Анатолий Михайлович, университет Висконсин-Мэдисон, США
Швайцер Петер, университет г. Вена, Австрия
Трубина Елена Германовна, Уральский федеральный университет, Россия

**РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ ЖУРНАЛА
«СИБИРСКИЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ»**

- Бич Хуберт**, университет г. Уппсала, Швеция
Бирталан Агнеш, университет им. Лоранда Этвёша, Венгрия
де Грааф Тьеерд, университет г. Гронинген, Нидерланды
Дыбо Анна Владимировна, Институт языкознания РАН, Россия
Дятлов Виктор Иннокентьевич, Иркутский государственный университет, Россия
Харусь Ольга Анатольевна, Томский государственный университет, Россия
Крадин Николай Николаевич, Дальневосточный федеральный университет, Россия
Мамонтова Надежда Александровна, Оксфордский университет, Великобритания
Мандельштам Балзер Марджори, Джорджтаунский университет, США
Миськова Елена Вячеславовна, Московский государственный университет, Россия
Зайцева Ольга Викторовна, Томский государственный университет, Россия
Зиновьев Василий Павлович, Томский государственный университет, Россия

Альбина Рассказчикова – секретарь
Елена Карагеоргий – редактор-переводчик

Адрес издателя и редакции:
634050, г. Томск, пр. Ленина, 36, Томский государственный университет.
E-mail: shrjournal@gmail.com

Издательство: Издательский Дом Томского государственного университета.
Адрес: 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36.
Телефоны: 8(382-2)–52-98-49; 8(382-2)–53-15-28; 8(382-2)–52-96-75
Сайт: <http://publish.tsu.ru>
E-mail: rio.tsu@mail.ru

Founder – Tomsk State University

**EDITORIAL BOARD
SIBERIAN HISTORICAL RESEARCH**

Funk, Dmitri, *Moscow State University, Russia* – Editor-in-Chief
Sokolovsky, Sergei, *Institute of Ethnology and Anthropology RAS, Russia* – Associate editor
Nam, Iraida, *Tomsk State University, Russia* – Associate editor
Deriglazova, Larisa, *Tomsk State University, Russia*
Hazanov, Anatoliy, *University of Wisconsin-Madison, USA*
Schweitzer, Peter, *University of Vienna, Austria*
Troubina, Elena, *Ural Federal University, Russia*

EDITORIAL ADVISORY BOARD

Beach, Hubert, *Uppsala University, Sweden*
Birtalan, Agnes, *Eötvös Lorand University, Hungary*
de Graaf, Tjeerd, *Groningen University, the Netherlands*
Dybo, Anna, *The Institute of Linguistics, RAS, Russia*
Diatlov, Viktor, *Irkutsk State University, Russia*
Kharus, Olga, *Tomsk State University, Russia*
Kradin, Nikolai, *Far East Federal University, Russia*
Mamontova, Nadezhda, *University of Oxford, Great Britain*
Mandelstam Balzer, Marjorie, *Georgetown University, USA*
Miskova, Elena, *Moscow State University, Russia*
Zaitseva, Olga, *Tomsk State University, Russia*
Zinoviev, Vassili, *Tomsk State University, Russia*

Secretary Albina Rasskazchikova
Translator Elena Karageorgiy

СОДЕРЖАНИЕ

КИБЕРЧЕЛОВЕЧЕСТВО И ПОСТАНТРОПОЛОГИЯ

(приглашенный редактор – С.В. Соколовский)

Соколовский С.В. Киберчеловечество как предмет антропологии (введение в обсуждение)	6
Соколова Е.К., Шевченко С.Ю., Широков А.А. Тело и интернет: антропология лаборатории	9
Торлопова Л.А. Телесность, технологии и пространственность как оси существования инвалидности-объекта	32
Круткин В.Л. Телесность человека и техники письма в антропологии Андре Леруа-Гурана	48
Соколовский С.В. Человек 2.0 в фокусе антропологии	65

АНТРОПОЛОГИЯ И ЭТНОЛОГИЯ В ПОСТСОВЕТСКОМ АКАДЕМИЧЕСКОМ И ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Смирнова Т.Б. Антропология и этнология. Опыт Омского университета	79
Нам И.В., Рожнева Ж.А. Бакалавриат и магистратура по антропологии без профильной кафедры. Опыт ТГУ	90

MISCELLANEA

Васильев С.В., Веселовская Е.В., Галеев Р.М., Григорьева О.М., Константинов М.В., Пестряков А.П., Боруцкая С.Б. Антропологическое исследование неолитических памятников Забайкалья (Падь Токуй, Жиндо, Усть-Менза-2)	107
Дмитриев А.В., Дрыга Д.О., Малышев А.А., Моор В.В. Дольмены в антропогенном ландшафте полуострова Абрау	139
Альфонсо Н.Г. Буддийский ритуальный кинжал <i>пурпа</i>	158
Мануйлов А.Н. Репатриация символического капитала и кризис идентичности в ходе миграции из бывшего СССР в Грецию (1990–2000-е гг.)	178

РЕЦЕНЗИИ

Елфимов А.Л. Что происходит с теорией в антропологии? Рецензия на: Theory can be more than it used to be: learning anthropology's method in a time of transition / eds. by D. Boyer, J.D. Faubion, G.E. Marcus. Ithaca; London: Cornell University Press, 2015. 274 p. ISBN 978-1-50170-007-1	199
Трынкина Д.А. Слабовидящие в культуре окулярцентризма: проблема эксклюзии в музеях визуального искусства. Рецензия на: Hayhoe, Simon. Blind visitor experiences at art museums. London: Rowman & Littlefield, 2017. 234 p. ISBN-10: 1442272058. ISBN-13: 978-1442272057	204
Филиппова Е.И. Трансграничные миграции XXI в.: новые реалии и старые клише. Рецензия на: Le Bras Hervé. L'âge des migrations. Paris: éditions Autrement, 2017. 151 p. ISBN 978-2-7467-4463-9	209

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	217
----------------------------------	-----

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ	222
-------------------------------------	-----

CONTENTS

CYBERHUMANITY AND POST-ANTHROPOLOGY

(Guest editor Sergei V. Sokolovskiy)

Sokolovskiy S.V. Cyberhumanity as the subject of anthropology (an introduction to the discussion)	6
Sokolova E.K., Shevchenko S.Yu., and Shirokov A.A. Body and Internet: the anthropology of laboratory	9
Torlopova L.A. Corporeality, technologies, and spatiality as axes of disability-object's existence	32
Krutkin V.L. Human corporeality and techniques of writing in André Leroi-Gourhan's anthropology	48
Sokolovskiy S.V. Human 2.0 in the focus of anthropology	65

ANTHROPOLOGY AND ETHNOLOGY IN POST-SOVIET ACADEMIA AND EDUCATION

Smirnova T.B. Anthropology and ethnology at Omsk State University	79
Nam I.V., Rozhneva Zh.A. Developing bachelor and master degree programmes in anthropology without an anthropology department: the case of Tomsk State University	90

MISCELLANEA

Vasiliev S.V., Veselovskaya E.V., Galeev R.M., Grigorieva O.M., Konstantinov M.V., Pestryakov A.P., and Borutskaya S.B. An anthropological study of Transbaikalian Neolithic sites (Pad Tokuy, Zhindo, and Ust-Menza 2)	107
Dmitriev A.V., Dryga D.O., Malyshev A.A., and Moor V.V. Dolmens in the anthropogenic landscape of the Abrau peninsula	139
Alfonso N.G. The Buddhist ritual dagger 'phurpa'	158
Manuylov A.N. Repatriation of symbolic capital and identity crisis during migration from the former Soviet Union to Greece (from the 1990 to 2000s)	178

REVIEWS

Elfimov A.L. The tricky state of theory in anthropology. Review of <i>Theory can be more than it used to be: learning anthropology's method in a time of transition</i> , ed. by D. Boyer, J.D. Faubion, and G.E. Marcus. Ithaca; London: Cornell University Press, 2015. 274 p. ISBN 978-1-50170-007-1	199
Trynkina D.A. The visually impaired in the culture of ocular-centrism: the problem of exclusion at visual art museums. Review of Hayhoe, Simon. <i>Blind visitor experiences at art museums</i> . London: Rowman & Littlefield, 2017. 234 p. ISBN-10: 1442272058. ISBN-13: 978-1442272057	204
Filippova E.I. Trans-border migrations of the 21st century: new realities and old clichés. Review of Le Bras Hervé. <i>L'âge des migrations</i> . Paris: éditions Autrement, 2017. 151 p. ISBN 978-2-7467-4463-9	209

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS	217
--	-----

INFORMATION FOR AUTHORS	222
--------------------------------------	-----

КИБЕРЧЕЛОВЕЧЕСТВО И ПОСТАНТРОПОЛОГИЯ (ред. – С.В. Соколовский)

УДК 14: (00+62)

DOI: 10.17223/2312461X/21/1

КИБЕРЧЕЛОВЕЧЕСТВО КАК ПРЕДМЕТ АНТРОПОЛОГИИ (введение в обсуждение)

Сергей Валерьевич Соколовский

Аннотация. Статья представляет собой введение к тематической подборке “Киберчеловечество и постантропология”, в которую вошли четыре работы, затрагивающие такие сюжеты, как научное наследие Андре Леруа-Гурана, техническая и цифровая формы медиации телесности, инвалидность как материально-семиотическое явление, единство человеческого тела и техносреды. Координация работы над выпуском осуществлялась в рамках поддержанного РФФИ исследовательского проекта (грант № 18-18-00082).

Ключевые слова: киберчеловечество, соматотехники, материально-семиотические аспекты инвалидности, Андре Леруа-Гуран

С первой половины прошлого века, с тех самых времен как Марсель Мосс и затем Андре Леруа-Гуран (первый в контексте кросскультурных сравнений, а второй – в рамках палеоантропологических реконструкций и эволюции человека) раскрыли в своих трудах сущность человеческих умений как единства телесности и техники – техник тела, эта область антропологических интересов почти не привлекала внимания антропологов. Исследование взаимовлияний и взаимодействий человеческого тела и постоянно обновляющихся старых и появляющихся новых технологий оказалось своего рода слепым пятном в социальных науках вообще и в антропологии в частности, хотя в последней телам физическому и социальному уделялось первостепенное внимание в таких ее областях и субдисциплинах, как соматология, расоведение, спортивная антропология, изучение гендерных особенностей телесности. Техника и технологии антропологами также исследовались, но трактовались прежде всего как часть материальной культуры. Однако связи между исследованиями телесности и изучением технологий привлекли внимание антропологов лишь в последнее время, главным обра-

зом в медицинской антропологии, где эти связи являются очевидными и где представить себе развитие этой дисциплины вне их изучения просто невозможно. Между тем взаимовлияния и теснейшие контакты между телесностью человека и изобретаемыми им новыми технологиями вовсе не ограничиваются медицинским контекстом и всегда охватывали все поле человеческих культуры и общества. Развитие информационных, нано- и биотехнологий выводит эти взаимодействия на новый уровень, изменяя наши возможности, в том числе и телесные, и заставляя ученых и философов осмыслять те гибридные соматотехнические единства и ансамбли, которые возникают в результате такого развития. И дело здесь не только в растущей мощи технонауки и ее вмешательстве в самые интимные и глубинные структуры человеческого тела. Здесь мы сталкиваемся с проблемами сущности человека и человечества, их будущего, с проблемой природы человека и норм человеческой телесности и психики, а также с проблемой параметров создаваемой человеком техносреды, которые, подчиняясь инженерной мысли, с одной стороны, адаптируются к этой телесности, а с другой, сами формируют ее, исподволь ее меняя. Этические проблемы в контексте идеологий пост- и трансчеловечества относятся к этому же кругу дискуссионных проблем.

Публикуемые ниже статьи отражают новый интерес социальных исследователей к данной проблематике, освещая некоторые ее важные аспекты, хотя, разумеется, не только не исчерпывают их, но даже не обозначают всех возможных здесь направлений исследований. Отчасти это объясняется как уже отмеченной выше новизной самой проблематики для социальных ученых, так и ее слабой изученностью в рамках отечественной антропологии, в багаже которой, повторю, есть немало исследований, посвященных по отдельности телу и технике, но пока единицы, в которых фокусом внимания выступает их взаимовлияние и их единство.

Рассмотрение в ряду обсуждаемых тем проблем людей с ограниченными возможностями и доступной среды начинает выглядеть иначе в контексте обсуждения будущего человека, изменяемой им среды и соответствующих норм и ценностей. Почему, собственно, мы обозначаем возможности таких людей как “ограниченные”? Не лучше ли расширить представление о норме человеческих возможностей, включив в него людей с иной остротой зрения или слуха, леворукостью и иными “отклонениями”, отойти от застывших представлений о норме? Не лучше ли усовершенствовать инженерию обеспечивающей жизнедеятельность среды, беспечивающей реализацию возможностей всех людей? Впрочем, эта развилка между направлением усилий на совершенствование среды либо на улучшение самого человека (например, в результате технических манипуляций с его геномом) может оказаться

ложной, если мы окончательно убедимся в единстве среды и организма, в данном случае – человеческого тела и техносреды, состоящей из множества артефактов, поддерживающих наше выживание и воспроизводство. Эти сюжеты затрагиваются в публикуемых ниже статьях Л.А. Торлоповой и С.В. Соколовского.

Особые типы технической медиации телесности и междисциплинарности обсуждаются на материалах распределенных исследовательских проектов (антропология лабораторий) и истории антропологии (анализ междисциплинарного наследия А. Леруа-Гурана) в статьях Е.К. Соколовой и соавторов и В.Л. Круткина, соответственно. Наконец, завершает эту тематическую подборку статья автора данного предисловия, в которой рассматриваются различные способы интеграции тела и техники и типы результирующих сборок.

Происходящая на наших глазах трансформация человечества в киберчеловечество не может не ставить новых задач перед антропологией и не менять ее предмета. Представляется, что размышления о будущем этой дисциплины и социальных наук будут с неизбежностью учитывать эту трансформацию, а публикация материалов этой темы с обсуждаемыми в ней сюжетами, мы надеемся, стимулирует дискуссию о будущем этих наук.

Статья поступила в редакцию 20 августа 2018 г.

Sokolovskiy Sergei V.

CYBERHUMANITY AS THE SUBJECT OF ANTHROPOLOGY

DOI: 10.17223/2312461X/21/1

Abstract. The article is an introduction to the thematic issue of the journal ‘Cyberhumanity and Postanthropology’ which presents the studies of such issues as the academic heritage of André Leroi-Gourhan, technical and digital mediation of the human body, the unity of the human body with surrounding techno-sphere, and the material-semiotic study of disability. The work on the thematic issue has been directed within the framework of a collaborative research project supported by the Russian Scientific Foundation (grant No. 18-18-00082).

Keywords: cyberhumanity, somatotechniques, material-semiotic aspects of disability, Leroi-Gourhan

УДК 14: (00+62)

DOI: 10.17223/2312461X/21/2

ТЕЛО И ИНТЕРНЕТ: АНТРОПОЛОГИЯ ЛАБОРАТОРИИ

Елена Константиновна Соколова,
Сергей Юрьевич Шевченко,
Александр Александрович Широков

Аннотация. В статье рассматривается опыт проведения междисциплинарной лаборатории, изучающей проблематику тела и телесной репрезентации в контексте интернета. В результате лаборатории было реализовано восемь индивидуальных проектов исследований тела в интернете, а также проведена коллективная рефлексия опыта работы дистанционной команды. В качестве основного фокуса внимания выбраны форма и методы коллективного исследовательского проекта, изучающего тело в интернете посредством самого интернета: исследующего тела *других*, но также рефлексизирующего собственный опыт. Вслед за работой о жизни научной лаборатории Латура авторы статьи ставят задачу рассмотреть на эмпирическом материале возникающую новую форму: распределенные междисциплинарные исследовательские проекты, претендующие на статус альтернативных лабораторий XXI в. Использование предметного поля, связанного с телом, а также технологиями опосредования телесной репрезентации и телесно-сенсорного опыта, с одной стороны, преследует цель объединения оф- и онлайн-опыта в единое целое, а с другой – предоставляет возможность увидеть возникающую в онлайн-практиках дистанцию. Тело предстает не только как опыт, *here body*, но как форма – индивидуальная, коллективная, множественная, распределенная, динамическая, тогда как необходимость технологического опосредования становится вызовом для вовлеченности в совместную работу, кооперации и, в широком смысле, интеграции. Новая, «подключенная» к интернету реальность распределенных исследовательских проектов требует от участников особых навыков и мотивации, без которых междисциплинарность на практике становится неосуществимой. Повышение сложности системы и доступности для участников, кажущейся близости, наблюдается одновременно с процессами атомизации – онтологической, социальной, а также физической, ощущаемой на уровне телесно-сенсорного опыта, которую возможно преодолеть.

Ключевые слова: тело, технологии, интернет, лаборатория, антропология

Предшественником лаборатории, посвященной телу в контексте интернета, была идея провести коллективное исследование привязанностей к цифровым практикам, так называемым *цифровым зависимостям*, прежде всего играм, в рамках направления медицинской антропологии. Реализовать проект, получивший предварительное название *addiction lab*, не удалось, но вместо этого в 2018 г. в рамках Онлайн-школы Клуба любителей интернета и общества, независимого научного сетевого сообщества социальных исследователей технологий, был за-

пущен вариант с более широкой тематикой: междисциплинарный дистанционный курс «Тело и интернет», совмещающий теоретическую программу и возможности для исследования. Проект курса, *body tech*, как его маркировали в цифровых каналах, ставил целью собрать на одной платформе теории, методы и практики, включая в поле интересов как различные формы воплощения человека в виртуальном пространстве, составляющие традиционный предмет цифровой этнографии, так и непосредственный телесно-сенсорный опыт, связанный с использованием интернета: что делает тело, пока человек находится в интернете, как онлайн-опыт влияет на офлайн и наоборот, может ли тело быть интерфейсом сборки реальностей?

Курс состоялся в марте-июне 2018 г. коллективными усилиями 3 тьюторов, 5 лекторов и 12 участников, среди которых были антропологи, социологи, психологи, философы, культурологи, художники. В результате участниками курса было проведено восемь индивидуальных мини-проектов, но не менее значимым результатом стал опыт подготовки и совместной реализации исследовательской лаборатории. Несмотря на общее название «школы», курс изначально задумывался как *лаборатория*, группа, где каждый участник-исследователь имеет конкретный опыт в своем предметном поле и готов вносить его в коллективную работу, которая позволила бы расширить теоретические подходы к изучению опыта тела и технологий, а также исследованию феномена цифровой технологической медиации телесного опыта.

Такое понимание лаборатории отличается от общепринятого, используемого в STS на протяжении многих лет, где под лабораторией подразумевается исследовательская организация, где есть общая задача, формальные обязанности участников и неформальная культура взаимодействия, определенная иерархия, ограничения в пространстве и времени работы: как правило, лаборатория это физическое помещение, где работают по определенному графику. В случае нашего курса большинство из этих правил было исключено еще на этапе проектирования, а те, которые остались, работали иначе. Задачей было организовать пространство сетевого исследовательского взаимодействия, которое соответствовало бы тенденциям настоящего времени, когда проектные команды, в том числе в социальных науках, по тем или иным причинам работают дистанционно. Речь по-прежнему идет о совместном производстве знания, но взаимодействие в лаборатории такого типа выглядит и воспринимается участниками иначе. Работа практически в любой лаборатории заключается в проведении экспериментов, но в данном случае, мы проводили эксперимент над самой формой такого производства, выбрав при этом не самый типичный предмет исследования: тело.

По сути, курс представляет собой *эксперимент*, расширяющий методологические возможности исследования тела и технологий, в част-

ности тела в интернете. При проектировании методологическими приоритетами были междисциплинарность, коллективность, а также технологическая опосредованность: дистанционность, распределенность во времени и в пространстве, то есть асинхронность и виртуальность контакта для большинства участников, не знакомых друг с другом до начала проекта. Несмотря на то, что курс был русскоязычным, возможность работать онлайн позволила пригласить исследователей из разных городов и стран и за счет этого собрать участников с дополняющими компетенциями.

Результатами лаборатории являются не только исследовательские проекты участников, но также рефлексия коллективного опыта: какое знание мы получили о телах и о технологиях, а также о «племени» нас самих, социальных исследователей. Таким образом, в фокусе нашего исследования находится процесс проведения лаборатории, нежели результаты конкретных проектов. Настоящая статья ставит задачей не только описать этот эксперимент, то также исследовать лабораторию как форму. В качестве теоретической рамки используются ставшие классическими работы в области *социальных исследований технологий (science and technology studies* или STS) Б. Латура, С. Вулгара и других, посвященные лаборатории как процессу производства знания, концепция «зон обмена» П. Галисона и его последователей, а также современные теории и практики *коллективного взаимодействия – координации, кооперации, коллаборации*, использующиеся для дистанционных команд и онлайн-среды, включая работы Х. Рейнгольда, А. Пентлэнда, и др.

Интерес к лабораториям как к исследовательскому полю

Поскольку мы говорим о новых форматах, нам видится важным рассмотрение эволюции исследований лабораторий, а также того, что понимается под лабораториями в STS. Поэтому прежде, чем переходить к результатам курса, обратимся к истории исследований лабораторий, ставших некоторой точкой опоры (Latour 1983). Эти исследования начинаются в конце 1970-х гг. (Lynch 1985; Knorr-Cetina 1981; Latour, Woolgar 1986), далее, уже во второй половине 1980-х гг. в STS произошел поворот к теме технологий (Woolgar 1991) и исследованиям науки вне лабораторий. Однако исследования лабораторий сделали ряд эмпирических открытий, которые принципиальным образом повлияли на развитие дисциплины. Предметом анализа исследователей стало содержание научного знания, что не было характерно для направлений, составляющих фон, на котором эти исследования возникли и с которыми они, соответственно, спорили. Рационалистическая философия науки (Поппер и Лакатос) всячески избегает содержания научного знания. Можно выделить две важные черты рациональной философии

науки. Во-первых, для этой перспективы характерен демаркационизм – предположение четкой границы между научным знанием и ненаучным. Во-вторых, научное знание предполагается как нечто принципиально отличное от других типов знаний (Поппер 2000).

Другое значимое направление, составляющее полемический контекст для исследований лабораторий, – социология знания Мангейма. Согласно ему все знание должно объясняться социальным, исключение составляет научное знание. Социология может объяснить лишь иррациональные формы знания, но там, где действуют рациональные законы, – социологическое объяснение не нужно. Наконец, третье направление – институциональная социология науки Мертон (Мертон 2006), которая состоит в исследовании не содержания знания, а того, что находится вокруг него. Это исследования институциональной структуры науки, норм, которыми руководствуются ученые, системы поощрений и наград и т.п.

Против этих трех программ формируется другая позиция – сильная программа в социологии научного знания Блур. Эта программа формулируется во второй половине 1970-х гг., она предполагает, что научное знание – это специфическая форма культуры, которую можно изучать эмпирически и объяснять так же, как объясняют природное явление (Bloor 1976). Если с тремя предыдущими подходами исследователи лабораторий полемизируют, то программа Блур оказывается некоторым ориентиром. Эта программа утверждает, что возможно социологическое исследование содержания не как научного знания, а просто контекста, и, таким образом, открывает дорогу к лабораторным исследованиям. Однако, у подхода Блур есть ограничение, он предполагает исторические реконструкции. Соответственно, прорыв, совершенный исследователями лабораторий, был сделан отчасти благодаря этнографическому методу, который позволил провести исследование актуальных процессов функционирования науки.

Посыл исследователей лабораторий состоял в следующем: «мы пойдем туда, где еще не ступала нога антрополога, и исследуем такое современное племя, как ученые» (Latour, Woolgar 1986: 17). Авторы указывали, что, несмотря на существующее внимание к теме науки, наука не стала менее экзотичной и более понятной. Соответственно, целью исследователей лабораторий было лишить науку экзотичности и дать реалистичное описание того, как работают ученые с помощью этнографического метода. Опора не только на интервью и исторические сведения, а на данные, полученные в ходе непосредственного наблюдения, стала одним из преимуществ такого подхода, поскольку некоторые вещи не артикулируются в статьях или документах, а остаются на «кухне исследования».

Поскольку в исследованиях лабораторий в целом отсутствовала постановка какой-либо конкретной проблемы, результаты этих исследо-

ваний оказались зависимыми от того, что до этого говорили философы и социологи науки. То есть исследователи лабораторий преимущественно спорили с другими авторами, основываясь на этнографических данных. Значительная часть усилий ушла на то, чтобы показать, что данные, которые они собрали, опровергают традиционные представления о науке. В позитивном ключе исследования лабораторий дали идею о конструировании или производстве научного знания. Эта идея строится на тезисе о взаимопроникновении объекта и субъекта познания.

В лаборатории обнаруживаются ситуации, когда перед учеными стоит проблема неопределенности, когда нельзя точно установить, является ли результат эксперимента артефактом человеческой деятельности (шумом оборудования, домыслами) или в действительности имеет место некоторый сигнал со стороны реальности. В ходе научного процесса ученые стремятся преодолеть эту неразличимость объекта и субъекта и прийти к ситуации, когда субъективные допущения существуют отдельно от объективных фактов. Ввиду этого взаимопроникновения и смешения двух эпистемологических категорий, субъекта и объекта, лаборатория оказывается своего рода плавильным котлом, магмой, в которой привычные для нас в повседневности категории перемешиваются, сплавляются. Субъект-объектная схема успешно работает в отношении повседневности, когда мы понимаем, что является нашим субъективным предположением, а что является объективным свойством, например, стола. Для мира лаборатории, в котором возникают ситуации, когда нельзя различить результат деятельности ученого и ответный сигнал природы, эта схема не работает. Получается, что лаборатория это магма, где все перемешивается – природа, культура, субъект, объект, и все это из лаборатории извергается и застывает в других областях, за пределами лаборатории, где объективные факты и субъективные артефакты существуют раздельно (Venturini 2010). Это состояние магмы, когда все перемешано и исход дела (научного открытия) неизвестен, стало привилегированной точкой исследований в STS.

В дальнейшем лаборатория из объекта превращается в концепт, отдельные ситуации или части общества начинают пониматься как лаборатории и исследоваться как лаборатории. Это может быть музей или город (Giergun 2006). В данном случае лаборатория становится своего рода ресурсом, при помощи которого исследуются ситуации и части общества, которые совершенно не похожи на лаборатории. Лаборатория – это некоторая точка, в которой создается искусственное образование с очищенными субстанциями, чтобы установить между ними связи.

В русскоязычной литературе тема антропологии научных лабораторий нашла отражение в ряде работ: в исследовании молекулярно-биологических лабораторий и экономической составляющей их деятельности (Артюшина 2014); анализе коммуникативных процессов

внутри биологических лабораторий (Контарева 2015): этнографии полевой работы представителей *environmental studies* (Поправко, Чалаков 2017; Макиенко 2017, и др.). Настоящая статья продолжает направление антропологии науки, связанное с исследованиями лабораторий. Отличие нашей работы состоит в том, что мы исследуем, во-первых, новую форму лаборатории – сетевую, во-вторых, иной тип создаваемого знания. Его специфика заключается, в гораздо большей степени, в коллективном производстве индивидуальных результатов, чем создании единого для всех результата. Речь идет о лаборатории как о зоне обмена, соединяющей представителей различных парадигм, это работа на границах онтологий.

Лаборатория как зона обмена

Одной из перспективных теоретических моделей описания деятельности лаборатории может стать концепция *зон обмена*. Предложенная историком науки Питером Галисоном метафора *зон обмена* получила широкое распространение при описании процессов взаимодействия между различными сферами знания (Collins, Evans, Gorman 2007). Применяемая для рассмотрения проблем междисциплинарности в науке, эта метафора постепенно отдаляется от своих антропологических истоков. Сегодня *зонами обмена* часто называются сознательно выстроенные в рамках социального инжиниринга каналы коммуникации между научными институциями. Также под *зоной обмена* может пониматься и «классическая» лаборатория, имеющая постоянную локализацию, состав и руководство. В такую лабораторию могут быть включены исследователи и представители индустрии, что облегчает процесс трансляции результатов научно-технических разработок в практики их массового производства и рутинного использования (Thagard 2005; Дорожкин 2017). В обоих случаях взаимодействие между исследователями, работающими с разными онтологиями (полями объектов), представляет собой либо цель некоторой практической деятельности, либо необходимый аспект достижения цели.

Однако возможен иной вариант понимания термина, более полно отражающий экономический смысл формирования зон обмена – в их прямом «рыночном» смысле. Каналы коммуникации в таком случае формируются сами – исходя из частоты контактов и оценок их эффективности конкретными агентами. Агенты коммуникации в рамках такой зоны обмена не формируют классически понимаемую лабораторию, не формируют они и аналог лабораторной сети, предназначенной для делегирования исследовательских задач в рамках одного проекта. Цели агентов различны, результаты обмена оцениваются исходя из представлений об их роли в достижении этих целей. Такая модель, ди-

станцирующая от «*формирования коллективной интенциональности*» (социальная онтология Сёрла) или от «*перевода интересов*» (акторно-сетевая теория), выглядит более адекватной историческому и экономическому смыслам понятия *зон обмена*. Собственно, социальные феномены, которым может быть приписано единое целеполагание, и не должны называться *зонами*, поскольку они выступают как социальные агенты, а не как пространства проявления такой агентности.

Такое понимание *зоны обмена* и будет использовано в дальнейшем для рассмотрения некоторых аспектов работы курса. Собственно, эта зона обмена вполне легитимно может быть названа лабораторией нового типа. В ней распределение исследовательских задач происходит само собой, без строгой их унификации, исходящей из единого центра – коммуникативные потоки и направленные на выполнение одного проекта альянсы очень подвижны. Объединяющим началом такой лаборатории может выступать понимание того, что всё разнообразие исследовательских онтологий имеет отношение к одной реальной сущности. При этом осознание разнообразия онтологий – также важное условие функционирования лаборатории нового типа. Благодаря осознанию различий, взаимодействие между исследователями не направлено на оценку истинности выводов, полученных в другой онтологии, но ориентировано на поиск форм координации, или стратегии обмена между членами лаборатории, работающими с разными полями объектов. В следующем разделе будут рассмотрены некоторые современные модели взаимодействия, работающие в онлайн-среде.

Лаборатория онлайн

Те, кто имеет опыт профессиональной деятельности онлайн, как правило, интуитивно замечают отличия такой формы от привычного большинству очного взаимодействия, но массовое осознание и принятие необходимости особенных навыков сетевой работы распространяется намного медленнее, чем происходит фактическое погружение в цифровую среду. В этой связи интерес представляют работы Х. Рейнгольда, исторической фигуры в американской цифровой культуре, лектора Стэнфорда, автора многочисленных книг (например, Rheingold 1985, 1992, 1993, 2002, 2014 и др.), которому приписывают авторство термина «*виртуальные сообщества*». Рейнгольд является специалистом в области современных медиа, *технологий кооперации* (*technologies of cooperation*) и *коллективного интеллекта* (*collective intelligence*). Его курс, посвящённый *грамотности кооперации* (*literacy of cooperation*), сетевому взаимодействию и технологиям кооперации, прошел один из авторов настоящей статьи в 2014 году.

Как вы занимаетесь бизнесом с призрачной *сетью*, которая никому не принадлежит? Как вы работаете с талантливыми людьми, с которыми вы, вероятно, никогда не встретитесь и которые не мотивированы деньгами? Как компании могут научиться «использовать преимущества» инновации, когда она приходит из мира открытых *платформ*? И на другом уровне, не видим ли мы начало конца существующих бизнес-моделей, основанных на иерархии, планировании и управлении, и чистой конкуренции? Фактически мы наблюдаем новый уровень изменений. Каковы [его] индикаторы? Рост сообществ разработчиков с открытым исходным кодом. Рост открытых онлайн-знаний. Переход власти к социально и технологически связанным «умным толпам» (*smart mobs*). И многое другое (Rheingold n.d.).

В приведенной выше цитате Рейнгольд говорит о бизнесе как о направлении деятельности, которое одним из первых столкнулось с сетевой культурой и ее последствиями. В настоящее время сказанное начинает все в большей степени относиться также и к организации производства знания, где традиционные формальные структуры вынуждены меняться под напором ситуации, а конкуренцию им составляют онлайн-форматы разной степени децентрализации. В рамках своего курса Рейнгольд исследует процессы взаимодействия в биологии и социуме, эволюцию кооперации, социальные дилеммы, общественные основания и институты для коллективных действий, технологии и навыки кооперации. Помимо знакомства с теоретическими материалами участникам курса предлагается «интенсивный эксперимент в формировании *обучающегося сообщества* (Learning objectives n.d.), таким образом, речь идет о непосредственном опыте и формирующихся в его процессе *компетенциях* участников, как о важном методологическом приеме. Радикальным приемом, непривычным для многих учащихся, является последняя неделя курса, когда перед сообществом ставится задача самоорганизации и составления общей картины (*big picture*) курса, когда «*со-учащиеся* самостоятельно организуют живые онлайн-сессии, используют форумы, блоги, диаграммы связей (*mindmaps*), чтобы отразить весь курс», и это становится еще одним, коллективным результатом совместной длительности (About this course n.d.).

Опыт проведения курса соответствует наблюдениям Рейнгольда и наглядно демонстрирует необходимость развития практических навыков кооперации для дистанционных исследовательских проектов. По аналогии с программами Рейнгольда, участники курса оказались в ситуации, когда должны были, во-первых, самостоятельно планировать свою работу, особенно за пределами теоретической части – например, по индивидуальным проектам, а во вторых, проявлять инициативу во взаимодействии с другими участниками, делиться информацией и получать ее от других. Несмотря на то, что в конкретном случае все

участники обладали существенным опытом исследовательской работы в своем предметном поле, многие оказались не готовы к такому слишком свободному, лишенному рамок и направлений формату работы. Непривычную ситуацию также усугубляла онлайн-составляющая, а именно дистанционность и асинхронность процессов: те вопросы, которые можно было решить в непосредственном контакте, могли в данном случае не решаться, а игнорироваться. В некоторых случаях это могло приводить к разрыву, когда участник не находил себе места в рамках курса и покидал его. В результате можно было отметить фрустрацию со стороны части участников, особенно в начале курса. В отсутствие формальных обязательств перед организаторами и личных неформальных обязательств перед другими незнакомыми участниками, выход представляется достаточно простой альтернативой. Такой сценарий хорошо известен тем, кто занимается дистанционным обучением, от глобальной Coursera до отечественной Нетологии. Проекту помог строгий отбор участников на основании их интереса к теме курса, а также существенного опыта в своем предметном поле. Еще одним положительным фактором стало наличие персонального контакта между тьюторами и участники. Но на практике коллективным процессам взаимодействия в рамках курса все равно требовалась внешняя фасилитация, а степень вовлеченности сильно варьировалась в зависимости от конкретного участника. Можно сделать вывод, что даже если сеть представляет площадку и прочие условия для обмена в том или ином предметном поле, эффективность такого обмена зависит также от персональных навыков: решающее значение имеет то, насколько участники сами готовы создавать собственную исследовательскую повестку, а также взаимодействовать по ее поводу с другими.

Еще один, альтернативный подход к исследованию коллективного взаимодействия предлагает А. Пентлэнд, работающий с *большими данными* в MIT Media Lab. Так же как и Рейнгольд, он интересуется особенностями работы современных команд (Pentland 2012), но исходит из иных принципов. Основываясь на внешних автоматизированных количественных моделях социальной координации в гораздо большей степени, чем на личных компетенциях, он ориентируется на подкрепленную данными результативность коллективных действий. Так, одна из его последних работ посвящена *социальной физике*:

Социальная физика – это количественная социальная наука, которая описывает надежные математические связи между информацией и потоком идей, с одной стороны, и поведением людей, с другой. *Социальная физика* помогает нам понять, как идеи движутся от человека к человеку через механизм социального обучения, и как этот поток идей, в конечном итоге, формирует нормы, производительность и творческий результат <...>. Это позволяет нам прогнозировать производительность

небольших групп, отделов внутри компаний и даже целых городов. Это также помогает нам настраивать сетевые связи, чтобы мы могли надежно принимать более эффективные решения и становиться более продуктивными (Pentland 2014).

Пентлэнд выделил так называемые *сети исследования (exploration)*, когда члены команды взаимодействуют с другими командами, а также *сети вовлечения (engagement)*, когда взаимодействие происходит внутри закрытой системы или привычной рутины, и пришел к выводу, что творческий результат «критически зависит» от практики *сетевого исследования*, то есть коллективной работы на границах отделов, дисциплин и компетенций (Ibid.). Возникает количественное обоснование возможной пользы от применения междисциплинарного подхода. Таким образом, благодаря работе Пентлэнда в качестве одной из фундаментальных идей, заложенных в основу курса, стало желание протестировать потенциальные возможности исследования на границах разных онтологий.

В рамках конкретных проектов Пентлэнд предлагает разными способами измерять как исследовательские сети, так и вовлеченность, но доступные для этого программные средства, как правило, пока недостаточно эффективны для тонкой настройки творческих команд. На опыте одного из авторов статьи, прошедшего курс Пентлэнда, посвященной *коллаборации в дистанционных интеллектуальных командах* в рамках MIT Sloan Executive Education, такие программные средства могут измерять количественные характеристики коммуникации, но не способны учесть специфики культурных и эмоциональных параметров, а также оценить качественные результаты такой работы.

В ходе курса мы не использовали специальные средства для количественной оценки коллективной работы команды, при этом оценить *сети исследования* и *вовлеченности* оказалось полезным. Такая теоретическая рамка позволила обнаружить, что несмотря на заявленную междисциплинарность программы и дополнительную фасилитацию со стороны тьюторов, общение между участниками часто происходило на основании дисциплинарной близости. Например, согласно рефлексии, проведенной после окончания курса, социальным исследователям было проще и интереснее работать друг с другом, а исследователям и художникам было трудно найти точки соприкосновения, особенно в начале курса. Такое взаимодействие в большей степени соответствует модели сетей вовлеченности, а высокая степень участия в сетях исследования была скорее исключением и значительно варьировалась в зависимости от персональных навыков и интересов. Было бы некорректно с нашей стороны брать на себя ответственность и оценивать, какой паттерн эффективнее, как это делает Пентлэнд на статистических данных. При

этом очевидно, что в реальности взаимодействия в рамках курса оказались более консервативными, чем представлялось организаторам на этапе проектирования.

Если сетевые модели Пентлэнда в определенной степени были полезны для пост-анализа, то для повседневного взаимодействия тьюторам понадобились в большей степени наработки программ Рейнгольда. В настоящее время можно говорить о том, что на основе больших данных можно прийти к ресурсным теоретическим моделям, но сами по себе технические средства коллективного взаимодействия, ставящие целью повышение его эффективности, находятся только в начале пути. Социальные технологии такого взаимодействия, так называемые *soft skills*, могут пригодиться уже сейчас – мы это можем обнаружить на материале курса, что еще раз подтверждает популярное положение в среде тех, кто занимается образовательными технологиями.

Курс, а также Онлайн-школа интернет-исследований в целом не являются единственным примером дистанционных проектов. Работа ученых в области социальных наук все больше строится на принципах сетевого взаимодействия. Одним из наиболее ярких и успешных примеров руководства распределенным коллективом в антропологических исследованиях можно назвать проекты Д. Миллера, в которых принимают участие одновременно несколько антропологов, работающих в разных географических локациях. Практически все время реализации многолетних проектов их координация проходит дистанционно, что позволяет распределенной команде делать масштабные (до 12 полей) синхронные лонгитюдные исследования в области сравнительной антропологии технологий. Можно особо отметить такие проекты Миллера и его международной команды, как исследование социальных сетей *Why We Post*, «Зачем мы *постим* [размещаем информацию в социальных сетях]» (*Why We Post* n.d.), а также *Anthropology of Smartphones and Smart Aging*, «Антропология смартфонов и “умного” старения» (*ASSA* n.d). Еще одним, имеющим большое значение сетевым принципом, который использует Миллер, является бесплатное сетевое распространение научной литературы: по его мнению, *открытый доступ* не менее важен для монографий, чем для научных журналов. Только книги из серии *Why We Post* были скачаны более полумиллиона раз (информация из рассылки Ассоциации интернет-исследователей, *Association of Internet Researchers*, <http://aoir.org>).

Повседневная работа исследователей также не исключает дистанционной работы. Например, один из авторов статьи со-организовывал в онлайн-режиме панель для одной из крупнейших международных офлайн-конференций с коллегами из Нью-Йорка и Амстердама, в работе которой участвовали ученые, представляющие поля из пяти разных стран. Еще одним примером может стать написание настоящей статьи,

обсуждение которой происходит по большей части в чате мессенджера Telegram, а также в видео-чате Zoom – при том, что все три автора находятся в Москве и, теоретически, могли бы встретиться лично. Из сказанного выше можно сделать вывод, что мы уже работаем онлайн в распределенных и дистанционных командах не только в экспериментальных проектах, но также в решении рутинных профессиональных вопросов. Похоже, что с разной степенью осознания этого факта «научное племя» начинает осваиваться на новых территориях онлайн.

Исследование тела в интернете

Далее от обсуждения формата мы переходим к содержанию лаборатории. Перед запуском курса тьюторами была подготовлена большая часть теоретических материалов. В течение первых недель курса участникам были представлены обзоры по более широким темам тела и технологий, прежде всего, феноменологии и постфеноменологии, аналитической философии, подготовленные тьюторами курса С. Шевченко и Е. Соколовой. В рамках лекционной части были записаны видео «Три тела» и «Тела и среды» С.В. Соколовского, где он описал три тела: 1) *тело физическое*, которое «лучше всего вписано в картезианское наследие модерна и наш здравый смысл» и, таким образом, наиболее часто присутствует в научных дискурсах, 2) *тело социальное*, как «демонстрируемое», «тело для других», и здесь идет речь в определенной степени о *репрезентации* телесности и 3) известное из феноменологии и данное каждому субъективно *проживаемое тело* (Соколовский 2018). Еще одним базовым материалом курса стала лекция «Тело до и после цифры» И.В. Сироткиной, показавшей, что к исследованию тела и телесности можно подходить с позиций философии, истории, политики, или нормы (Сироткина 2018).

В методологической части курса был предложен тьюториал по цифровой этнографии, а также лекция «Технологический мониторинг и обратная связь» Т. Шукина. Материалы, посвященные искусству, составили отдельное направление, включающее лекции культурологов: «Тело и технологии: искусство» О. Ремневой и «Тишина в цифровую эпоху» Ю. Стракович, арт-проект медиа-художника Helena Nikonole, а также большой перечень мультимедийных проектов в области тела и технологий. В качестве материала для онлайн-ридинга междисциплинарным коллективным курсом был выбран текст Д. Харауэй о киборгах (Haraway 1985), а также приведен общий список библиографии для самостоятельного изучения, который пополнялся в течение всего срока проведения курса усилиями как тьюторов, так и участников: например, в библиотеку были добавлены материалы в области STS и этнометодологии, а А. Широков записал лекцию про контроверзы для прикладного

блока исследований в социальных сетях. Практически все участники отметились в модерлируемом, а затем уже спонтанном составлении общей библиографии курса, посвященной пересечению областей междисциплинарных исследований тела, технологий и интернета, предлагая группе как научную литературу, так и проекты в прикладных областях. Таким образом, составление теоретического фундамента курса, начатого тьюторами с вводных обзоров и записи лекционных материалов, достаточно быстро перешло в стадию коллективной работы, результатами которой планируется поделиться в открытом доступе.

В ходе реализации курса онтологическая относительность тела также проявилась на практике. Отчасти это вызвано тем, что каждый из участников на последних неделях курса готовил свой собственный проект исследования, и в результате получилось несколько совершенно разных проектов. Три исследования имеют отношение к практикам в социальной сети Instagram: среди них изучение телесной саморепрезентации ролевиков и самопрезентации в сетевом пространстве посредством фото со знаменитостями, а также исследование образа идеального тела у девушек-подростков. Еще одно исследование относится к теме мобильных приложений: это эксперимент с «переменной пола» в приложении Tinder. Проект в области техно-арта посвящен эксперименту в области модификации тела в сети, медийному телу. Исследование видеоигр выполнено как этнометодологический анализ взаимодействия игрока с искусственным интеллектом. Есть также проект, исследующий опыт использования гаджетов: «слепсунг» для слабовидящих. Еще в большей степени затронуло сферу телесно-сенсорного опыта исследование кинестетической эмпатии в онлайн-терапии. Необходимо отметить, что участники представляли различные дисциплины, как научные, так и прикладные, обладающие своим теоретическим и методологическим аппаратом, а также языком, что создавало определённые трудности в обмене информацией и результатами.

При рассмотрении опыта курса можно отметить, что первичным объектом анализа могут выступать не только сами пути обмена результатами, относящихся к разным полям объектов, но сходства и различия множеств возможных характеристик объектов. Для всех участников именами основных объектов изучения служили *тело*, *технологии* как современные технологии *медиацции*, *интернет* как пространство, в котором существуют и преобразовываются цифровые следы тела. Однако каждый участник курса владел собственным множеством исследовательских инструментов, и множества эти были лишь в небольшой степени пересекающимися, несмотря на попытку общего прохождения теоретических материалов в первые недели курса. Соответственно, поля изучаемых объектов, заданные исследовательским инструментарием, были различными: наблюдаемые проявления такого различия отно-

сились и к структурам таких центральных объектов, как *тело* и *технологии*, и к возможным характеристикам, которые могли бы осмысленно применяться к этим объектам в рамках конкретной онтологии.

Структурные различия касались прежде всего объектов, не соотносимых напрямую с наличным биологическим телом, служащим необходимым условием феноменального опыта субъекта. Например, *идеальное тело* и *виртуальное тело* могут быть представлены как связанные с биологическим телом посредством особых феноменальных полей, существующих благодаря воображению или опыту компьютерной игры. При этом был поднят вопрос легитимности существования *идеального тела* как объекта социальных исследований: стремление к идеалу может быть необходимым свойством исследуемых людей в поле социальной психологии, и не быть таковым в поле антропологии или феноменологической философии.

Собственно, сама стабильность отношения к собственному телу не во всех случаях служила условием, конституирующим исследовательскую онтологию. Художник и перформер Мари Сокол провела исследование предпочтений участников «Ночи в музеев» в Московском музее современного искусства: им было предложено сфотографироваться и быть отмеченными в Instagram с картонной фигурой музыканта Дэвида Боуи, с картонной фигурой актрисы Тильды Суинтон в образе Боуи, или с самой Мари в образе Боуи. Можно предположить, что в созданном в этом исследовании поле объектов не существует категоризации людей по отношению к телу или к телу в Instagram: центром этой онтологии выступает созданная экспериментатором ситуация выбора, а исследуемыми объектами служит поведение людей в ситуации игры с образом *другого*, в рамках которого им не приписывается некоторое изначальное отношение к этому выбору. Социальный антрополог О. Воробьева также исследовала саморепрезентацию *других* в Instagram, а именно представителей сообщества ролевиков, показав, что сеть в большей степени является пространством для самовыражения, чем для поддержания связей, а ролевики часто представляют себя не только в образе. В анализе видеоигры А. Широкова *искусственный другой* (искусственный интеллект, с которым взаимодействует игрок) предстал не как конкретный персонаж игры, но как ситуация взаимодействия во всей её сложности. Проект медиахудожника А. Леоновой «От Евгеники до ушек зайки» предоставил в результатах курса перспективу от первого лица, являясь исследованием возможности автомодификации, где, помимо факта создания творческого результата, автор обратила внимание на то, насколько глубоко такой опыт может вовлекать.

В некоторых проектах курса тело оказывалось лишь срезом более сложного объекта исследования, например, опыта исследования гендерного поведения в социальных сетях. Проект А. Хазиной предпола-

гал временный обмен аккаунтами в Tinder между тремя молодыми людьми и тремя девушками, находившимися в разных странах. Можно предположить, что тем самым для участников более объёмным представал их собственный изначальный опыт поведения в этой социальной сети, а контрастом для него выступал не опыт *другого*, а скорее опыт игры в *другого* как вживания в медийный образ *чужого тела*, а не опыт первичных телесных ощущений. На последний было ориентировано исследование А. Курленковой, посвященное практикам конструктивной доработки массовых моделей мобильных телефонов для нужд слабовидящих и формам взаимодействия с ними. В этом проекте тело фигурирует как объект *подключения* каналов восприятия внешнего мира, при этом значимость каналов задана функциональными возможностями органов чувств: в центре проблематизации находятся формы сенсорного взаимодействия тела с технологическим артефактом и конструирование этого артефакта, предполагающее несколько форм такого взаимодействия.

Еще одним исследованием, направленным на исследование телесно-сенсорного опыта, стала работа Ю. Морозовой, посвященная феномену кинестетической эмпатии в терапии, проводимой онлайн. Будучи ключевой для практики танцевально-двигательной терапии, концепция кинестетической эмпатии означает вовлечение терапевта в интересующий опыт посредством своего тела. Цель исследования состояла в том, чтобы понять, каким образом может поддерживаться обмен сенсорно-эмоционально-когнитивным опытом в условиях ограничений, вызванных технологическим опосредованием. Различия он- и офлайн сессий с точки зрения структуры не принципиальны, кроме некоторых технических аспектов, тогда как самому терапевту требуется дополнительная телесная настройка, «заземление». В процессе ему также приходится компенсировать недостаток сенсорной информации: «подкручивать внутреннюю громкость», необходимую для поддержания всесторонней вовлеченности и качества контакта; становится различимым дополнительное усилие тела-контейнера терапевта. Последнее наблюдение пересекается с общей рефлексией курса, касающейся дистанционного взаимодействия, речь о которой пойдет в разделе ниже.

Коллективное взаимодействие и его результаты

Курс подразумевал не только предварительную подготовку материалов, но и постоянную поддержку в ходе реализации курса, включающую модерацию процесса взаимодействия участников. В течение первых недель участникам давались задания, теоретические и методологические материалы обсуждались в асинхронных текстовых форматах (чаты, коллективная работа с текстами), но предлагались также ежене-

дельные видеочаты, которые записывались для тех участников, которые не смогли присоединиться в обозначенное время. Задачей тьюторов было максимальным образом фасилитировать совместную работу в условиях дистанционности. Поддержание вовлеченности требовало заметных усилий и от модератора, и от участников: своеобразной формой коммуникации и, кстати, визуальной репрезентации этого стали стикеры с горящими и отрубленными частями тела в чате курса. Похоже, что общим моментом для всех участников процесса становилась нехватка времени: исследовательский курс не является ни для кого основной формой занятости, это добровольно взятое на себя обязательство, которое может вступать в конфликт с теми или иными обстоятельствами; кроме этого, дистанционный формат изначально предполагает гибкость и, таким образом, автоматически уступает более «насыщенным» делам офлайн. При проведении анализа с подобных позиций можно вообще удивиться тому, что предложенную теорию курса совместно прошли 10 участников из 12, а 8 участников завершили не только основную часть, но и сделали собственные проекты. Влияние на результат оказали такие факторы, как изначально высокая мотивация и квалификация участников в своем предметном поле, а также совместная работа по поддержанию контакта и обмена.

Тем не менее работа курса не может быть описана как единообразная или следующая одной модели. Можно было наблюдать, в терминах Пентлэнда, и наличие *сетей вовлеченности*, когда академические исследователи стремились больше общаться друг с другом, обнаруживая большую пользу в работе коллег-ученых, пусть даже из других дисциплин, и *сети исследования*, когда контакты строились в более свободном ключе. В качестве примера последнего можно привести обнаружение факта, что многие научные тексты о теле, по сути, *disembodied*, их чтение никак не включают тело. Подготовка статьи вернула авторов к этой теме на уровне обсуждения *тела проживаемого, here body*, и *тела концептуального*, составляющего большую часть литературы. В социальных исследованиях тело проявляется из абстрактного в нечто обозримое, как правило, когда с ним что-то не так, например, если это больное тело. Репрезентации тела зачастую не воспринимаются и не обозначаются как *тело*. За исключением, пожалуй, подходов феноменологии, а также телесно-ориентированных практик или медитаций, где внимание целенаправленно направляется на опыт *проживания* тела, тело *растворяется* в словах. Попытка оправдать существующее положение, в котором опыт тела деприоритизируется, потребностью науки в генерализации и принесении общественной пользы привела к обсуждению характерного для естественно-научных исследований поиска компромисса между такими параметрами его результатов, как *предсказательная сила (power)*, *достоверность (reliability)* и *валидность (validity)*.

Однако эти методологические изыскания никак не скоординированы с потребностью в исследовании *тела живого*. Возвращаясь к истории курса, в рамках коллективного обсуждения эссе по материалам постфеноменологии, наличие в курсе Ю. Морозовой, опытного танцевально-двигательного терапевта, позволило связать опыт *проживаемый* и *концептуальный*, а А. Курленковой – обратить внимание на то, что постфеноменолог Д. Айди в одном из примеров интерпретирует тело *другого*, то есть в привычном для современной науки ключе переходит от *here body* к *телу концептуальному*.

Конечно, это не значит, что для остальных членов команды материалы из других «полей» остались совершенно невостребованными. Возможно, для некоторых синтез произошел в меньшей степени, и по этой причине мы не смогли увидеть и оценить результат сразу. Так или иначе, практика обмена вносит свой вклад на границах теорий, методов, привычных команд. По логике тьюторов, для исследователей такими новыми направлениями могли бы стать прикладные проекты, для художников – идеи и теории, и так далее. Но на практике каждый участник смог взять из предложенного свой собственный, уникальный набор знаний, навыков, компетенций и контактов. Каждый участник в той или иной степени *стал лабораторией*: источником, творцом и синтезатором нового знания, поставленным в рамки эксперимента и непривычного для себя обмена. Дизайн самого курса лишь предоставил некоторую инфраструктуру, зонирование такого обмена. Поэтому если на уровне индивидуальных участников отмечается расширение методологических, теоретических и прочих границ, то для лаборатории в целом было трудно определить и описать общий результат. Есть некоторое виртуальное пространство проекта, где будут опубликованы собранные материалы, а также напечатан каталог, материальный артефакт. Тем не менее это пространство воспринимается как состоящее из фрагментов, и некоторым участникам курса может быть достаточно трудно присвоить его целиком, что возвращает нас к цитате Рейнгольда о «призрачной сети, которая никому не принадлежит», но которую, фактически, «сплели» мы сами, чему есть тщательно задокументированное подтверждение.

Необходимо отметить, что непосредственный опыт обмена не обязательно должен обладать сиюминутными смыслом и видимым результатом, в подходе Рейнгольда он имеет собственную ценность, образуя компетенции, необходимые для работы в новой гибридной технологической среде. На взгляд авторов статьи, работа на границах происходит не столько в рамках дисциплин, сколько в рамках онтологий. В современном научном мире междисциплинарность кажется общим местом, что особенно ощутимо в таких направлениях, как STS, при этом на практике огораживание по-прежнему происходит повсеместно, и пово-

дом для этого может быть не обязательно дисциплина и её теоретический язык, но также, например, принадлежность к определенному обществу, институции и так далее. Наблюдать высокую степень фрагментации можно по всему миру, в разных обстоятельствах этот процесс приобретает свои уникальные формы. В этой связи, когда мы говорим о междисциплинарности или трансдисциплинарности как об очевидном пути развития науки, особую роль обретает способность исследователя работать с разными индивидуальными и коллективными субъектами и их онтологиями, это и есть «исследование», а также необходимое условие для обмена.

Помимо общих наблюдений в области коллективного взаимодействия, интересно отметить, как именно происходил обмен знаниями по теме курса: телу в контексте интернета. В индивидуальных исследовательских проектах тело понимается как объект соотнесения с идеальным телесным образом, как коррелят медийного образа тела и маркер приватной сферы, как компонент гендерного самопозиционирования при взаимодействии в социальных сетях, как конституента сенсорного опыта. Также существует множество вторичных критических дискурсов, позволяющих осуществить сравнение или координацию описанных онтологий. Они могут быть сопоставлены, например, исходя из значимости социальных интеракций или индивидуальных феноменов телесного опыта или исходя из их соотнесённости с гражданским, экономическим, патриархальным мирами (см.: Болтански, Тевено 2013). В рамках материалов курса на рассмотрение её участникам были предложены и иные онтологии, представленные в масштабных гуманитарных дискурсах о теле: например, феноменологическом и дискурсе аналитической философии. Представить законченный ряд онтологий тела не представляется возможным, важнее то, что совместные этапы работы участников школы продемонстрировали множественность методологических перспектив исследования тела и возможности координации разных онтологий тела.

Отличие координации от перевода онтологий, как его понимает Куайн, в том, что в её рамках происходит обогащение поля объектов и методологического инструментария. При переводе механизмы референции и сами онтологии просто сопоставляются для поиска эквивалентностей с некоей сторонней точки зрения. Координация же позволяет оставаться в рамках изначальной онтологии, добавляя к ней дополнительное измерение. Так, в эксперименте М. Сокол, онтология игры была дополнена нормативным этико-правовым измерением получения согласия на использование изображения в научных целях. Благодаря координации не возникает единой онтологии, которую можно приписать лаборатории как групповому субъекту познания. Однако координация позволяет установить «обменные курсы» между разными онто-

логиями, легче вписывать высказывания других исследовательских перспектив в собственное поле объектов. Благодаря координации этот порядок может быть пересмотрен, но не разрушается из-за вторжения чужеродной системы референции, поскольку концептуальная реальность может быть изменена только изнутри: в этом Куайн солидарен с Отто Нейратом, видевшим сходство между философом и матросом, перестраивающим судно в открытом море (Куайн 2010: 121). При этом, по-прежнему неоднозначным остается фактор влияния дистанционного формата на коллективное взаимодействие и обмен. С одной стороны, в ином формате курс вряд ли мог бы состояться: привлечь участников из разных городов и стран, а главное, вести регулярную работу в течение 3 месяцев, которая возможна только в асинхронном режиме в свободное время, не будучи поддержана грантами или статусом, как, например, в команде Д. Миллера. С другой стороны, по словам некоторых участников, развиртуализация и перевод хотя бы части взаимодействия в офлайн могли бы усилить связи и помочь работе курса. В этой связи отмечалась, прежде всего, нехватка телесного соприсутствия, обеспечивающего большую степень вовлеченности, а также дающего возможность соотнести конкретную онтологическую позицию с конкретной персоналией и, таким образом, фасилитировать обмен. Такое положение созвучно последним трендам в бизнесе, касающимся в большей степени творческих и интеллектуальных команд: некоторые компании, которые ранее перешли к дистанционному формату работы, возвращают часть своих подразделений в офисы, тогда как по всему миру отмечается рост количества коворкингов. Возможно, технологическая эволюция лаборатории как формата и переход в онлайн опережает массовую способность исследователей приспособиться к этому процессу без существенных потерь. В этой связи, рефлексия экспериментального опыта помогает увидеть не только новые горизонты организационной эффективности, но и представляет исследователям возможность понять свои возникающие потребности в компетенциях, а также озвучить свои предпочтения.

Лаборатория – это искусственное пространство эксперимента, в котором становится возможно образование связей, невозможных в естественной среде. Курс стал такой лабораторией, площадкой встречи и взаимодействия, потому что разные его участники вряд ли пересеклись бы в иных обстоятельствах. Тем не менее качество этих связей и производимого обмена могло быть усилено в случае создания дополнительных зон очного взаимодействия, по аналогии с выездными школами или рабочими сессиями, когда рабочее пространство лаборатории физически ограничивается и отгораживается от остального мира. В рамках курса, уже после завершения основной части, были проведены два офлайн-мероприятия, научное и творческое, а также предварительная

встреча для целей подготовки этих мероприятий. По мнению участников, возможность встреч на более ранних этапах могла бы принести дополнительную пользу и мотивацию. Таким образом, некоторая комичность ситуации состоит в том, что исследовать тело в интернете лучше не только исключительно в интернете. По словам одного из тьюторов, эксперимент с виртуальностью было полезно провести от начала и до конца, чтобы оценить результат, но в рамках личных предпочтений и творческих достижений ему необходима совместная работа офлайн. Телесное соприсутствие офлайн, пусть даже в режиме стартовых встреч, оказалось необходимым условием успешной работы для некоторой части участников.

Литература

- Артюшина А.В. Сетевые взаимодействия в условиях конкуренции за ресурсы на примере молекулярно-биологических лабораторий в России и США: дис. ... канд. социол. наук. М.: ГУ ВШЭ, 2014.
- Болтански Л., Тевено Л. Критика и обоснование справедливости: очерки социологии градов. М.: Новое литературное обозрение, 2013.
- Дорожкин А.М. Проблемы построения и типологии зон обмена // Эпистемология и философия науки. 2017. № 4. С. 20–29. DOI: 10.5840/eps201754462
- Контарева А.Ю. Как собрать «экспериментальную систему»: коммуникация и организация современной российской научной лаборатории // Социология науки и технологий. 2015. Т. 2. С. 33–44.
- Куайн У. С точки зрения логики. М.: Канон+, 2010.
- Макиенко О.В. От STS к VSTS: проблема методологии визуальных исследований лабораторных практик и потенциал camera ethnography // Сибирские исторические исследования. 2017. № 4. С. 94–103. DOI: 10.17223/2312461X/18/7
- Мертон Р. Исследования по социологии науки // Мертон Р. Социальная теория и социальная структура. М.: АСТ, Хранитель, 2006. С. 750–865.
- Поппер К.Р. Эволюционная эпистемология // Эволюционная эпистемология и логика социальных наук: Карл Поппер и его критики. М.: Эдиториал УРСС, 2000. С. 57–74.
- Поправко И.Г., Чалаков И.Х. Следуя за практиками ученых в комплексных экологических исследованиях: осмысление опыта Томских летних школ по антропологии науки // Сибирские исторические исследования. 2017. № 4. С. 78–93. DOI: 10.17223/2312461X/18/6
- Сироткина И.Е. Тело до и после цифры // Клуб любителей интернета и общества. Youtube. 2018. URL: <https://youtu.be/v9pQwus6Y34>.
- Соколовский С.В. Три тела // Клуб любителей интернета и общества. Youtube. 2018. URL: <https://youtu.be/NGXJLBHQPE>.
- About this course: Expect participative and collaborative learning // Social Media Classroom. n.d. URL: <http://socialmediaclassroom.com/host/cooperation6/lockedwiki/main-page>.
- ASSA. n.d. URL: <https://blogs.ucl.ac.uk/assa/>.
- Bloor D. Knowledge and Social Imagery. London: Routledge, 1976.
- Collins H., Evans R., Gorman M. Trading Zones and Interactional Expertise // Studies in History and Philosophy of Science. 2007. Vol. 38, № 3. P. 686–697.
- Gieryn T.F. City as Truth-Spot: Laboratories and Field-Sites in Urban Studies // Social Studies of Science. 2006. № 1. P. 5–38.
- Haraway D. Manifesto for Cyborgs: Science, Technology, and Socialist Feminism in the 1980s // Socialist review. 1985. № 80. P. 55–80.

- Knorr-Cetina K.* The Manufacture of Knowledge: An Essay on the Constructivist and Contextual Nature of Science. London: Pergamon Press, 1981.
- Latour B.* Give me a laboratory and I will move the world // *Science Observed: Perspectives on the Social Study of Science* / Eds. by K. Knorr-Cetina, M. Mulcahy. London: SAGE Publications, 1983. P. 141–170.
- Latour B., Woolgar S.* Laboratory life. The Construction of Scientific Facts. Princeton: Princeton University Press, 1986.
- Learning objectives // *Social Media Classroom*. n.d. URL: <http://socialmediaclassroom.com/host/cooperation6/lockedwiki/learning-objectives>
- Lynch M.* Art and Artifact in Laboratory Science: A Study of Shop Work and Shop Talk in a Research Laboratory. London: Routledge Kegan & Paul, 1985.
- Pentland A.* Social Physics: How Good Ideas Spread-The Lessons from a New Science. New York: Penguin Press, 2014.
- Pentland A.* The New Science of Building Great Teams // *Harvard Business Review*. 2012. URL: <https://hbr.org/2012/04/the-new-science-of-building-great-teams>.
- Rheingold H.* Cooperation // *Howard Rheingold*. n.d. URL: <http://rheingold.com/cooperation-notes>.
- Rheingold H.* Net Smart: How to Thrive Online. Reprint edition. Cambridge: The MIT Press; 2014.
- Rheingold H.* Smart Mobs: The Next Social Revolution. Reprint edition. Cambridge: Basic Books, 2003 (2002).
- Rheingold H.* The Virtual Community: Homesteading on the Electronic Frontier. Revised edition. Cambridge: The MIT Press, 2000 (1993).
- Rheingold H.* Tools for Thought: The History and Future of Mind-Expanding Technology. Revised edition. Cambridge, Mass.: The MIT Press, 2000 (1985).
- Rheingold H.* Virtual Reality: The Revolutionary Technology of Computer-Generated Artificial Worlds - and How It Promises to Transform Society. New York: Simon & Schuster; 1992.
- Thagard P.* Being interdisciplinary: Trading zones in cognitive science // *Interdisciplinary collaboration: An emerging cognitive science* / Eds. by S.J. Derry, C.D. Schunn, M.A. Gernsbacher. Mahwah: Lawrence Erlbaum, 2005. P. 317–339.
- Venturini T.* Diving in Magma: How to explore controversies with Actor-Network // *Public Understanding of Science*. 2010. № 3. P. 258–273.
- Why We Post. n.d. URL: <http://www.ucl.ac.uk/why-we-post>.
- Woolgar S.* The Turn to Technology in Social Studies of Science // *Science, Technology & Human Values*. 1991. № 1. P. 20–50.

Статья поступила в редакцию 17 июня 2018 г.

Sokolova Elena K., Shevchenko Sergey Yu., and Shirokov Aleksandr A.

BODY AND INTERNET: THE ANTHROPOLOGY OF LABORATORY

DOI: 10.17223/2312461X/21/2

Abstract. The article explores the operation of an interdisciplinary laboratory which studies the issues of the body and corporeal representation on the Internet. The laboratory's work resulted in the implementation of eight individual research projects on the body and the Internet, as well as in collective reflection on the laboratory team's distance collaboration. The main focus was the form and methods of a collective research project studying bodies on the Internet by means of the Internet itself: studying the bodies of *others*, but also pondering one's own experience. Following the work of Latour on scientific laboratory life, the authors set the task to consider the new emerging form, drawing on empirical material: distributed

interdisciplinary research projects which are seeking the status of alternative laboratories of the twenty first century.

The use of the thematic field of the body and technologies of mediation of corporeal representation and bodily-sensor experiences pursues the goal of bringing the off- and on-line experience together, on the one hand, and gives the opportunity to see the distance emerging in online practices, on the other. The body acts not only as experience, *here body*, but also as form – individual, collective, multiple, distributed, and dynamic – while the need for technological mediation becomes a challenge to cooperation and collaboration, and, in a broader sense, to integration. New, ‘connected to’ the Internet reality of distributed research projects requires special skills and motivation of participants; without these interdisciplinarity stops being feasible. The increased complexity of the system, its accessibility to the participants and seeming proximity go along with the processes of atomisation – ontological, social and physical – which can be felt at the level of bodily-sensor experience and which can be overcome.

Keywords: body, technologies, Internet, laboratory, anthropology

References

- Artiushina A.V. *Setevye vzaimodeistviia v usloviakh konkurentsii za resursy na primere molekuliarno-biologicheskikh laboratorii v Rossii i SShA*: dis. ... kand. sotsiol. nauk [Network interactions in the context of competition for resources: the case of molecular-biological laboratories in Russia and the USA. Candidate of Sciences (Sociology)]. Moscow: GU VShE, 2014.
- Boltanski L., Thévenot L. *Kritika i obosnovanie spravedlivosti: ocherki sotsiologii gradov* [On justification. The economies of worth]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2013.
- Dorozhkin A.M. Problemy postroeniia i tipologii zon obmena [Design- and typology problems of trading zones], *Epistemologiya i filosofiya nauki*, 2017, no. 4, pp. 20-29. DOI: 10.5840/eps201754462
- Kontareva A.Iu. Kak sobrat' «eksperimental'nuiu sistemuu»: kommunikatsiia i organizatsiia sovremennoi rossiiskoi nauchnoi laboratorii [Adjusting an experimental system: communication, laboratory Space and organisation of the Russian science], *Sotsiologiya nauki i tekhnologii*, 2015, Vol. 6, no. 2, pp. 33-44.
- Quine W. *S tochki zreniia logiki* [From a logical point of view]. Moscow: Kanon+, 2010.
- Makienko O.V. Ot STS k VSTS: problema metodologii vizual'nykh issledovaniy laboratornykh praktik i potentsial camera ethnography [From STS to VSTS: methodological issues in visual research of laboratory practices and the potential of camera ethnography], *Sibirskie istoricheskie issledovaniia*, 2017, no. 4, pp. 94–103. DOI: 10.17223/2312461X/18/7
- Merton R. Issledovaniia po sotsiologii nauki [Studies in the sociology of science]. In: Merton R. *Sotsial'naiia teoriia i sotsial'naiia struktura* [Social theory and social structure]. Moscow: AST, Khranitel', 2006, pp. 750–865.
- Popper K.R. Evoliutsionnaia epistemologiya [Evolutionary epistemology]. In: *Evoliutsionnaia epistemologiya i logika sotsial'nykh nauk: Karl Popper i ego kritiki* [Evolutionary epistemology and the logic of the social sciences: Karl Popper and his critics]. Moscow: Editorial URSS, 2000. S. 57–74.
- Popravko I.G., Tchalakov I. Sleduia za praktikami uchenykh v kompleksnykh ekologicheskikh issledovaniakh: osmyslenie opyta Tomskikh letnikh shkol po antropologii nauki [Following the practices of scientists in integrated ecological research: understanding the experience of the Tomsk summer schools in the anthropology of science], *Sibirskie istoricheskie issledovaniia*, 2017, no. 4, pp. 78–93. DOI: 10.17223/2312461X/18/6
- Sirotkina I.E. Telo do i posle tsify [The body before and after digitalisation], *Klub liubitelei interneta i obshchestva* [Club of Internet and community lovers]. Youtube. 2018. Available at: <https://youtu.be/v9pQwus6Y34>

- Sokolovskii S.V. Tri tela [Three bodies], *Klub liubitelei interneta i obshchestva* [Club of Internet and community lovers]. Youtube. 2018. Available at: <https://youtu.be/NGXJLBHQP-E>.
- About this course: Expect participative and collaborative learning // Social Media Classroom. n.d. Available at: <http://socialmediaclassroom.com/host/cooperation6/lockedwiki/main-page>.
- ASSA. n.d. Available at: <https://blogs.ucl.ac.uk/assa/>.
- Bloor D. *Knowledge and Social Imagery*. London: Routledge, 1976.
- Collins H., Evans R., Gorman M. Trading Zones and Interactional Expertise, *Studies in History and Philosophy of Science*, 2007, Vol. 38, no. 3, pp. 686–697.
- Gieryn T.F. City as Truth-Spot: Laboratories and Field-Sites in Urban Studies, *Social Studies of Science*, 2006, no. 1, pp. 5–38.
- Haraway D. Manifesto for Cyborgs: Science, Technology, and Socialist Feminism in the 1980s, *Socialist review*, 1985, no. 80, pp. 55-80.
- Knorr-Cetina K. *The Manufacture of Knowledge: An Essay on the Constructivist and Contextual Nature of Science*. London: Pergamon Press, 1981.
- Latour B. Give me a laboratory and I will move the world. In: *Science Observed: Perspectives on the Social Study of Science*. Eds. K. Knorr-Cetina, M. Mulkay. London: SAGE Publications, 1983, pp. 141–170.
- Latour B., Woolgar S. *Laboratory life. The Construction of Scientific Facts*. Princeton: Princeton University Press, 1986.
- Learning objectives, *Social Media Classroom*. n.d. Available at: <http://socialmediaclassroom.com/host/cooperation6/lockedwiki/learning-objectives>
- Lynch M. *Art and Artifact in Laboratory Science: A Study of Shop Work and Shop Talk in a Research Laboratory*. London: Routledge Kegan & Paul, 1985.
- Pentland A. *Social Physics: How Good Ideas Spread-The Lessons from a New Science*. New York: Penguin Press, 2014.
- Pentland A. The New Science of Building Great Teams, *Harvard Business Review*, 2012. Available at: <https://hbr.org/2012/04/the-new-science-of-building-great-teams>.
- Rheingold H. Cooperation, *Howard Rheingold*. n.d. Available at: <http://rheingold.com/cooperation-notes>
- Rheingold H. *Net Smart: How to Thrive Online*. Reprint edition. Cambridge: The MIT Press; 2014.
- Rheingold H. *Smart Mobs: The Next Social Revolution*. Reprint edition. Cambridge: Basic Books, 2003 (2002).
- Rheingold H. *The Virtual Community: Homesteading on the Electronic Frontier*. Revised edition. Cambridge: The MIT Press, 2000 (1993).
- Rheingold H. *Tools for Thought: The History and Future of Mind-Expanding Technology*. Revised edition. Cambridge, Mass.: The MIT Press, 2000 (1985).
- Rheingold H. *Virtual Reality: The Revolutionary Technology of Computer-Generated Artificial Worlds - and How It Promises to Transform Society*. New York: Simon & Schuster; 1992.
- Thagard P. Being interdisciplinary: Trading zones in cognitive science. In: *Interdisciplinary collaboration: An emerging cognitive science*. Eds. S. J. Derry, C. D. Schunn, M. A. Gernsbacher. Mahwah: Lawrence Erlbaum, 2005, pp. 317–339.
- Venturini T. Diving in Magma: How to explore controversies with Actor-Network, *Public Understanding of Science*, 2010, no. 3, pp. 258–273.
- Why We Post*. n.d. Available at: <http://www.ucl.ac.uk/why-we-post>.
- Woolgar S. The Turn to Technology in Social Studies of Science, *Science, Technology & Human Values*, 1991, no. 1, pp. 20–50.

УДК 14: (00+62)

DOI: 10.17223/2312461X/21/3

ТЕЛЕСНОСТЬ, ТЕХНОЛОГИИ И ПРОСТРАНСТВЕННОСТЬ КАК ОСИ СУЩЕСТВОВАНИЯ ИНВАЛИДНОСТИ-ОБЪЕКТА*

Любовь Андреевна Торлопова

Аннотация. Сегодня по сравнению со второй половиной XX в. представление об инвалидности кардинально изменилось. Парадигмальный сдвиг от медицинской – к социальным моделям инвалидности заключается в смещении локализации инвалидности с индивидуального человеческого тела к социальному пространству. Инвалидность в социальных науках стала рассматриваться как социальный конструкт (Ярская-Смирнова, ВОЗ). С позиций исследований науки и техники (STS) инвалидность оказывается не только предметом дискурса, но материально-семиотическим явлением. В контексте данного исследования инвалидность выступает как пространственно-временной ансамбль (сборка), включающий в себя гетерогенные элементы реальности (тело, ассистивные технологии, ситуация конкретного человека и проч.). Несмотря на сдвиг в понимании инвалидности, тело человека, тем не менее, остается значимым элементом сборки инвалидности-объекта. Процессы киборгизации тела изменяют границы инвалидности. Техногенная среда изменяет повседневные практики, увеличивая их разнообразие и создавая гетерогенность социального пространства. Темп трансформаций человеческого тела и инфраструктуры жизнеобеспечения постоянно нарастает. В статье обсуждается пространство взаимодействия телесности, технологий и инвалидности.

Ключевые слова: инвалидность, исследования инвалидности, исследования мобильностей, исследования науки и технологий (STS), объектно-ориентированная философия, пространство, тело, технологии, гибриды

Введение

Чем является инвалидность в XXI в. в ситуации сращивания тела и техники? Сегодня все чаще встречаются случаи, когда «инвалидное» тело (физическое и социальное) «нормализуется» с помощью «добавления» к телу техники. Процессы киборгизации тела изменяют границы инвалидности. Адаптированный протез – менее инвалидизирующий случай, чем ампутация ноги с неэффективной адаптацией протеза. У двух физических тел одинаковой «комплектации» (у обоих нет по ноге) могут быть разные следствия.

---

* Статья написана при поддержке РГНФ / РФФИ, номер проекта: 16-01-00145 «Репрезентация инвалидности и людей с ограниченными возможностями здоровья в России» (руководитель – Елена Эдуардовна Штейн) и Центра академической мобильности НИ ТГУ.

После сдвига в понимании инвалидности от медицинской к социальным моделям, ее стало принято рассматривать не как физический дефект у конкретного человека, но как явление социальное. В рамках социальных моделей инвалидность описывается как конструкт или стигма (напр., Ярская-Смирнова 1997). ВОЗ определяет инвалидность как «зонтичный термин» (подробнее см.: Торлопова 2017а). В таком развивающемся с последней трети XX века направлении исследований, как STS (Science and Technology Studies), мы рассматриваем различные явления не только с точки зрения дискурса, но и в рамках материально-семиотического подхода, фокусируя исследование на социально-материальной реальности. Сдвиг к материализму более чем актуален в контексте проблематики инвалидности. В данном исследовании продолжает формироваться новое направление в описании инвалидности как собранного в пространственно-временном континууме объекта (об инвалидности как объекте см.: Торлопова 2017б, 2018). Этот подход предполагает разработку схемы пространства, позволяющего пересобрать пространственные границы инвалидности.

В России инвалидность исследуется в основном через тело физическое, материальное (медицинские дисциплины) и социальное (социогуманитарные науки). Контекст переплетения телесности и технологий в изучении инвалидности напрямую не затрагивается. В этой статье хотя и идет речь об инвалидности как самостоятельном акторе в контексте плоской онтологии Б. Латура, онтологии-в-практике А. Мол, и др., а не на феноменологии восприятия, но учитывается и тело переживаемое (Соколовский 2018: 109). Тело, технологии и пространства рассматриваются как активные составляющие гибридного объекта – инвалидности. В статье не столько даются ответы, сколько *ставятся* вопросы и анализируется пространство взаимодействия телесности, технологий и инвалидности.

Теоретическая рамка определения инвалидности через объектность

Онтологический поворот к материальному в STS, или исследованиях науки и технологий как направлении философской мысли, осуществляет поворот к объектно-ориентированной философии и аналогичным течениям.

Грэм Харман, один из основателей спекулятивного реализма, в своей работе «Tool-Being: Elements in a Theory of Objects» (Harman 2002) разработал концепт «объектно-ориентированной философии». Он и другие философы, придерживающиеся позиций спекулятивного реализма и объектно-ориентированной философии, постулируют актуальность метафизики и предлагают ее современную трактовку. В основе

возвращения к метафизике лежит критика корреляционизма и антропоцентризма, что подразумевает отказ от примата человеческого над нечеловеческим, активность нечеловеческих объектов (Бруно Латур называет их «не-человеками» – *nonhumans*). Не-человеками, которые со-конструируют реальность, могут быть артефакты, животные, технологии, идеи и концепты и проч. (Латур 2014: 23, 103).

В этой статье учитываются базовые посыпки объектно-ориентированной философии (отрицание иерархичности и фокусирование исключительно на человеческом) и некоторые идеи акторно-сетевой теории (*actor-network theory*, ANT, или материально-семиотического подхода, где сети образуются вокруг точки сборки). Интересы социологии также переключаются с переориентацией от исключительно социального – к объектам и материальностям. Как замечает Вахштайн, «все эти образы материального сегодня неотделимы от нашего интуитивного понимания социальности. Как бы банально не прозвучал такой вывод: “Мы живем в мире объектов...””. И сама банальность этой фразы – свидетельство согласованности аксиом объект-центричной социологии с современным опытом мира» (Вахштайн 2006: 39).

Теоретической основой данного исследования является гибридная онтология инвалидности. Для гибридного объекта существовать, значит, находиться в *отношениях*; быть ансамблем отношений между материальными вещами, социальными конструктами, творимыми философскими концептами и др.

Плоская онтология Латура постулирует, что существует не только многоголосие человеческого (ценность проявления любого человеческого голоса), но также и многоголосие вещей и гибридных материально-семиотических объектов. Она признает права на голос разных акторов, и их неоднородность, а также отрицает иерархичность голосов, иерархические отношения между разными гибридными объектами, сталкивающимися в одной реальности. В контексте описания и конструирования реальности (в данном случае реальности существования инвалидности) вещи (как белая трость, пандус, или любая иная технология), объекты (инвалидность, слепота или болезнь) имеют равное право на высказывание, на значимость каждого из них во влиянии на реальность.

Общество всегда оставалось гетерогенным, как и гибриды имплицитно существовали всегда, но молчание о них перемещало их в область небытия из-за отсутствия словесной экспликации, делало их невидимыми. Они, однако, существуют, и задача философии как машины по «творению концептов» (Делез, Гваттари 1998: 15) – дать им голос, возможность быть услышанными, создать знание об этих гибридах, дать им осуществиться (*to be performed*). «В коммуникативной онтологии социальность была увидена в её повседневной жизни» (Культура и коммуникации 2004: 30). Плоская же онтология делает шаг в сторону,

чтобы не только социальность человеческого могла быть увидена в повседневности, но также и социальность не-человеческого.

Понятия «ситуативность» и «локализм», свойственные подходам А. Мол (онтология-в-практике или праксиография – Mol 2002: 31, 33) и других исследователей STS, связаны, во-первых, с новым взглядом на повседневность, а во-вторых, с онтологической множественностью гибридного объекта, который является модальностью, а не закономерностью. Для описания и анализа нестабильных и изменяющихся гибридов уместно использовать социальную топологию Джона Ло (Ло 2006). Границы инвалидности могут быть описаны в рамках социальной топологии, и сделать это необходимо для того, чтобы описать отношения элементов фрагментарного, многосоставного, то есть множественного объекта инвалидности.

Инвалидность по-прежнему оценивается в обществе и в некоторых дисциплинах, например в социологии инвалидности, как предикат определенной социальной группы (подробнее см.: (Торлопова 2017а)). Нельзя, однако, не упомянуть также об обособленно развивающейся тенденции в философии – рассмотрении инвалидности как специфического понятия повседневного опыта *каждого* человека. Киборгизация, понимаемая как «процесс сращивания человека и машины», сопровождающийся «замещением технологиями натуральных функций тела и разума человека», приводит к не-способности жить без девайсов, как «неотъемлемых протезов человека» (Емелин 2013: 62–63), что трактуется некоторыми авторами как инвалидность любого человека, живущего в цифровую и техногенную эпоху.

Инфраструктура (не)доступности: городские практики мобильности и сборки инвалидности

Урбанизация играет значимую роль в сращивания тела человека и окружающей среды. Город может стать океаном с островами доступности или, напротив, глубинами в виде «поломок» городской инфраструктуры мобильности для маломобильных людей, среди которых много людей с инвалидностью. Таким образом, городская инфраструктура или пути конкретного жителя становится частью телесности человека с инвалидностью (его продолжением или экстенсией).

Помимо действующих документов внутренней социальной политики, в России в 2012 г. ратифицирована международная «Конвенция о правах инвалидов», способствующая развитию государственной программы «доступная» или «свободная от барьеров» среда (barrier-free environment). Одно из основных направлений этой программы – создание инфраструктуры для доступа маломобильных жителей к городским благам. «Доступной средой» в этом контексте выступает трансформи-

рованный дизайн города с наличием работающей инфраструктуры, включающей людей с инвалидностью и маломобильных людей в жизнь города. Необходимо учесть, что множество маломобильных людей включает не только людей с инвалидностью. Кроме того, следует учитывать, что люди не со всякой инвалидностью входят в число маломобильных. Там, где характеристики двух множеств пересекаются, находятся люди и другие акторы, о которых пойдет речь. Инвалидность является более *неоднородной*, чем принято считать, и связана не только с мобильностью и физическим состоянием человека. В традиционной парадигме инвалидности XX века, начиная с медицинской модели, *инвалидность формируется и существует по отношению к индивидуальному человеку и его пространству*. Комплекс концепций, противостоящих медицинской модели, объединяется в социальную модель, согласно которой инвалидность является общественной проблемой. В русле этих рассуждений хотелось бы специфицировать концепцию социальной модели и соединить её с идеями исследований науки и технологии, предложив рассматривать инвалидность как объект. Сам факт обозначения инвалидности как объекта, собранного в ситуативной локальной реальности, вместо обозначения ее как статуса или стигмы указывает на онтологический статус инвалидности-объекта.

Таким образом, вместо определения инвалидности как ограничения возможностей человека, шире – не-способности (*dis-ability*), ориентированного на индивида, предлагается иная онтология инвалидности, рассматривающая ее:

- как инфраструктуру недоступности, при наличии и определении которой учреждения МСЭ дают статус «инвалид», или, наоборот, как потенциал создания инфраструктуры социальной активности и благополучия человека;

- как специфический гибридный объект, собранный из таких элементов, как тело, ассистивные технологии, ситуация конкретного человека и др.

В обоих случаях фокус смещается от индивида к пространственно-временному континууму, в котором и собирается инвалидность. В этом случае человек является только одним из агентов сборки (ассамбляжа) инвалидности. Таким образом, наиболее интересны для рассмотрения инвалидность как объект и как теоретический концепт. Что же такое инвалидность в рамках городских инфраструктур доступности? Ответ на этот вопрос рассматривается на примере исследования устройства сибирского города Томска и взаимодействия с ним человека с инвалидностью.

Рассмотрим определение инвалидности российской медико-социальной экспертизы, используя онтологию-в-практике А. Мол. Бюро МСЭ – это институция, определяющая гражданский статус «инвалид». Соединяя логики мышления ситуативности и современного определе-

ния МСЭ, мы скажем, что человек в инвалидной коляске, который физически не может ходить, ещё не является в широком смысле «неспособным» (disabled). Только когда перед ним и его коляской оказывается непреодолимое препятствие, задействуется инвалидность и «собирается» в пространстве недоступная среда (non-accessible environment). Барьеры (как материальные, так и цифровые, социальные) выступают «материалом» в ансамбле инфраструктуры недоступности.

Устройство или *инфраструктура* разделяет людей на группы и способности инсценировки их инвалидности. Среди людей с инвалидностью чаще всего встречаются три группы маломобильного населения. У них достаточно собственных ресурсов для передвижения по городу, но недостаточно инфраструктуры доступности для их использования. Они соотносятся с тремя категориями жизнедеятельности человека и степенями выраженности ограничений этих категорий: 1) люди, использующие для передвижения коляски; 2) слабовидящие и незрячие; 3) глухонемые, неслышащие.

Инфраструктура (города – в целом или пространства на пути человека с инвалидностью – в частности) *выступает продолжением тела* человека с инвалидностью. *Инфраструктура доступности* является собранием акторов, которые не конфликтуют (как крутой спуск сразу после длинного пологого пандуса), но дополняют друг друга. При контакте «инвалида» и локального пространства, они (человек и пространство) объединяют усилия по выполнению общей цели – реализации мобильности человека – и делают этот процесс «гладким», сокращая затраты усилий человека по преодолению сопротивляющейся среды. Например, чтобы преодолеть часть центрального проспекта в Томске между двумя университетами (Томским госуниверситетом и Томским политехническим университетом), человеку на коляске приходится двигаться поперёк тротуара, чтобы преодолеть бордюр, газон, выехать на проезжую часть и далее двигаться в гору (или с крутой горы) вместе с автомобилями. Сбой в инфраструктуре доступности обусловлен ландшафтом этой части города, но также и мышлением конструкторов. Устройство дорог и тротуаров, сделанных в первой половине XX в. (если не ранее), вступают в конфликт с меняющейся социальной средой и необходимостью новых форм взаимодействия с ландшафтом. Существование инвалидности (как не-способности к свободному и безопасному передвижению маломобильных граждан) и запрос на такую возможность делает инвалидность и её акторов видимыми через осознание их права на голос. Любой вовлеченный человек здесь сам становится инфраструктурой, рупором для о-существования инвалидности, её воплощения в социально-материальной реальности. В процессе передвижения человека все детали окружающей среды сопричастны событию, конструирующему инвалидность в пространстве.

Какие элементы инфраструктуры доступности важны? Для людей, использующих коляски при передвижении, это – пандусы, угол наклона пандуса или швеллера, поручни, ширина дверных проходов в здании, наличие *бордюров, отдельных ступеней и лестниц*, неровностей на поверхностях тротуаров, изменения ландшафта и др. Для незрячих важны озвученные светофоры, озвучивание названий остановок в общественном транспорте, обозначение входов в здания (визуально и аудиально), тактильная плитка, её рациональное размещение, и также поверхности передвижения и ландшафты.

Один из активистов-колясочников, студент ТГУ, делает видимым инвалидность, создаваемую неудачами в городском планировании, обозначая поломки в инфраструктуре доступности, которые предстают как островки недоступности. Он демонстрирует как лишние бордюры, крутые лестницы и пандусы или остающиеся без реакции кнопки вызова у входа в аптеку и в банк, которые активизируют инфраструктуру недоступности и реализуют инвалидность. Именно в этот момент человек становится «не-способным» (справиться с ситуацией и получить доступ к всеобщим благам). Инвалидность в таком случае из индивидуальной превращается в общественную.

Существует, однако, противоположный пример для другой группы маломобильных людей. При соучастии государственных и общественных акторов незрячие Томска, имея необходимые ресурсы в повседневности, сокращают количество «столкновений» со своей инвалидностью. Наличие этих ресурсов обусловлено мультиагентной активностью. Собственные ресурсы человека – это уже индивидуальная инфраструктура, которую человек «носит» с собой. При этом создана она государственными, социальными институциями и частными лицами, вместе с техническими устройствами, навыками, знаниями, идеями. Примером инфраструктуры доступности может служить частный случай незрячей работающей женщины, независимой в своей мобильности в рамках её бытовой деятельности. Её жизнь, благодаря сложившимся практикам передвижения по знакомой местности, стабильно *встроена* в существующую инфраструктуру благодаря таким «устройствам», как её память, «программа» счета собственных шагов (их числа от одного ориентира к другому), самим ориентирам в пространстве, трости, чуткому слуху и навыкам движения с тростью.

Любопытно, что зачастую для незрячего, самостоятельно передвигающегося по городу человека, инструментом по взаимодействию с пространством становятся бордюры. При этом, интересы в отсутствии или наличии конкретных бордюров *разделяют группы* маломобильных людей с инвалидностью по специфичности их девайсов: если для людей на колясках бордюры всегда являются *барьером* для мобильности, то для незрячих отдельные бордюры (вдоль пути их следования) явля-

ются основным или даже единственным *ориентиром* в пространстве, подтверждающим правильность пути.

Противоречия актуальны не только для пользователей инфраструктуры доступности, но и среди пользователей всей городской среды, поскольку она сопротивляется взаимодействию и не всегда является гибкой. Помимо материального сопротивления среды в виде бордюров и протящегося асфальта тротуаров, есть сопротивление мышления ее конструкторов. Инженеры, строители, дизайнеры, архитекторы предполагали необходимость бордюров или лестниц там, где без них можно обойтись, и там, где сейчас, в контексте свободного самостоятельного передвижения по городу людей с инвалидностью, они стали явно лишними элементами. Сопротивление среды может выражаться явно – отсутствием нужных фрагментов инфраструктуры доступности, но также и скрыто. Устройство города действительно меняется в ходе обеспечения доступности среды для маломобильных граждан. Однако на практике это иногда выражается в *мимикрии дизайна города* под инфраструктуризацию доступной среды, что наглядно показано в видео одного ютубера, тестировщика лестниц, – «Швеллеры-убийцы». Швеллеры – металлические балки (гнутые профили), в сечении напоминающие букву «П». Таким же образом называются сделанные из этих балок (часто вдоль лестниц) металлические конструкции, наподобие пандусов (ramp). Пандусы являются отдельной, более новой, технологией, внедряющейся на улицах и в зданиях городов. Пандус – пологий подъем, дорожка для въезда, заменяющая лестницу (для передвижения инвалидов и детских колясок, перемещения грузов на тележках и т.п.). В России *швеллеры* тоже называют пандусами, хотя они значительно менее удобны, надежны, безопасны и более специфичны (необходимо соответствие расстоянию между колесами инвалидов колясок при выборе швеллеров и их установке, что делается далеко не всегда).

Инженерные усилия по созданию гибридных биосоциотехнических систем по-прежнему испытывают влияние устаревших стереотипов конструкторского мышления и прежних способов решения задач укрощения природного ландшафта или разделения зон пространства – лестниц и бордюров. Вне зависимости от того, являются ли лестницы и бордюры отголосками давнего дизайна разраставшегося города или продуктом современного негибкого мышления конструктора данного локуса пространства, в любом случае, прямо сейчас – это непреодолимое для «колясочника» препятствие. Тело в пространстве города и само пространство города представляют собой разнородные объекты. Парализованные ноги человека в коляске, сама конструкция коляски и ступени, как единственный способ преодоления участка городского пространства, не сцепляются, и в такой ситуации становится очевидна поломка инфраструктуры доступной среды (как естественно сложенная

инфраструктура недоступности города). Она требует поиска «мостов», способных соединить конфликтующих агентов. И если ступень для человека на коляске равнозначна пропасти, то в ситуации столкновения с лестницами, соединяющими мостами выступают пандусы и их имитаторы (например, швеллеры) или заменители (например, другой человек, который готов помочь человеку с инвалидностью переместиться). Эти примеры наглядно показывают, что инвалидность можно рассматривать как продукт сбоя в городской инфраструктуре, а не дефект здоровья. Если определять инвалидность как неспособность путешествовать по городу (как продукт взаимодействия с материальной городской средой), то выясняется интересный момент: чтобы сдать документы на инвалидность, *необходимо* путешествовать по городу. Этому, конечно, уделяется внимание: здания бюро МСЭ (например, в Томске) специально оборудованы, как и здания медицинских учреждений и некоторые другие, адаптированы для возможности включения в их пространство людей с инвалидностью. Однако город как пространство между точкой А (домом) и точкой Б (зданием медицинского учреждения и т.п.) – нет.

Стоит отметить, что с 2017 г. маршрутные такси Томска становятся пространством для потенциальных изменений карты мобильности людей, передвигающихся на креслах-колясках в городе. Этот феномен внедрения и развития технологий мобильности внутри существующей системы транспорта заслуживает рассмотрения в отдельной статье.

Тело является частью инфраструктуры доступности, не основной частью, но равной. По аналогии, в ситуации сломанной машины на трассе, скажем, в районе тайги (а она не так далеко от Томска), автомобилист также становится более иммобильным, и возможно, уязвимым (перед холодом, дикой природой, другими людьми и т.д.). Поэтому и в современных условиях трудно говорить, что человек с инвалидностью иммобилен *по определению* из-за «нетипичного» состояния тела. Существует возможность сократить проявленность инвалидности, само ее существование и сборку за счет трансформации среды. Начать нужно с дискуссии и создания языка описания инвалидности как множественного контекстуального объекта, что позволит быть гибкими в отношении инвалидности, а значит, точнее подбирать слова и действия для решения ее проблем.

***Современные технологии как причина парадигмального
ре-конструирования инвалидного тела: роль человека,
границы человека, технологий и пространств***

Джон Урри, современный исследователь мобильностей, описывает глобализацию следующим образом: «[она] не только умножила количество потоков и новых социальных паттернов, но также сделала воз-

возможным создавать сложные сетевые образования, связывающие разные пространственные и порой временные, локальности» (Urry 2007).

Эти сложные ансамбли в их текучей (John Law) объектности представляют собой сотрудничество и со-бытие тел, пространств, технологий в движении. Дополнительный уровень сложности образуется благодаря дигитализации социального как взаимопроникновению социальной среды и новых технологий. Это означает, что пространство человеческого присутствия, например, городское, соткано не только из материи, а значит, и взаимодействовать могут не только материальные технологии и среды, что и знаменует собой новую цифровую эпоху, когда технологии (не только материальные, но и цифровые) становятся частью человеческих тел. Протезирование, трансплантация, клонирование – это технологические процессы, трансформирующие не только материальную, но и социокультурную реальность. Цифровые технологии, люди-киборги заново ставят вопрос, что такое человек? Новое человеческое тело, резистентное к микробам, возвращенное на гмо, вакцинированное, ориентированное на сидячий образ жизни. А что такое тогда киборг? Еще один вопрос – чем становится “естественное” пространство, когда сливается с технологиями, как материальными, так и виртуальными (цифровыми). Технологии становятся частью пространств. Единая система, взаимодействующая, фрагментарная, состоящая из собранных объектов-ассамбляжей, порой распадающихся, порой сцепляющихся, когда элементы находят друг друга – или новые дополняют существующую сборку, или с нуля собирается конструкция.

Человек – это только актер, или также пространство для жизни, например, для жизни инвалидности? «Доступная среда» – это пространство или технология? Материальная инфраструктура для неходячего, такая как пандусы, представляет собой помощь в преодолении препятствий на пути. Технологии публичного пространства не дают ноги, но предоставляют среду, которой можно пользоваться без ног. Бордюры (а для кого-то – их отсутствие), оснащение светофоров звуковыми сигналами, адаптированные виды транспорта для маломобильных групп населения также являются технологиями, вплетенными в социально-материальное пространство.

Разнообразие предметов для взаимопроникновения человека и технологий, кроме такого простого инструмента, как трость, включает в себя сложные устройства: программное обеспечение, мобильные приложения, описывающие, что находится перед незрячим человеком. Случай мобильных приложений для незрячих показывает, как одно устройство создает множество технических инструментов для расширения возможностей человеческого тела и улучшения повседневной жизни. В контексте мобильности такие приложения предлагают маршрут более подробный и разнообразный, чем может предложить созна-

ние зрячего. Инфраструктура для незрячего заключается в возможности перемещения без зрения; технологии дают видение. Подробно использование мобильных устройств и программных технологий незрячими и слабовидящими в России описано в статье А.С. Курленковой (Курленкова 2018).

Робо-Венера Милосская. Технопарк г. Тбилиси, Грузия. Май 2018 г. Фото автора

Состояние человеческого тела, городская инфраструктура сегодня значительно подвижнее, чем десять лет назад, и темп трансформаций постоянно растет. У каждой физиологической особенности, послужившей основой телесного элемента инвалидности, – свои особенности взаимодействия с технологиями. Например, в случае проблем у человека с опорно-двигательным аппаратом, естественные изменения тела (быстрый рост тела ребёнка с инвалидностью) вынуждают сталкиваться с необходимостью новых технических средств реабилитации значительно чаще, нежели это знакомо ребенку, например, с проблемами по зрению. Необходимость в смене протеза каждые полгода сегодня доступна за счет новых технологий (3D-протезирование), что уменьшает стоимость нужного устройства. Время оказывается значимой осью в сети координат инвалидности-объекта, поскольку влияет как на состояние конкретного тела и окружающей среды, так и на развитие технологий глобально.

Техника вплетается в тело человека, в его повседневную жизнь, и, видоизменяя статус тела от ин-валидного к «способному», меняет и статус человека. «Трость слепого, например, входит в его схему тела и ощущается как его часть. ...Модифицированное или дооснащённое таким образом тело обретает новые возможности за счет экстензии, ставшей частью схемы тела» (Соколовский 2018: 112). Технологии ассистивные, технологии конвергентные играют «особую роль в практике изменения телесности человека», их процесс коллаборации представляет собой не просто сближение, но и *взаимопроникновение* (Алиева, Некрасова 2013). Такой уровень взаимовлияния значительно отражается на идентичности современного человека.

Онтологический поворот помогает нам увидеть реальность XXI в., в которой живут киборги (Харауэй 2017) и предсказывается существование репликантов. Киборг Донны Харауэй – «это политический миф, который призывает к преодолению трех основных различий: между природой (животными) и человеком, человеком и машиной, и между физическим и не-физическим» (Руденко 2018). В этом контексте возникает вопрос, как меняется инвалидность? Кем становится человек с инвалидностью, обретающий ресурсы современных технологий? Насколько влияют современные технологии на человеческую телесность и идентичность? В рамках философской проблематики также происходит сдвиг от противостояния телесности и духовности – к диалекте «телесность и технологии». По словам Фридриха Ницше, человек – это мост между животным и сверхчеловеком. В ситуации, когда мы переходим грани «обычного» человека, не приходим ли мы к сверхчеловеческому с помощью технологий?

Заключение

Цифровая реальность – это пространство, в котором мы тоже перемещаемся и живем. В нем также происходят события, оно содержит в себе движение, как и материальное пространство. Оно является отдельной формой окружающей среды и социальности. Социальность трансформируется, поскольку технологии всё глубже проникают в тела людей, так что человеческие тела и сознание скоро могут стать предметом воссоздания или репликации. Сделают ли нас репликанты *не-человеками*? (потому что более человечны). Подробные рассуждения по этому вопросу представлены в статье, анализирующей философский контекст художественного фильма «Бегущий по лезвию» (Филлипов 2006). Где границы наличия или отсутствия инвалидности? В современном гуманитарном дискурсе понятие «инвалид» поставлено под вопрос; можно выбрать вариант «человек с инвалидностью», поскольку человек живет «бок о бок» с некоторым объектом – инвалидностью.

Это со-существование гетерогенных акторов, как демонстрируют технологии, не является сущностью человека по природе. Присутствие инвалидности «рядом с» человеком – реляционно. Пространство, время, технологии могут сдвигать её границы или устранять ее полностью. При этом со-существование инвалидности возможно и реально (по крайней мере пока) только с человеком. Инвалидность становится самостоятельным, активным актором и как человек, не является гомогенной. Инвалидность не может рассматриваться сегодня как ярлык, стигма или феноменологическая неспособность.

Техногенный мир предлагает человеку новые повседневные практики, их становится больше, поскольку понимание того, что такое человек и как альтернативные практики повседневности (мобильности, общения, познания, труда) включены в его жизнь, способствует дифференциации социального пространства. Городское пространство как комплексная технология определяет жизнь человека, но также определяет и понятие человека. Инвалидность предстает как ассамбляж, включающий в себя и человека, и городское пространство. Городское пространство включает в себя и инвалидность; человек *обладает* инвалидностью, или точнее, «живет с ней бок о бок». Состояние человеческого тела, инфраструктура жизнеобеспечения человека и его определение через его возможности становится все подвижнее, и скорость трансформаций нарастает. Коэволюция тела и техники и влияние этого взаимодействия на границы инвалидности показывает, как техника вплетается, «проникает» в тело человека, в его повседневную жизнь, изменяя статус тела от ин-валидного к «способному» на основе техник компенсировать телесные нарушения. Если техника выступает как протез, то где границы инвалидности? Протез является необходимым элементом или инструментом, восполняющим «неспособности», или отсутствие чего-то важного в повседневности. Такое определение подходит, однако, и к технике в целом, взаимодействующей с любым человеком. Как видно, границы понятия инвалидности размываются. От четких границ инвалидности как неспособности, мы приходим к констатации размытых границ.

Литература

- Алиева Н.З., Некрасова Е.Г. Телесность человека в среде конвергентных технологий // Современные проблемы науки и образования. 2013. № 5. URL: <http://www.science-education.ru/ru/article/view?id=10370> (дата обращения: 27.07.2018).
- Вахитайн В.С. Социология вещей и «поворот к материальному» в социальной теории // Социология вещей: сборник статей / под ред. В. Вахштайна. М.: Издательский дом «Территория будущего», 2006. С. 7–42. (Серия «Университетская библиотека Александра Погорельского»).
- Делез Ж., Гваттари Ф. Что такое философия? / пер. с фр. и послесл. С.Н. Зенкина. М.: Ин-т экспериментальной социологии. СПб.: Алетейя, 1998. 288 с.

- Емелин В.А. Киборгизация и инвалидизация технологически расширенного человека // Национальный психологический журнал. 2013. № 1 (9). С. 62–70.
- Культура и коммуникация: глобальные и локальные измерения / под общ. ред. Ю.В. Петрова. Томск: Изд-во научно-технической литературы, 2004. 400 с.
- Курленкова А.С. Слепсунг, iPhone, blindroid: как незрячие люди стали пользователями мобильных телефонов // Технологии и телесность: новые концепции и методы исследований / отв. ред. С.В. Соколовский. М.: ИЭА РАН, 2018. С. 207–237.
- Латур Б. Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию / пер. с англ. И. Полонской; под ред. С. Гавриленко. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2014.
- Ло Дж. Объекты и пространства / пер. с англ. В.С. Вахштайн // Социологическое обозрение. 2006. № 5 (1). С. 30–43.
- Руденко Н.И. Больше, чем один, меньше, чем два: понятие множества в социальных науках // Логос. 2018. (В печати).
- Соколовский С.В. Тела и технологии сквозь призму техноантропологии // Антропологический форум. 2018. № 38. С. 99–121.
- Торлопова Л.А. Генеалогия понятия инвалидности // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2017а. № 37. С. 92–102.
- Торлопова Л.А. Онтологическая сборка инвалидности в практиках медико-социальной экспертизы // Социология власти. 2017б. № 3. С. 103–121.
- Торлопова Л.А. Российская медико-социальная экспертиза как обряд перехода // Этнографическое обозрение. 2018. № 1. С. 47–58.
- Филиппов А.Ф. Восстание картезианцев: к социологической характеристике фильма «Бегущий по лезвию» // Фантастическое кино. Эпизод первый. М.: Новое литературное обозрение, 2006. С. 124–152.
- Харуэй Д. Манифест киборгов: наука, технология и социалистический феминизм 1980-х. М.: Ад Маргинем Пресс, 2017.
- Ярская-Смирнова Е.Р. Социокультурный анализ нетипичности. Саратов: СГТУ, 1997.
- Hartman G. Tool-Being: Elements in a Theory of Objects. Open Court Publishing, 2002. 331 p.
- Mol A. The Body Multiple: Ontology in Medical Practice (Science and Cultural Theory). Duke University Press, 2002.
- Urry J. Mobilities. Polity Press, 2007.

Статья поступила в редакцию 17 июня 2018 г.

Torlopova Lyubov A.

CORPOREALITY, TECHNOLOGIES, AND SPATIALITY AS AXES OF DISABILITY-OBJECT'S EXISTENCE*

DOI: 10.17223/2312461X/21/3

Abstract. Today's perceptions of disability have changed dramatically compared to those of the second half of the twentieth century. The paradigmatic shift from the medical to the social model of disability consists in the localisation of disability moving from away from the individual human body towards social space. Disability in the social sciences became seen as a social construct (Yarskaya-Smirnova, WHO). From the STS perspective, disability is not only a subject of discourse but is also a material-semiotic phenomenon. In this study, disability is considered as a space-time assemblage, which contains heterogeneous elements of reality (body, assistive technologies, a given person's situation, etc.). Despite the shift in the understanding of disability, the human body remains an important element of the assembly of the disability-object. Cyborgisation of the body changes the limits of disability. The technogenic

environment changes daily practices, increasing their diversity and creating heterogeneity of social space. The pace of transformations of the human body and support infrastructure is constantly rising. The article discusses the interaction of corporeality, technologies, and disability.

Keywords: disability, disability studies, mobility studies, science and technology studies (STS), object-oriented philosophy, spaces, body, technologies, hybrids

* The work was supported by the Russian State Scientific Foundation (RGNF) / Russian Foundation of Fundamental Research (RFFI), project no. 16-01-00145, titled 'Representation of Disability and People with Disability in Russia', (principal investigator Elena E. Stein) and by the Centre of Academic Mobility (National Research Tomsk State University)

References

- Alieva N.Z., Nekrasova E.G. Telesnost' cheloveka v srede konvergentnykh tekhnologii [Human corporeality in the context of convergent technologies], *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniia*, 2013, no. 5. Available at: <http://www.science-education.ru/ru/article/view?id=10370> (Accessed 27 July 2018).
- Vakhshtain V.S. Sotsiologiya veshchei i "povorot k material'nomu" v sotsial'noi teorii [The sociology of things and the 'material turn' in social theory]. In: Vakhshtain V. (ed.) *Sotsiologiya veshchei. Sbornik statei*. [The sociology of things. A collection of articles]. Moscow: Izdatel'skii dom «Territoriia budushchego», 2006, pp. 7-42
- Deleuze G., Guattari F. *Chto takoe filosofiya?* [What is philosophy?]. Per. s fr. i poslesl. S.N. Zenkina [Translation from French and afterword by S.N. Zenkin]. Moscow: Institut eksperimental'noi sotsiologii. Spb.: Aleteiia, 1998.
- Emelin V.A. Kiborgizatsiia i invalidizatsiia tekhnologicheskii rasshirenno go cheloveka [Cyborgisation and disability of the technologically-advanced human being], *Natsional'nyi psikhologicheskii zhurnal*, 2013, no. 1(9), pp. 62–70.
- Kul'tura i kommunikatsiia: global'nye i lokal'nye izmereniia. Pod obshch.red. Iu.V. Petrova* [Culture and communication: global and local dimensions. Edited by Yu.V. Petrov]. Tomsk: Izd-vo nauchno-tekhnicheskoi literatury 2004.
- Kurlenkova A.S. Slepsung, iPhone, blindroid: kak nezriachie liudi stali pol'zovateliami mobil'nykh telefonov [Slepsung, iPhone, and blindroid: how did the blind become users of mobile phones]. In: *Tekhnologii i telesnost': novye kontseptsii i metody issledovaniia* [Technologies and corporeality: new concepts and methods of research]. Ed. by S.V. Sokolovskii. Moscow: IEA RAN, 2018, pp. 207–237.
- Latour B. *Peresborka sotsial'nogo: vvedenie v aktorno-setevuiu teoriiu* [Reassembling the social: an introduction to actor-network-theory]. Translated from English by I. Polonskoi; ed. by S. Gavrilenko; Higher School of Economics. Moscow: Izd. dom Vysheĭ shkoly ekonomiki, 2014.
- Law J. Ob'ekty i prostranstva. Per. s angl. Vakhshtain V.S. [Objects and spaces. Translated from English by V. Vakhshtain], *Sotsiologicheskoe obozrenie*, 2006, no. 5 (1), pp. 30–43.
- Rudenko N.I. Bol'she, chem odin, men'she, chem dva: poniatie mnozhestva v sotsial'nykh naukakh [More than one, less than two: the notion of multiplicity in the social sciences], *Logos*, 2018. (in print).
- Sokolovskii S.V. Tela i tekhnologii skvoz' prizmu tekhnootropologii [Bodies and technologies through the prism of techno-anthropology], *Antropologicheskii forum*, 2018, no. 38, pp. 99–121.
- Torlopova L.A. Genealogiia poniatii invalidnosti [The genealogy of the term 'disability'], *Vestn. Tom. gos. un-ta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya*, 2017a, no. 37, pp. 92–102.
- Torlopova L.A. Ontologicheskaiia sborka invalidnosti v praktikakh mediko-sotsial'noi ekspertizy [The ontological assemblage of disability in practices of socio-medical expert assessment (ekspertiza) in Russia], *Sotsiologiya vlasti*, 2017b, no. 3, pp. 103–121.

- Torlopova L.A. Rossiiskaia mediko-sotsial'naia ekspertiza kak obriad perekhoda [Russian socio-medical expert assessment (expertiza) as a rite of passage], *Etnograficheskoe obozrenie*, 2018, no. 1, pp. 47–58.
- Filippov A.F. Vosstanie karteziantsev: k sotsiologicheskoi kharakteristike fil'ma «Begushchii po lezviiu» [The revolt of the Cartesians: towards a sociological assessment of the film 'Blade runner']. In: *Fantasticheskoe kino. Epizod pervyi* [Fantasy movies. Episode 1], 2006, pp. 124–152.
- Haraway D. *Manifest kiborgov: nauka, tekhnologiia i sotsialisticheskii feminizm 1980-kh* [A manifesto for cyborgs: science, technology, and socialist feminism in the 1980s]. Moscow: Ad Marginem Press, 2017.
- Iarskaia-Smirnova E.R. *Sotsiokul'turnyi analiz netipichnosti* [A socio-cultural analysis of non-typicality]. Saratov: SGTU, 1997.
- Harman G. *Tool-Being: Elements in a Theory of Objects*. Open Court Publishing, 2002.
- Mol A. *The Body Multiple: Ontology in Medical Practice (Science and Cultural Theory)*. Duke University Press, 2002.
- Urry J. *Mobilities*. Polity Press, 2007.

УДК 303.02

DOI: 10.17223/2312461X/21/4

ТЕЛЕСНОСТЬ ЧЕЛОВЕКА И ТЕХНИКИ ПИСЬМА В АНТРОПОЛОГИИ АНДРЕ ЛЕРУА-ГУРАНА

Виктор Леонидович Круткин

Аннотация. В конце XX века в социальных науках происходит формирование новой парадигмы, ее часто именуют «поворотом к материальности». Характерное для эпохи модерна понимание человека как единственного активного субъекта начинает подвергаться сомнению, роль деятельного фактора приписывают возникающему в деятельности миру артефактов. Осмыслению этих процессов сегодня посвящен обширный корпус текстов, по-новому раскрывающих место человека в мире. Человек выступает в истории уже не как мысль, не только как идеальное сознание, но как воплощенное телесное существо. Телесность человека перестает рассматриваться лишь как природная составляющая социальных взаимодействий. Несомненно, при всех своих свершениях человек продолжает оставаться физиологическим существом. Тело – это способ, каким природа становится человеком. Для раскрытия такого становления недостаточно дуалистических методов, противопоставляющих субъект и объект, здесь требуется другая методология. В сегодняшних исследованиях историков, антропологов, социологов, психологов нельзя игнорировать результаты, полученные в ходе упомянутого междисциплинарного поворота. Настоящая статья посвящена идеям А. Леруа-Гурана, какие мы находим в его фундаментальной работе «Жест и речь» (1964). Многие его идеи предвосхищают положения «поворота к материальности», развитая им методология позволила выдвинуть ряд новых теоретических положений, раскрывающих связь эволюции человека и техники, связь мозга и языка, наметить этапы формирования социального организма, проследить рождения образной графики и словесного символизма, ведущих к появлению искусства. Техника не ограничивается ролью внешнего расширения человека, она укоренена в движениях и жестах людей. Жест понимается не как вид языка, но как часть любого языка, как основание любого письма. Жесты дают начало связанным видам письма – когда видимый язык изображений соотносится со слышимым языком речи. Статья адресуется исследователям, интересующимся социокультурной материальностью, антропологией техники и антропологией письма.

Ключевые слова: материальный поворот, техники тела, движение, жест, артефакт, фигуративное поведение, письмо, мифографическое, мифологическое

Введение

Андре Леруа-Гуран (1911–1986) – известный французский ученый, специалист в области палеонтологии, археологии, этнологии, истории техники и истории искусства, автор многих книг и статей, обладатель множества научных званий и наград. Рассказывая о себе, он нередко

отмечал, что познаниями в самых разных сферах он обязан самообразованию. В четырнадцать лет он оставил школу, ее заменили библиотеки. В двадцать лет в школе восточных языков Сорбонны он получил диплом по русскому языку и литературе, в двадцать три года – диплом по китайской филологии, в 1930-х годах он два года ведет исследования в Японии. В годы войны участвует в движении Сопротивления. Его академическая карьера успешно развивается, под руководством Марселя Мосса он защищает диссертацию (1946), становится профессором Парижского университета (1956), директором Института этнологии (1963), руководит многочисленными полевыми исследованиями по археологии, публикует книги по истории техники, истории искусства.

Фундаментальная работа «Жест и речь» выходит в свет во Франции в 1964 г. Тим Ингольд называет эту работу «одной из выдающихся в антропологии XX века» (Ingold 1999: 451). М. Шазан сопоставляет влияние этой книги А. Леруа-Гурана во Франции с книгами «Неукротенная мысль» К. Леви-Строса и «Очерк о даре» М. Мосса (Chazan 2004). Эти и другие исследователи отмечают его влияние на работы М. Фуко, Ж. Деррида, Б. Стиглера, Ж. Симондона (Stiegler 1998; Hansen 2006; White 1993; Audouze 2002; Латур 2006).

В центре размышлений Леруа-Гурана человеческая эволюция, с ее вечной проблемой – что такое человек? Есть ли это просто зоологическое существо, физически ограниченное кожей и интеллектуально ограниченное содержанием черепа? Или сущность человека состоит в трансцендировании в сферу связей с другими людьми, опосредствованную языком, в сферу нашей технической вовлеченности в материальное окружение, опосредствованную инструментами?

Обращает на себя внимание особенность восприятия его идей: лишь через тридцать лет «Жест и речь» переводят на английский язык. Но не только языковые причины мешали своевременному вхождению идей Леруа-Гурана в англоязычный научный оборот и не только непривычный для академической традиции эссеистский стиль его письма (Audouze 2002: 280). Более всего этому не способствовал мультидисциплинарный характер его идей, переплетение методов и подходов самых разных дисциплин – от палеонтологии и биологии до социологии и истории искусства. Леруа-Гуран бросал вызов правилу, которое утвердилось в Новое время, в соответствии с которым «науки могут получить место под солнцем, только при условии, что будут оставаться обособленными друг от друга. Но если то, что вы исследуете, проходит через три области, вас уже больше не понимают» (Латур 2006: 64). Думается, что с подобной особенностью восприятия этого исследователя мы сталкиваемся в России сегодня. К отмеченным трудностям добавляется теперь еще и временной фактор – прошло более полвека с момента создания этих текстов. Науки не стоят на месте и какие-то положения ав-

тора нуждаются, возможно, в уточнениях, но это никак не отменяет важности обращения к ним.

В Новое время среди прочих интеллектуальных привычек повсеместно утвердилось противопоставление культуры материальной и нематериальной (обычно именуемой «духовной»). Это распространенное положение многих отечественных учебников по социальным наукам, придерживающихся парадигмы позитивизма. Данной привычке Леруа-Гуран тоже бросал вызов. Он считал, что если принять такое разделение, то культура будет пониматься как противостоящая материальности, будет рассматриваться как парящая над материальным миром. Но культура не просто окутывает собой универсум вещей, не просто оформляет и трансформирует их поверхности – она проникает внутрь вещей (Olsen 2003: 94). И если нас интересует прошлое, то мы можем не только вещи извлекать из прошлого, но и прошлое извлекать из вещей. Примерами такого рода вещей могли бы служить артефакты, весь ландшафт культуры, наконец, тело человека, имеющее свою историю. Техники тела по М. Моссу – это исторически менявшиеся способы, какими люди используют свое тело.

Тело может выступать метафорой человеческой частичности, когда нам говорят, что «это всего лишь тело, а где душа, где дух?». Оно может быть метафорой человеческой целостности, когда мы слышим, что есть «тело души, есть тело духа, есть, наконец, тело тела (плоть)».

Материальный поворот в социальных науках связан с постановкой новых вопросов и признанием ряда факторов. Из чего состоит общество? Состоит ли оно из людей (вместе с их деятельностью, институтами и идеями) или в социальный мир следует включить еще и предметы, которые возникают в деятельности? И особо важно: если предметы допускаются в социальную реальность, то как их следует толковать – как символы социальных отношений (знаки) или как вещи, наделенные самостоятельной активностью? Материальный поворот связан с признанием того, что предметы – это не просто знаки, и люди не являются единственными деятелями в социокультурной жизни. Активность вещей заставляет к ним прислушиваться. Люди упорядочивают объекты и сами оказываются ими же упорядоченными. Мы повинемся вещам, а не знаниям о вещах. Интерес антропологии к артефактам оправдан – именно через них раскрывается непохожесть разных групп.

Техника и эволюция человека

Исходным для Леруа-Гурана выступает понятие техники. Обычное понимание техники как внешнего расширения человека он усложняет. Основной принцип техники – опосредствование, использование промежуточных звеньев в отношении к миру – он переносит внутрь чело-

века, опосредствование пронизывает всю органику. Палеонтологическая перспектива побуждает его представлять технику в качестве биологического феномена – предпосылки техники присутствовали у истоков жизни и развились постепенно с течением времени.

Во времени большой предыстории техника пребывает в форме «чисто зоологического факта» (Leroi-Gourhan 1993: 106). Переход от зоологической стадии к социологической связан с тем, что техника освобождается от связей с организмом, стремится жить собственной жизнью. Это сопровождается процессами разделения труда, установлением социальных групп внутри вида. Размышления над техникой опирались на огромный архив описанных практических преобразований веществ через ковку, обрезку, литье, формовку, которые поначалу осуществляются силами самого человека, затем силами животных, силами воздуха, ветра, воды, огня. Изобретение колесной повозки, плуга, ветряной мельницы, парусного корабля нужно рассматривать не только как порыв человеческого духа, но и как биологическое эволюционное явление (Ibid: 246), как мутацию внешнего социокультурного материального организма, который продолжает физиологическое тело человека.

Было бы ошибочно думать, что вначале завершается процесс биологической эволюции, а затем появляется техника и волшебным образом завершает процесс становления человека. Техника оказывается отнюдь не внешней силой, она встроена в процесс становления нашего зоологического вида. Более того, опосредствования входят в процессы жизни, много более древних форм, чем наш вид. Захватывающую картину эволюции создает ученый – от рыб до компьютеров, своим масштабом она не может не увлечь читателя!

Как пишет Х. Тилли, «Быть человеком означает одновременно *создавать* расстояние между собой и тем, что находится за пределами человека, и *пытаться* преодолеть это расстояние с помощью различных средств – через восприятие (зрение, слух, прикосновение), телесные действия и движения, а также интенциональность, эмоции и осознание, находящиеся в системах веры и принятия решений, памяти и оценки» (Tilley 1994: 12).

Такие процессы Леруа-Гуран раскрывал через понятия «экстериоризации», «освобождения». В деятельности возникает мир артефактов, складывается культурный ландшафт, теперь здесь идут эволюционные процессы.

Предки человека эволюционировали параллельно с другими млекопитающими, вплоть до освоения прямохождения, вертикальная поза человека задает векторы резких изменений. Рука освобождается от функции перемещения, развиваются движения предметного действия, развивается функциональная связь «рука – инструмент». Освобождение рта от функций захвата и удержания добычи ведет к актуализации другой пары – «лицо – язык».

Неверно думать, что особенность человека в инструментальном отношении к миру. Животные имеют свои инструменты по усвоению среды, они ими виртуозно пользуются. Отличие состоит в том, что человек умеет отделять инструменты от своего тела, а инструменты животных слиты с их телами. Инструмент, который «освобождается» от тела, отнюдь не превращается во внешний протез, он по-прежнему связан с телом, инструмент – это «истечение» или «секреция» антропоидного тела и мозга (Leroi-Gourhan 1993: 90).

Привлекая идею жеста, Леруа-Гуран показывает, что инструменты и тела глубоко прорастают друг в друга. Инструменты и тела изобретают друг друга, вот что лежит в основе преодоления дуализма материального и нематериального, вещественного и смыслового.

Моторные функции руки и лица оказываются решающими факторами в процессе становления жеста, который связан с материальным действием, с одной стороны, и с речью, звуковой символизацией, с другой стороны (Ibid: 187).

Рука как телесный орган и речь как орган мышления являются решающими факторами становления человека. Рука и речь формируются вместе, их единство позволяет по-новому говорить о телесности. Тело – это способ, каким природа становится человеком.

Рука является рукой не сама по себе, рука – это то, что она делает, в ходе операций с инструментами, языковая способность также существует только в процессе своего установления в речи. Одомашнивая растения и животных, человек одомашнивал и самого себя, развивал новые формы поведения, фигуративное поведение выстраивается на базе природного поведения. Отвергая церебральный критерий появления вида Ното, Леруа-Гуран отмечает, что рассуждения об этапах эволюции нужно начинать с вертикальной позы, с движений тела. Он считает, что важен не объем мозга сам по себе, движения тела и их развитие важнее, чем способность интеллекта решать задачи.

Уровни движений, описанные в физиологии активности Н. Бернштейном, убеждают в этом. Палеокинетические движения, движения синергий, пространственно-временного поля, предметного действия, наконец, движения символических координаций – вот где развивается сфера жестов и их связей (Круткин 2014). Понятие жеста позволяет преодолевать дуалистический подход, противопоставляющий тело и интеллект. Как отмечает Т. Ингольд, «интеллект лежит в жесте самом по себе, как совместная деятельность человеческого существа, инструмента и сырой материальности». Интеллект – это не только способность сохранять большое число последовательностей действий в памяти, но и способность выбирать между последовательностями. Между наиболее высокоразвитыми обезьянами и людьми существует качественное различие в свободе выбора. Это качественное различие за-

ключается не просто в том, что закрепляются дополнительные степени свободы внутри природы, здесь достигается особого рода свобода от природы (Ingold 1999: 412).

Техника, по мнению Леруа-Гурана, это одновременно инструменты и жесты, организованные в определенной последовательности, такой синтаксис придает сериям действий как стабильность, так и гибкость (Leroi-Gourhan 1993: 231–233). Жест начинается как цепочка операций инструментов с миром, эта цепочка – одновременно выражение знания и умения, здесь связываются движения и восприятия человека.

Понятие операционной последовательности обозначает инварианты, которые связывают жесты в разных средах. Отвергая привычную дихотомию интеллекта и инстинкта в объяснении деятельности, Леруа-Гуран вводит понятие «технических операций», управляемых программами, они не поддаются сознательному контролю, но сохраняются в памяти.

Существует генетическая память, она присутствует во всех живых существах, формирует автоматические поведенческие акты. Второй вид памяти – индивидуальная память, она накапливает программы через опыт и обучение. Третий тип памяти – социальная память. Этот уровень предполагает поведение, опирающееся на технику, здесь язык играет доминирующую роль, будь это повторение последовательности операций или создания новых последовательностей. Орудие труда – это инструмент, освобождающий человека от генетического принуждения, тогда как животные генетически привязаны к своему виду (Leroi-Gourhan 1993: 219–236).

Леруа-Гуран пишет, что история и философия приучили, было, нас думать о единстве рода человеческого, о неизменности природы человека. Но человек находится под воздействием не только сил природы, но и факторов, какие он вызывает в своей среде, в первую очередь – социальной среде, которая изменяется с каждым решающим изменением в технологиях. Размещать человека на эволюционной шкале между его диким предком и одухотворенным ангелом, писал Леруа-Гуран, это предаваться романтической грезе. Скорее двойником человека будет не ангел, но совершенная машина, автоматический робот. Однако, писал он, «подобный кошмар, тень которого уже веками преследует людской разум, будет близок к реальности, если найдутся люди, которые будут регулировать системы этих роботов» (Ibid: 248).

Движение и жест в фигуративном поведении

Упорядочивая мир, человек делается сам упорядоченным миром, природное поведение получает новые измерения, оно становится фигуративным. Такое поведение опирается на артефакты. Нередко эти артефакты дифференцируют на два класса – осязаемые и неосязаемые. Но

разнообразие возникающих артефактов не должно препятствовать пониманию их единства. По замечанию М. Маклюэна, есть вещи осязаемые («hardware»), такие как шары и клюшки, вилки и ложки, железные дороги, космические корабли, радиоприемники, компьютеры). Есть вещи неосязаемые («software»), такие как теории и законы в науке, философские системы, формы и стили в живописи, поэзии, музыке и так далее). «Все перечисленное в равной степени является артефактами, все они в равной степени человечны, все в равной степени поддаются анализу», и нужно быть готовым к тому, что все привычные различия между науками и искусствами, между вещами и идеями, между физической и метафизикой будут утрачивать былую строгость (McLuhan 1988).

Осязаемость и неосязаемость артефактов не следует трактовать как их материальность и нематериальность. Сама материальность артефактов – это не их изначальная характеристика. Это результат становления, опосредствования непосредственного, это продукт материализации имматериального. «Имматериальное» как термин предпочтительнее отрицательного прилагательного «нематериальное». «Имматериальное» – это не антиматериальность, это выражение присутствия «другой материальности», тогда как отрицательное прилагательное лишь отображает идею отсутствия качеств. Например, люди могут пользоваться выражением «безалкогольный напиток», но в этом случае они как раз говорят о том, чего в напитке нет и не говорят о том, что же там есть – вода, сахар, витамины, соли и т.д. Опосредствование непосредственного, материализация имматериального раскрывают еще одну сторону этой диалектики. Процесс опосредствования никогда не является завершенным полностью, каждый виток опосредствования вызывает новые проявления непосредственного. Подвергаемые одомашниванию вещи обнаруживают сопротивление, они стремятся жить и своей собственной жизнью, в деятельности результаты все ближе приближаются к целям, но они никогда не совпадают полностью с целями. Поэтому и говорят, что результаты богаче целей.

С самыми разными артефактами (вещественными и невещественными) человек связывается через нацеленность, обращенность, интенциональность. В связи с жестом формируется чувственность человека. Леруа-Гуран считал, что чувственный, т.е. эстетический, опыт много шире художественной сферы, области искусства. Эстетический опыт охватывает не только живописные феномены зрения или музыкальные феномены слуха, он охватывает всю чувственность человека – сферы обоняния, вкуса, осязания, он предлагал развивать новые области знания – физиологическую, техническую, социальную, фигуративную эстетику (Leroi-Gourhan 1993: 272).

Известен функциональный подход Б. Малиновского к потребностям, которые им различались как первичные и производные (Малиновский

2005). Первичные потребности превращаются в производные, когда складывается фигуративное поведение. Значимость различения этих потребностей несомненна. Функциональными являются не только состав пищи (белки, углеводы и т.д.), но и сложные технологии кулинарии. Функциональными выступают пищевые табу, которые с точки зрения иной культуры могут рассматриваться как иррациональные. Функционально не только острие топора, но и орнамент на его рукоятке. Орнамент выполняет ритуальные, а значит, практические функции, орнамент – это социокультурная материальность. Материальна та сторона вызываемого людьми порядка, которая способна влиять на поведение людей. Технические жесты, фиксирующие порядок самой деятельности, могут получать в этой деятельности ту или иную форму репрезентации. Это могут быть линии или серии линий, проведенные твердым предметом на том же орудии из камня или кости. Леруа-Гуран считал, что ранние графические инициативы начинаются с абстрактных точек и линий (Leroi-Gourhan 1993:190). Такие абстрактные линии и точки он связывал с колдовскими магическими практиками, считал, что именно абстрактные линии и точки являются предшествующими ритмическими манифестациями культуры. И техники руки и техники речи должны усвоить программы, не обоснованные генетически. Такой программной составляющей в единстве пространства и времени выступает ритм.

Формула «труд создал человека» вполне созвучна идеям Леруа-Гурана, но что именно делает труд человеческим? Что делает движения человеческими? Указание на «сознание», которое приходит на смену «инстинктам», не может быть принято. Деятельность человека отнюдь не всегда направляется светом сознания, да и инстинкт оказывается на проверку очень сложным явлением. Природные предпосылки деятельности и человеческая рефлексия проходят систему социального опосредствования. Ни инстинкт, ни сознание сами по себе не могут рассматриваться как причины, управляющие поведением, – они следствия. «Среди тысячи индивидов, получивших музыкальное образование, только один может быть генетически пригоден стать великим исполнителем, о котором можно сказать, что он / она играют по инстинкту, но среди тысячи музыкально одаренных индивидов только один, возможно, получил музыкальное образование – другие никогда не получают шанс формировать свою память музыкальным исполнением, и связь между их генетической пригодностью и требованием внешнего окружения никогда не будет установлена» (Ibid: 225).

По А. Леруа-Гурану, смысл жеста состоит в том, какую работу он осуществляет, безотносительно к значениям, имеющимся у сторон общения, без необходимости в символическом коде или адресате, который «читал» бы жест как знак. С палеонтологической точки зрения важным является не противопоставление жестов и речи, но раскрытие

их становления из общего корня. У нас нет оснований противопоставлять «язык слов» и «язык жестов». В лингвистике изучаются артикуляционные жесты, т.е. двигательные акты, с помощью которых реализуется речь.

Жест – это особая разновидность языка или часть любого языка? Первого подхода обычно придерживаются в лингвистике, где традиционно рассматривают жест как вид языка, дополнительный к вербальной коммуникации. Здесь считают, что жест дает о себе знать в ситуациях, когда человеку «есть что сказать» (Kendon 1996), когда существуют конвенции, в соответствии с которыми некие движения опознаются как жесты, передающие мысли и чувства. Существует немалый корпус научных текстов – лингвистических, семиотических, психологических, этнологических, посвященных проблеме описания «языка жестов» (Крейдлин 2005).

Так, Я.В. Чеснов придавал большое значение феномену жеста в этнологической перспективе. Характерно, что жесты здесь получали лишь семиотические характеристики: «Жесты либо выражают внутреннее состояние организма, либо обозначают внешнюю обстановку и цели ориентирующегося индивида» (Чеснов 1998: 190). Но кроме функции «выражать» и «обозначать» какую-то реальность, жест еще и создает некую реальность. На театральной сцене, например, когда герой яростно кричит и размахивает руками, мы имеем дело с репрезентацией гнева, тогда как в жизни это будет уже не прежняя репрезентация гнева, это будет уже скорее сам гнев.

Фигуративное поведение вытесняет то, что было природным поведением. Можно сказать, что все формы поведения людей являются выученными, ориентированными на артефакты. Сама идея «утилитарности» должна быть уточнена. С точки зрения деятельности вещи бывают полезными, бесполезными, вредными. Все, что значимо, – утилитарно. Артефакты как вещественные, так и невещественные (по словам М. Маклюэна – «hardware» и «software») с точки зрения смысла не объективны, не субъективны, они контекстуальны. А. Леруа-Гуран расширил понятие утилитарности, он считал, что «всякое искусство утилитарно: скипетр, символ королевской власти, посох епископа, любовная песня, патриотический гимн, статуя, в которой власть богов выражена материально, фреска, которая напоминает прихожанину ужас ада, – все, несомненно, имеет практическое значение» (Leroi-Gourhan 1993: 363). Раз практическое, то, значит, и материальное, ибо материальность здесь понимается не как пространственная вещественность артефактов, она понимается как порядок принуждающей людей силы.

В фигуративном поведении через жесты совершается domestикация пространства и времени, когда природные ритмы превращаются в культурные. В этот процесс человек вовлекается всей своей воплощенностью, а не одной психикой или сознанием.

Импульсы голода, равно как сексуальные импульсы, никто не может отменить, но люди изобретают сложные пищевые и половые табу, учитывающие и другую ритмичность. Пространство и время человеческого мира в истории одомашнивания утрачивают однородность. Вздох и выдох как природный ритм дыхания дает начало жестам артикуляторным, порождающим звуки слышимого голоса (речи и пения).

Одни жесты и движения служат основой для других. Локомоторные функции рук и ног служат основой движениям ходьбы и бега, но те же движения и жесты послужат основой для «выделки» формулы ритуалов и танцев. В танце как ритуале интеракции реальность не отображается, там возникает танцевальная реальность. Если рисунок – это «танец» куска угля на поверхности стены, то танец – это телесный «рисунок» в пространстве вокруг ритуального костра, танец – это синтез пространства и времени, где складывается пространство энтузиазма. В рамках «material studies» не только жилище, еда и одежда, но изображения, музыка и танец рассматриваются как формы, порождающие социокультурную материальность.

Жест наделен интенциональностью, через это он ориентирован на другого (Вульф 2011: 88–90). Жест – это способ устанавливать идентичность, способ, каким мы создаем и меняем себя, понимаем других и себя. Через жесты, позы и способы поведения в обыденных ситуациях формируется та часть связей с социальной группой, от которых человек вряд ли когда быстро освободится, даже если переместится в другой класс или этническое окружение, считал Леруа-Гуран. Жесты вместе с людьми кочуют по свету, изобретаются, заимствуются, утрачиваются и могут быть вновь найдены (Булгакова 2005). Они могут выступать ресурсом противостояния процессам гомогенизации мира (Noland 2008).

Вот почему Леруа-Гуран заключает: «инструменты, язык и ритмическое творчество являются тремя смежными аспектами одного и того же процесса» (Leroi-Gourhan 1993:373)

Техники фигуративных репрезентаций

Фигуративное поведение складывается с опорой на определенные артефакты, движения и жесты. Они не образуют заметного плана бытия, но могут быть выделены: нужны определенные усилия, чтобы обнаружить, что мы говорим прозой. Нужен перенос центра внимания, чтобы открылся мир посредников, обобщенно именуемых «медиа». Самые близкие медийные посредники – речь и письмо. И снова о специфике человека. Леруа-Гуран пишет, что инструменты и сигналы, пусть в самой зачаточной форме, но все же присутствуют у наших старших братьев. Но чего нет в мире животных – у них нет письма и чтения символов (Leroi-Gourhan 1993: 188).

Леруа-Гуран имеет в виду не то письмо, которое возникло 5000 лет назад в условиях оседлости и развития металлургии, когда стали актуальны задачи записывать жертвы богам и долги людей, когда возникли военные победы и трофеи. Тогда фонемная речь была зафиксирована подходящей линейной графикой, возникло алфавитное письмо. Здесь у него речь идет о письме, которое в виде графических росписей доходит до нас из глубины древних пещер. Каков смысл этих графических изображений, которым не менее 30 000 лет?

Верно ли, что эти изображения в пещерах были пособиями по охоте, энциклопедией мира животных, упражнениями по мастерству древних художников? Верно ли использовать наше нынешнее понятие искусства и переносить его в верхний палеолит?

Леруа-Гуран склоняется считать эти изображения графическими репрезентациями мифов, но не в смысле иллюстрирования последних. Обычный вопрос, какой задают по поводу таких графических следов, – это изображения чего? Но к пещерным инициативам можно задать и другой вопрос. Эти изображения оказываются на своде пещеры в связи с чем? Он считает, этим «чем-то» были другие жесты культуры – слова становящейся речи. Общим контекстом выступает миф. Леруа-Гуран склонен различать «мифологику» и «мифографику». Если первое связано с работой речи, то второе связано с работой рук (Ibid: 196).

Изображения – продукт особого рода жеста. Было бы поспешно переводить анализ в семиотическую плоскость. Жест в прямом смысле – не знак. Ю. Кристева считала, что «жест есть работа, предшествующая созданию знака (смысла) в ходе коммуникации» (Кристева 2004:116). Часто слишком расширительно семиотические понятия применяют к искусству, к изображениям, возникающим из особых движений и жестов.

Полезно прислушаться к мнению А. Матисса – «каждое произведение искусства – это система знаков, изобретенных во время его создания и по требованию момента. Выйдя из композиции, эти знаки утрачивают всякую действенность. Знак обладает определенностью только тогда, когда я его использую, и только применительно к предмету, с которым он должен содействовать» (Цит. по Франкастель 2005: 26). Получается, что языков искусства столько, сколько существует произведений искусств.

Письмо, по мнению ученого, существует в двух формах – графической и алфавитной. Алфавитное письмо изучено более основательно, хотя грамматология письма пока не стала антропологией письма (Эпштейн 2015). Здесь исследователей ждут интересные проблемы. Кто он – Homo scriptor, изобретатель письма как внешней памяти?

Не менее интересен вопрос, кто он – Homo pictor? Что привносят в жизнь людей создаваемые ими подобные артефакты? В какой степени изображения обладают признаками социокультурной материальности?

Конечно же, рядом с человеком, как и пишущим, так и рисующим, нужно видеть «человека говорящего». Но речь не выводит нас за пределы семиотической двойцы знака и значения, более того, ввергает в бесплодные дебаты о противостоянии вербального и визуального.

Для решения такой проблемы Ханс Бельтинг, например, развивал антропологическую теорию образа. Он полагал, что необходимо в единстве рассматривать образ, медиа (изображение) и тело человека (Belting 2005: 302). Эта триада расположена не в линию, а скорее по кругу, и можно сказать, что любое из них может занять место между двумя другими. Здесь тело человека опосредует отношение медиа (изображения) и образа. Равно как изображение опосредствует отношение тела и образа. Образ не содержится в изображении, не содержится он и в теле человека (например, в нервной системе или веществе мозга), он «содержится» в движениях и жестах опосредствований, выстраивающихся между телом человека и изображением. Письмо – графический артефакт, след движения или жеста на какой-то поверхности. Вовлеченный в опосредствование, такой след выступает как медиа.

Бельтинг пишет – мы не столько воспринимаем медиа (изображение), сколько его «оживляем», населяем образом, при этом медиа становится аналогом нас самих как телесных существ. Это близко к тому, как восприятие живописи раскрывается в феноменологии. О живописной картине М. Мерло-Понти говорил: «вижу, скорее, не ее, но сообразно ей, или с ее участием» (Мерло-Понти 1992: 17).

Мифографика и мифологика – основные техники письма, больше известные в науке под именами воображаемого и символического, образного и словесного. Чтобы лучше представить наше место, приведем слова антрополога М. Годелье, он считает, в нынешнюю эпоху «произошло общее изменение перспективы при анализе социальных фактов, смещение реального и воображаемого в сторону символического и утверждение принципа, согласно которому из воображаемого и символического (которые не могут существовать раздельно) именно символическое доминирует и, следовательно, должно быть отправной точкой любого анализа» (Годелье 2007: 35).

Важен вклад Леруа-Гурана в утверждение значимости обеих сторон опыта. «Два языка, отталкивающиеся от одного источника, приходят в существование на двух полюсах действующего поля – язык слышимый, который связан с развитием звукокоординированной сферы, и язык видимый, который, в свою очередь, связан с развитием жестом координированной сферы – жесты здесь переводятся в графические символы» (Leroi-Gourhan 1993: 195).

Мари-Жозе Мондзен – это ключевой автор в области визуальных исследований, специалист по историческим спорам иконоборцев и почитателей икон. Когда М.-Ж. Мондзен обращается к артефактам, от-

крытым в пещерах (в частности, в пещере Шове), она делает важное для нашей темы методологическое замечание: «Анри Леруа-Гуран — один из немногих, кто приблизился к философии происходящего» (Mondzain 2010: 312).

Возможны различные траектории обсуждения вопроса о связи зрения и образа. Мондзен выбирает первичность образа перед зрением. «Мы видим мир не потому лишь, что имеем глаза» (Ibid: 308). Язык нужен не сам по себе. Она пишет: «Зрячие субъекты – это те, которые пользуются глазами, чтобы видеть, и речью, чтобы говорить о том, что они видят или не видят».

Мондзен считает, что для разговора о видении не нужно сразу ставить вопрос – что видимое означает, не следует рассматривать образ как объект только зрения. Изображения и слова всегда связаны. Многие авторы отмечают связь искусства и религии. Леруа-Гуран считал, что графическими средствами удастся выразить то, что остается невыразимым для словесного языка. Графические артефакты позволяют людям восстановить их истинное место в центре космоса, что затруднительно для логических интеллектуальных систем (Leroi- Gourhan 1993: 200).

Известен парадокс картины видимого мира: в ней никак не может быть представлен сам видящий, он – белое пятно. И М.-Ж. Мондзен указывает точку, которая может давать начало субъекту. Это отпечаток руки древнего человека на стене пещеры. Их археологи обнаруживают повсеместно, древняя мифография сочетается с модным селфи.

М.-Ж. Мондзен пишет, что человек буквально опирается на стену рукой, когда располагает ладонь на ее поверхности, но затем, используя жидкий пигмент, которым он наполняет свой рот, через трубочку дует на ладонь. Затем смотрит, но не на руку, покрытую пигментом, но на оставленный рукой след, когда руку убирают (Mondzain 2010: 313). Он видит собственное отсутствие. Сталкивается с «присутствием отсутствия». Именно так часто определяют «образ».

В дневном свете вне пещеры видимых предметов гораздо больше. Но вот в чем важная особенность изображений на освещаемой факелом стене пещеры: они одновременно выступают предметами и для руки, и для взгляда. Все вокруг остается в темноте. Зрение изобреталось руками как переход от видимого мира к видимому полю. Это условие для формирования «картинного зрения», которым пользуются и современные люди.

Заключение

Инерция противопоставлять «материальную» и «нематериальную» культуру свидетельствует о живучести однолинейного понимания истории, о привычке дуалистического противопоставления тела и души в

понимании человека, привычно противопоставляющего субъект и объект в трактовке познания. Но человек находит себя в мире не как сознание, не как дух, но как воплощенное существо. Вещи мира предстоят не только человеческому сознанию, своей плотностью вещи предстоят телесности человека. Идеи Леруа-Гурана побуждают отказаться от одностороннего семиотического видения мира, когда объекты сводятся к их символической функции, а мир видится исключительно сквозь призму дискурсивных решеток, как подлежащий «чтению».

Тела людей и тела предметов образуют родственные группы, они одной субстанции в пространстве и времени. Осмысление человеком мира идет не только через язык и логику, но и через тело и чувства. Леруа-Гуран повлиял на развитие методологии междисциплинарных исследований, на становление «материального поворота» в социальных науках. Материальность здесь понимается не как пространственная непроницаемость или как вещественность артефактов, она понимается как порядок принуждающей людей силы, способной влиять на поведение людей, в этом отношении социокультурной материальности вообще невозможно что-либо противопоставить. Если рассматривать «исследования материальности» в ретроспективе, то первые шаги в этом направлении мы находим в работах Андре Леруа-Гурана. Т. Ингольд, давая характеристику книге «Жест и речь», подчеркивал ее масштабность: она «побуждает нас задуматься о наиболее фундаментальных идеях, касающихся анатомической эволюции человека, об отношениях между мозгом и телом в эволюции техники, отношениях между восприятиями и действиями в эволюции языка, между речью и письмом в эволюции искусства, между воображением и практикой» (Ingold 1999: 413). Эти слова хорошо оттеняют актуальность идей Леруа-Гурана и сегодня.

Литература

- Булгакова О.* Фабрика жестов. М.: Новое литературное обозрение, 2005.
- Вульф К.* Жесты как язык чувств. Миметический и перформативный характер жестов // Чувство, тело, движение. М.: Канон +, 2011.
- Годелье М.* Загадка дара. М.: Восточная литература, 2007.
- Крейдлин Г.* Язык тела и кинесика как раздел невербальной семиотики // Тело в русской культуре: сб. статей. М.: Новое литературное обозрение, 2005.
- Кристева Ю.* Жест: практика или коммуникация? // Избранные труды: Разрушение поэтики. М., 2004.
- Круткин В.Л.* Техники тела и движения человека // Журнал социологии и социальной антропологии. 2014. № 17 (2). С. 167—170.
- Латур Б.* Нового времени не было. Эссе по симметрической антропологии. СПб.: Изд. дом Европейского университета, 2006.
- Малиновский Б.* Научная теория культуры. М.: ОГИ, 2005.
- Мерло-Понти М.* Око и дух. М.: Искусство, 1992.
- Чеснов Я.В.* Лекции по исторической этнологии: учеб. пособие. М.: Гардарики, 1998.

- Франкастель П. Фигура и место. Визуальный порядок в эпоху Кватроченто. СПб.: Наука, 2005.
- Эпштейн М.Н. Скрипторика. Введение в антропологию и персонологию письма // Новое литературное обозрение. 2015. № 131. URL: https://www.nlobooks.ru/magazines/novoe_literaturnoe_obozrenie/131_nlo_1_2015/article/11271/ (дата обращения: 27.07.2018).
- Audouze F. Leroi-Gourhan, a Philosopher of Technique and Evolution // Journal of Archaeological Research. 2002. № 10 (4). P. 277–306.
- Belting H. Image, Medium, Body: A New Approach to Iconology // Critical Inquiry. 2005. № 31 (2). P. 302–319.
- Chazan M. Locating Gesture: Leroi-Gourhan among the Cyborgs, 2004. URL: semioticon.com/virtuals/Locating%20Gesture.pdf (дата обращения: 27.07.2018).
- Hansen M.B.N. Media Theory // Theory, Culture & Society. 2006. № 23 (2–3). P. 297–306.
- Ingold T. ‘Tools for the Hand, Language for the Face’: An Appreciation of Leroi-Gourhan’s Gesture and Speech // Studies in History and Philosophy of Biological and Biomedical Sciences. 1999. № 30 (4). P. 411–453.
- Kendon A. An Agenda for Gesture Studies // Semiotic Review of Books. 1996. № 7 (3). P. 8–12. URL: www.univie.ac.at/wissenschaftstheorie/srb/srb/gesture.html (дата обращения: 27.07.2018).
- Leroi-Gourhan A. Gesture and Speech. Translated by A. Bostock Berger. Cambridge, MA: MIT Press, 1993.
- McLuhan M. Laws of Media. University of Toronto Press, Toronto Buffalo, London, 1988.
- Mondzain M.-J. What Does Seeing an Image Mean? // Journal of Visual Culture. 2010. № 9 (3). P. 307–315.
- Noland C. Introduction // Migrations of Gesture, ed. C. Noland and S.A. Ness. Minneapolis: University of Minneapolis Press, 2008. P. 9–26.
- Olsen B. Material culture after text: re-membering things // Norwegian Archaeological Review. 2003. № 36 (2). P. 87–104.
- Stiegler B. Technics and Time, 1: The Fault of Epimetheus, transl. by R. Beardsworth and G. Collins. Stanford: Stanford University Press, 1998.
- Tilley C. A Phenomenology of Landscape Places, Paths and Monuments. BERG Oxford/Providence, USA, 1994.
- White R. Introduction // Leroi-Gourhan A. Gesture and Speech. Translated by A. Bostock Berger. Cambridge, MA: MIT Press, 1993.

Статья поступила в редакцию 8 августа 2018 г.

Krutkin Viktor L.

HUMAN CORPOREALITY AND TECHNIQUES OF WRITING IN ANDRÉ LEROI-GOURHAN’S ANTHROPOLOGY

DOI: 10.17223/2312461X/21/4

Abstract. A new paradigm in the social sciences, often called ‘material turn’, appeared at the end of the twentieth century. As is known, typical of modernity was the understanding of human beings as the only active subjects; however, it can be argued that the world of artifacts also has an active part to play as artifacts are not just signs of social relations. Today, there are many texts devoted to rethinking of these ideas that reveal the place of man in the world in a new way. Man appears in history not as a thought, not only as an ideal consciousness, but as an embodied physical being. Physicality is no longer considered only as a natural component of social interactions. This does not mean that a human being ceases to be a physiological being. The body is the way by which Nature becomes Human Being. The study of such transformation requires an interdisciplinary methodology. And now historians, anthropologists,

sociologists, and psychologists simply cannot ignore the results obtained in the course of this turn. This article explores the ideas of A. Leroi-Gourhan which we find in his fundamental work titled 'Gesture and Speech' (1964). Many ideas of his preceded those at the core of the 'material turn'. He developed an original methodology which allowed to put forward a number of theoretical provisions concerning the evolution as a whole and revealing the relationship of human evolution and technology, and the connection between the brain and language, as well as to identify the stages of social organism formation, to trace the birth of figurative graphics and verbal symbolism leading to the invention of art. Man is not a monopolist in the world of technology; technology is not limited to being an extension of the physical person, it is rooted in people's movements and gestures. Gesture is understood not as a kind of language, but as a part of any language, as a basis for writing. Gestures give rise to related types of writing – when the visible language of images correlates with the audible language of speech. The article is addressed to researchers interested in socio-cultural materiality, the anthropology of technique and writing.

Keywords: material turn, techniques of the body, gesture, movement, artifact, figurative behaviour, writing, the mythographic, the mythological

References

- Bulgakova O. *Fabrika zhestov* [The factory of gestures]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2005.
- Vulf K. Zhesty kak iazyk chuvstv. Mimeticheskii i performativnyi kharakter zhestov [Gestures as a language of feelings. The mimetic and performative character of gestures]. In: *Chuvstvo, telo, dvizhenie* [Feeling, body, and movement]. Moscow: Kanon +, 2011.
- Godelier M. *Zagadka dara* [The enigma of the gift]. Moscow: Vostochnaia literatura, 2007.
- Kreidlina G. Iazyk tela i kinetika kak razdel neverbal'noi semiotiki [The body language and kinetics as a part of non-verbal semiotics]. In: *Telo v russkoi kul'ture: Sb. statei* [The body in Russian culture: a collection of articles]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2005.
- Kristeva Ju. Zhest: praktika ili kommunikatsiia? [Gesture: practice or communication]. In: *Izbrannye trudy: Razrushenie poetiki* [Selected works: destroying the poetics]. Moscow, 2004.
- Krutkin V.L. Tekhniki tela i dvizheniia cheloveka [Techniques of the body and human movements], *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noi antropologii*, 2014, no. 17(2), pp. 167–170.
- Latour B. *Novogo vremeni ne bylo. Esse po simmetricheskoi antropologii* [We have never been modern]. St. Petersburg: Izd. dom Evropeiskogo universiteta, 2006.
- Malinowski B. *Nauchnaia teoriia kul'tury* [A scientific theory of culture and other essays]. Moscow: OGI, 2005.
- Merleau-Ponty M. *Oko i dukh* [Eye and mind]. Moscow: Iskusstvo, 1992.
- Chesnov Ia.V. *Leksii po istoricheskoi etnologii: Ucheb. posobie* [Lectures on historical ethnology: a textbook]. Moscow: Gardarika, 1998.
- Francastel P. Figura i mesto. Vizual'nyi poriadok v epokhu Kvattrocento [Figure and place: visual order in the era of Quattrocento]. St. Petersburg: Nauka, 2005.
- Epstein M.N. Skriptorika. Vvedenie v antropologiiu i personologiiu pis'ma [Scriptorics. Introduction to the anthropology and personology of writing], *Novoe literaturnoe obozrenie*, 2015, no. 131. Available at: https://www.nlobooks.ru/magazines/novoe_literaturnoe_obozrenie/131_nlo_1_2015/article/11271/ (accessed 27 July 2018).
- Audouze F. Leroi-Gourhan, a Philosopher of Technique and Evolution, *Journal of Archaeological Research*, 2002, no. 10 (4), pp. 277–306.
- Belting H. Image, Medium, Body: A New Approach to Iconology, *Critical Inquiry*, 2005, no. 31(2), pp. 302-319.
- Chazan M. Locating Gesture: Leroi-Gourhan among the Cyborgs, 2004. Available at: semioticon.com/virtuals/Locating%20Gesture.pdf (accessed 27 July 2018).
- Hansen M.B.N. Media Theory, *Theory, Culture & Society*, 2006, no. 23(2-3), pp. 297–306.

- Ingold T. 'Tools for the Hand, Language for the Face': An Appreciation of Leroi-Gourhan's Gesture and Speech, *Studies in History and Philosophy of Biological and Biomedical Sciences*, 1999, no. 30(4), pp. 411–453.
- Kendon A. An Agenda for Gesture Studies, *Semiotic Review of Books*, 1996, no. 7(3), pp. 8–12. Available at: www.univie.ac.at/wissenschaftstheorie/srb/srb/gesture.html (accessed 27 July 2018).
- Leroi-Gourhan A. *Gesture and Speech*. Translated by A. Bostock Berger. Cambridge, MA: MIT Press, 1993.
- McLuhan M. *Laws of Media*. University of Toronto Press, Toronto Buffalo, London, 1988.
- Mondzain M-J. What Does Seeing an Image Mean?, *Journal of Visual Culture*, 2010, no. 9(3), pp. 307–315.
- Noland C. Introduction. In: *Migrations of Gesture*, ed. C. Noland and S.A. Ness. Minneapolis: University of Minneapolis Press, 2008, pp. 9–26.
- Olsen B. Material culture after text: re-membering things, *Norwegian Archaeological Review*, 2003, no. 36(2), pp. 87–104.
- Stiegler B. *Technics and Time, 1: The Fault of Epimetheus*, transl. by R. Beardsworth and G. Collins. Stanford: Stanford University Press, 1998.
- Tilley C. *A Phenomenology of Landscape Places, Paths and Monuments*. BERG Oxford/Providence, USA, 1994.
- White R. Introduction. In: Leroi-Gourhan A. *Gesture and Speech*. Translated by A. Bostock Berger. Cambridge, MA: MIT Press, 1993.

УДК 14: (00+62)

DOI: 10.17223/2312461X/21/5

ЧЕЛОВЕК 2.0 В ФОКУСЕ АНТРОПОЛОГИИ*

Сергей Валерьевич Соколовский

Аннотация. В статье рассматриваются такие способы или пути интеграции человеческой телесности и техники (в терминологии В.И. Вернадского – живой и косной материи), как экстенсия, инкорпорация, делегирование функций и техники тела или соматотехники. Эти типы интеграции, вместе с нейрофармакологией и нормативным регулированием человеческой телесности выступают в качестве основных путей биотехнического синтеза и гибридизации человеческого тела с прежними и новыми технологиями в контексте транс- и постгуманистических концепций.

Ключевые слова: экстенсия, инкорпорация, делегирование функций, соматотехники, трансгуманизм

Человечество на протяжении своей истории не оставляло попыток усовершенствовать собственные умения, физические и умственные способности, ведя летопись достижений и открытий. Наш век, однако, стал чемпионом в области *human enhancement*, мобилизовав для этой цели открытия и изобретения современной технонауки и выдвинув радикальные идеи и программы улучшения буквально всех функций человеческого организма от нейропсихологических характеристик – памяти, интеллекта, способности к концентрации, скорости реакции и контроля над воображением и эмоциями до мускульной силы и усиления или расширения диапазона восприятия основных чувств. В ход идут не только давно известные анаболики и био- или нейростимуляторы – биомедицина нового поколения формирует индустрию по выращиванию тканей и органов из стволовых клеток, разворачиваются разработки нейроимплантов, объединяющих *искусственные* интеллект и память с *живым* мозгом; развиваются клеточная инженерия для prolongation жизни, генная терапия и эксперименты, затрагивающие геном человека. Биохакинг из дорогостоящего профессионального эксперимента стал общедоступной технологией и превратился в домашнюю игровую лабораторию для подростков. Темпы этого бурного развития выдвигают особые требования к его философскому и этическому осмыслению и обуславливают пристальное внимание к биотехнологи-

---

* Статья подготовлена в рамках поддержанного РНФ исследовательского проекта (грант № 18-18-00082).

ям среди представителей всех социальных наук, включая антропологов, поскольку все перечисленные изменения трансформируют основной предмет дисциплины – человека и касаются его видовой и социальной идентичности. Разделяемые и развиваемые отдельными исследователями и энтузиастами программы пост- и трансгуманизма также нуждаются в этической и научной оценке их возможных социальных, политических и моральных последствий.

Направления совершенствования человеческого тела, включенного в техносоматические сборки, с позиции технологии их реализации можно разделить на пять основных подходов: *фармацевтические средства* (1), *соматотехники*, или техники тела (2), *экстензии* (3) и ассоциированное с ними, но обладающее собственной спецификой *делегирование функций* (4), и наконец, *инкорпорации* (5). Фактически каждый из этих путей сопровождал человечество на протяжении всей его истории, но развивался относительно независимо от других, и лишь в последнее время благодаря развитию НБИКС-технологий (нано-, био-, инфо-, когнитивных и социальных) мы стали свидетелями конвергенции этих подходов и появления нового качества, усилившего и сделавшего для всех очевидными растущее взаимовлияние человеческой телесности и созданной человеком техносреды. Хорошо исследованный фармакологический способ регуляции телесных функций, объединяющий первоначально технологии добыwania и приготовления еды (здесь я имею в виду пищевую концепцию происхождения лекарств) и тело, а впоследствии с развитием медицины – специализированные технологии производства лекарств – с медицинскими технологиями, здесь рассматриваться не будет. Особняком стоит и еще один путь – регулирование телесных функций нормативно, за счет правил и запретов, законов и норм (моральных, религиозных, психологических, гигиенических, сексуальных) и обусловленных ими специальных техник (диет, воздержания, аскезы, упражнений, психотехник и т.п.). С техникой как общим понятием их объединяет не прямой путь к цели с применением специальных средств, опосредующих ее достижение. Упоминание этой группы направленных на собственное тело и мозг средств оправдано и этимологически, поскольку др.-греч. *τέχνη* означало не только умение, но и хитрость, уловку, расчет. Остальные четыре способа объединения или сцепления тела и техники заслуживают краткого рассмотрения в рамках избранной здесь темы. Все они разными способами соединяют в целое элементы техносреды или косной материи с живыми структурами или подсистемами человеческого тела.

Инкорпорации

Этим термином удобно обозначить ту часть устройств (искусственных органов и тканей, в ближайшем будущем – клеточных органоидов

и искусственных субклеточных частиц, так называемых нанороботов), которые восполняют работу ослабленных, пораженных или заменяют удаленные органы и ткани. Поскольку они внедрены в тело (*in corpore*), термин оказывается вполне прозрачным. К инкорпорациям следует отнести кардиостимуляторы, клапаны сердца, искусственные хрусталик и радужку, стоматологические импланты, искусственную кожу, пластику суставов и сосудов, внедряемые чипы для восстановления слуха (кохлеарные импланты) или зрения, нейроимпланты. Возможно, к этой же группе техносоматических ассамбляжей (именно они лежат в основе идеи кибернетических организмов, более известных как *киборги*) следует отнести внешние протезы, заменяющие отсутствующие конечности и органы (протезы рук и ног, пластика ушных раковин или носа и губ) либо усиливающие их функции (разработанные пока только для военных целей экзоскелеты, умножающие мускульную силу человека), хотя в последнем случае лучше говорить не об инкорпорациях, а о более широкой категории *протезов*.

Уместно отметить, что категория протезов оказывается более широкой не только по отношению к инкорпорациям, рассматриваемым в этом контексте как их подкласс или группа, но и, как видно из примера с экзоскелетом, — оказывается шире, нежели класс медицинских протезов вообще, понимаемых как «приспособления, изготавливаемые в форме какой-либо части тела для замены утраченной природной». Это становится ясным на примере обычных очков, в которых их линзы, воспроизводя часть глазного яблока, помогают восстановить утраченную остроту зрения (медицинское применение) и очков для ночного видения (военное применение). Помимо этого, следует упомянуть, что в феноменологическом отношении пациенты быстро привыкают к имплантированным техноустройствам и начинают их рассматривать как части собственного тела, что, разумеется, отличается от восприятия внешних устройств — очков или бинокля, с одной стороны, и от восприятия приобретаемых телесных умений и навыков, с другой.

Экстенсии

В период с 1962 по 1976 г. известный американский антрополог и основатель проксемики Эдвард Холл (1914–2009) и не менее знаменитый канадский теоретик медиа Маршалл Маклюэн (1911–1980) состояли в интенсивной переписке, которая оказала значительное влияние на теорию медиа вообще и помогла четче сформулировать важное для рассматриваемой здесь темы понятие экстенсии. Впервые, насколько мне известно, термин *extension* в интересующем нас здесь смысле появился в книге Холла “Немой язык”, где автор на примерах из эволюционной биологии разъяснял:

Для эксплуатации среды все организмы приспособливают свои тела, чтобы соответствовать специализированным средовым условиям. Несколько примеров: длинная шея жирафа (адаптация к высокорастущей листве), ... копыта лошади, противопоставленный большой палец у человека. Иногда организмы развивают специализированные продолжения (*extensions*) своих тел, занимающие то, что тело могло бы осуществить само, и тем самым освободить тело для других вещей. Паучья паутина, коконы, птичьи и рыьи гнезда относятся к таким гениальным изобретениям природы. Когда возник человек со своим специализированным телом, такие экстенциональные действия заняли подобающее место среди средств эксплуатации среды. Сегодня человек развил экстензии практически для всего, что он обычно делал [с помощью] своего тела. Эволюция оружия начинается с зубов и кулака и завершается атомной бомбой. Одежда и дома представляют собой экстензии механизмов температурного контроля в биологии человека. Мебель замещает сидение на корточках или на земле. Примерами материальных экстензий служат механические инструменты, очки, телевизор, телефон и книги, позволяющие нести голос через время и пространство. Деньги являются средством расширения и накопления труда. Наши транспортные сети выполняют сегодня то, что прежде делали ноги и спины. Фактически все изготовленные человеком материальные вещи могут рассматриваться как экстензии того, что человек прежде проделывал с собственным телом или его специализированными частями (Hall 1959: 78–79).

Совокупность «всех изготовленных человеком материальных вещей»¹ – это и есть техносреда, то есть овеществленные результаты человеческой деятельности и стоящие у их истоков умения и навыки (соматотехники или техники тела) по обработке природных вещей и материалов.

Маклюэн сочувственно цитировал приведенный выше пассаж об экстензиях из работы Холла в своей книге «Галактика Гутенберга» (McLuhan 1962: 5) и впоследствии широко использовал именно этот термин в своих исследованиях медиа, рассматривая их как экстенсию языка и речи. До знакомства с работой Холла для выражения своей идеи о средствах массовой информации как продолжении, расширении или экстернализации человеческого сенсориума (основных органов чувств и восприятия) Маклюэн чаще использовал термины *outering* – «овнешнение», или *dilation* – «расширение», «увеличение» (ср.: McLuhan 1962: 35), о чем свидетельствует также начало его переписки с Холлом (Rogers 2000: 120).

У трактовки артефактов как экстензий человеческих функций и органов были предшественники: один из основателей философии техники немецкий географ и философ Эрнст Капп (1808–1896) рассматривал орудия как искусственные органы, а все современные ему технические устройства и машины как *органопроекции* (Капп 1877: 29ff.), в основе которых лежат конкретные подсистемы или органы человеческого тела.

В экологической традиции экстенсии, в особенности простые ручные инструменты, рассматривались, прежде всего, в качестве своего рода продолжения «органов», телесно интегрированных взаимодействий с вещной средой, мобилизованных для борьбы и выживания. С таким взглядом хорошо согласуется провозглашенный Г. Бейтсоном принцип, в соответствии с которым фундаментальной единицей эволюции следует считать «организм-в-его-среде» (*organism-in-its-environment* – Bateson 1972: 319–320). Этой традиции противостоит феноменологическая трактовка экстенсий, где орудия и инструменты рассматриваются из перспективы их пользователя как средства (медиа), опосредующие взаимодействия со средой. В обоих подходах интеграция тела и технических устройств рассматривается как сложный процесс, разворачивающийся на основе мультисенсорного контакта (визуального, тактильного, кинестетического, термоцептивного и др.) тела и орудия и приводящий к формированию особых навыков, умений или техник тела.

Соматотехники

Основная причина рассмотрения инструментов, приборов, сложных машин и автоматов, с которыми мы вступаем во взаимодействие, преобразуя их в *экстенсии*, или буквально – в продолжения телесных органов и функций, лежит не в спекулятивной, т.е. умозрительной реконструкции техники как органопроекции, но в полной интеграции таких взаимодействий в телесные структуры, прежде всего, в *образ* и *схему тела*, в результате чего привычки и умения обращения с техническими устройствами и зависимость от них превращаются в глубоко интегрированные телесные структуры, уже не покидающие человека на протяжении всей его жизни (см. подробнее: Соколовский 2018а, б). Однажды научившись ходить по лестнице, завязывать шнурки, плавать, ездить на велосипеде или автомобиле, мы уже не расстаемся с этими сложными навыками: наше тело интегрирует эти взаимодействия с вещным миром в особые паттерны движения и телесных диспозициях. Именно такая интеграция позволяет говорить о феномене *техно-корпо-реальности*, создаваемой телами и технологиями (Соколовский 2017), то есть о единстве технического и соматического, живого и неживого и их взаимной зависимости в рамках тех гибридных единств, которые сегодня все чаще именуют киборгами, техночеловечеством, состоящим из дооснащенных или улучшенных версий людей, потерявших, однако, возможность выживать вне техносреды за счет своего апгрейда до версии 2.0.

Попробуйте представить большой город в условиях длительного блэкаута, чтобы почувствовать всю силу взаимозависимости технических систем и телесности современного человека: остановится подача воды, встанут лифты и электротранспорт, отсутствие воды и канализа-

ции приведет к эпидемиям и повальным смертям. Мы быстро научились не замечать так называемые удобства – электричество, водопровод, разнообразный транспорт, дальновидение (от очков, бинокля и телескопа до телевидения) и дальнослышание (от простого рупора, телефона и радио до смартфона). Все эти усиления и дополнения физических возможностей человека создают свои моторные паттерны, иначе говоря, техники тела, именно потому не привлекающие нашего внимания, что они оказываются глубоко интегрированными и формируют само это тело. Такое сформированное взаимодействиями с техническими устройствами тело я предлагаю именовать *техноморфой*. Именно этот феномен объясняет, почему нам так трудно приходится в незнакомой обстановке, особенно вдалеке от дома, в странах с иными технокультурами, где обыденные двигательные стереотипы не выручают, а скорее заводят в тупик либо вообще становятся угрозой здоровью и жизни. Этот же феномен объясняет как поразительное разнообразие типов двигательной культуры, разработанных и повседневно используемых различными человеческими сообществами – этническими, сословными, профессиональными, досуговыми и проч., так и столь же удивительное многообразие соматотипов, свойственных единицам этой социокультурной мозаики. Мы не замечаем работы сложных технических инфраструктур, обеспечивающих нашу бесперебойную жизнедеятельность, так же, как мы не замечаем работы наших здоровых внутренних органов, однако стоит, как в примере с блэкаутом, чему-то сломаться, как тут же возникают в полной аналогии с соматическим заболеванием угрозы здоровью и жизни.

Как хорошо известно, исследования техник тела (соматотехник) успешно разрабатывались в рамках французской антропологии техники, прежде всего в трудах Марселя Мосса (Mauss [1934] 1936) и Андре Леруа-Гурана (Leroi-Gourhan 1943, 1945). Для целей настоящего рассмотрения я буду различать техники тела в широком смысле слова – *соматотехники* (этот вводимый здесь термин подчеркивает единство телесного и технического, живого и неживого, иначе говоря, обозначает, если воспользоваться понятием В.И. Вернадского, – биокосные целостности, возникающие как ансамбли органических и неорганических частей) и в узком смысле слова, оставив за ними принятый исходный термин *техник тела* как способов обращения с собственным телом².

Я ввожу здесь термин *соматотехники*, практически дублирующий более привычный термин *техники тела*, чтобы разрешить противоречие, которое содержится в работе Мосса. Дело в том, что, отстаивая ирредукционистскую концепцию техники как единства механико-физических, анатомо-физиологических, психологических и социальных компонентов (Мосс 1996: 246), он тут же противопоставляет технические акты всем прочим – религиозным, символическим, юридическим,

моральным, традиционным, действенным актам, заявляя, что это акт «механического, физического или физико-химического порядка, осуществляемый с той же целью» (Мосс 1996: 248). Иначе говоря, он исключает из концепции действия идеологическую компоненту, относя все такого рода действия к *обрядам*. Кроме того, он настаивает на существенности для техник тела их передачи из поколения в поколение, в то время как мы знаем множество примеров формирования техник тела на основе рутинного повторения индивидом каких-то паттернов действий (например, индивидуальный ритуал раскуривания трубки), не требующих для образования моторных навыков безусловной передачи другим поколениям. Кроме того, исключение индивидуальных вкладов в развитие соматотехник не позволяет построить убедительную концепцию их межпоколенного изменения.

По своей направленности понятие техник тела у Мосса охватывает те привычные, стереотипные и повторяющиеся моторные комплексы и возникающие на их основе телесные диспозиции, инструментом которых и зачастую и их объектом является само тело (как в физических упражнениях или в спорте). Отличительным признаком техник тела в этом узком смысле слова является, стало быть, *инструментальное* использование самого тела и отсутствие медирующих его действия телесных приспособлений (собственно инструментов или орудий, аппаратов, технических устройств и проч.). Соматотехники же включают интегрированные паттерны взаимодействия с вещной средой, возникающие на основе привычек или умений обращения с ее конкретными предметами; при этом тело и артефакты как элементы техносреды (если угодно, продукты технических разработок) вступают не только в тесный и рутинно повторяющийся контакт; их взаимодействия формируют гибридные техносоматические единства – технические навыки или *техноморфизмы*, осуществление которых и в историческом и в онтогенетическом планах приводит к совершенствованию орудий и инструментов, с одной стороны, и к изменениям тела, с другой. Совокупности таких техноморфизмов формируют разнообразные габитусы (профессиональные, субкультурные, иногда сословные). Культурная мозаичность человечества складывается из специфики таких эволюционирующих техносред и человеческих коллективов, при этом локально оформляющиеся габитусы дифференцируют способы взаимодействия этих коллективов и их членов (*техноморф*) с их специфическими средами, приводя к такому видимому их проявлению, при котором, например, японцы спят, сидят и ходят по улицам³ иначе, чем русские или американцы. Именно в силу различных наборов моторных комплексов, или паттернов действий, в итоге меняющих не только физиологию практикующего их индивида, но и морфологию его тела, тело

танцора балета столь разительно отличается от тела молотобойца, а тело бегуна от тела штангиста.

Делегирование функций

Случай делегирования функций наиболее известен благодаря ставшим уже классическими примерам из работ Б. Латура (берлинский ключ, лежащий полицейский, доводчик двери). В терминах взаимодействия тела и техники речь здесь идет об однонаправленном влиянии от человека к вещи. В этом отношении этот способ несколько выпадает из перечисленных выше типов интеграции телесности и техники: практически любой артефакт может быть представлен как результат делегирования комплекса действий, специально созданный для замещения мускульной силы и экономии усилий или времени, не говоря уже о таких очевидных примерах, как станки с программным управлением или автомобили с автопилотом. В истории философии техники этот путь был выделен уже на самом раннем ее этапе в уже упомянутой выше работе Эрнста Каппа, хотя его обозначение было иным – *органопроекция*. Разумеется, *делегирование функций* не может трактоваться в терминах XIX века, то есть как простое дублирование органов или систем физического тела человека в виде особых устройств, машин, или автоматов, созданных для тех же целей, которым служат эти органы или системы, но из искусственных или природных неорганических материалов. Акцент здесь сделан не на копировании органов, но на воссоздании психомоторных комплексов, заменяющих действия человека, либо принуждающих его (как в случаях берлинского ключа и лежащего полицейского) действовать иначе, чем он был намерен. Последний случай (принуждения) сближает делегирование функций с пассивными машинами Жака Лафита, выделившего особый класс артефактов, зависящих от постоянных потоков внешней энергии, – дороги, жилища, сосуды, которые, оставаясь в покое сами, направляют движение других за счет своей формы, массы, или объема (Lafitte [1932] 1972). По аналогии с дорогой, направляющей потоки транспорта (достаточно получить ответ на вопрос «Как доехать до пункта А?» – «Езжайте прямо по этой дороге, никуда не сворачивая!»), чтобы понять, как она обеспечивает движение только в нужном направлении, исключая дальнейшие расспросы и ориентацию на местности), лежащий полицейский обеспечивает торможение автомобилей до нужной скорости, круглосуточно заменяя полицейского во плоти.

Феномен делегирования функций свидетельствует о том, что мы можем передоверить исполнение сложных моторных комплексов (хорошенько их предварительно изучив для точного моделирования в неживой материи), которые до внедрения соответствующих изобретений

реализовывались за счет физических, то есть телесных умений и усилий, – различным аппаратам, устройствам, инструментам и автоматам, в общем случае – специально разработанным элементам техносреды, трансформировав тем самым эти комплексы в действия или совокупности действий неживых актантов, что и дает основание говорить и в этом довольно специальном случае даже об артефактах как о гибридной реальности, *воплощающей прототипы соматотехник* в искусственно созданных предметах. Одним из ярких, но шокирующих примеров является технологизация перформативов (словесных команд и распоряжений, меняющих положение дел за пределами языковой реальности) в военных приложениях: если прежде команде «Огонь!» подчинялись живые солдаты, то теперь, благодаря программам распознавания речи и встроенным в шлемы микрофонам, исполнение этой команды передоверено автоматическому оружию, приводящемуся ею в действие без дальнейшего участия человека.

Таким образом, делегирование функций отличается от органопроекции тем, что здесь моделируются не органы и подсистемы организма, а скорее его *паттерны действий*. При этом стоит помнить, что действие здесь понимается как единство целевого полагания (воли, принуждения) и физического движения. Аффективная сторона действия пока еще не входит в комплексы делегируемым артефактам функций, однако, с созданием так называемых разумных роботов (*sentient robots*) и попытками моделирования если не самих эмоций, то сопровождающих их мимики и жестов у так называемых социальных роботов или роботовняек, и эта сторона может довольно быстро стать частью делегируемых функций.

* * *

В заключение попытаемся оценить глубину или степень интеграции человеческой телесности и элементов техносреды и технических устройств, или точнее – ассамбляжей и сборок телесного и технического, по степени плотности интеграции и автономности составляющих их элементов для каждого из приведенных выше случаев – инкорпораций, экстенсий, соматотехник и делегирования функций – с позиций онтологии возникающих единств. Кем являются современные люди: технико-биологическими гибридами (*Homo technologicus*), симбионтами, состоящими с техносредой в комплементарных отношениях взаиморазвития, или паразитами, перемальвающими природные ресурсы планеты для создания комфортной для себя искусственной оболочки?

В восприятии вещей мы остаемся, с одной стороны, заложниками современного сознания с его оппозициями природы и культуры, тела и разума, внешнего и внутреннего, телесного и технического и, с другой

стороны, жертвами естественной установки с ее доминированием визуальности, при котором видимая *отдельность* вещи (в том числе наше собственное тело, другие люди и артефакты) автоматически квалифицируется как ее *автономность*. Между тем любое действие осуществляется в сетях, связывающих воедино тело, артефакты и психические состояния, однако по причине аналитизма современного наследия, чье влияние вопреки его критике продолжает доминировать в научных исследованиях, у нас бедный словарь для выражения и обозначения этих динамических целостностей, в то время как естественная установка препятствует их восприятию именно в качестве единств. И хотя естественный язык, разбирающий тело на органы и члены (например, в немецком языке тело-объект обозначается отдельным термином *Körper*, четко противопоставляемым феноменологическому или субъективно воспринимаемому телу *Leib*), представляет его как *агрегатную целостность*, а предоставляемая современной медициной замена его износившихся или неправильно функционирующих «частей» лишь усиливает этот образ, он, этот язык, не располагает готовыми средствами выражения для обозначения супраорганических единств, подменяя их терминами аналитических множеств (как, например, *совокупность*, *сеть*). Мы не имеем готовых языковых выражений для обозначения даже относительно простых единств типа «тело + умение + инструмент», возникающих в результате длительного обращения с конкретным инструментом и формирования соответствующего навыка, и вынуждены вводить неологизмы, называя такие единства биотехносоциальными сцепками, гибридными ассамбляжами, техноморфами или элементами техно-корпо-реальности. Намечающиеся и уже реализуемые синтезы искусственного интеллекта, цифровых устройств, информационных технологий в целом – с человеческой телесностью, создающие *распределенную агентность* (в том числе, например, действие на расстоянии в телемедицине), лишь усложняют эту ситуацию, подчеркивая неспособность современного сознания отказаться от собственных стереотипов восприятия и попытаться увидеть новую киборганическую технореальность как онтологию, противостоящую и вытесняющую ту, на которой это сознание основано.

Поиски новых языковых средств, позволяющих описывать проблематику нарастающей интеграции человеческой телесности и техники, происходят сегодня, в основном, в рамках двух полемизирующих друг с другом направлений – *пост-* и *трансгуманизма* (суть этих разногласий представлена в недавней реплике М. Кожевниковой – Кожевникова 2018). Трансгуманистическая точка зрения на возможные и уже реализуемые синтезы телесности и техники сводится к фокусированию на инновациях, реализующих техническими средствами *human enhancement* (улучшение или дооснащение человека) за пределами

норм, которым подчинена восстановительная медицина, иными словами, за пределами физиологических и психологических норм здорового человека. Целью такого усовершенствования или дооснащения становится, таким образом, не восстановление здоровья (физического и психического), но обеспечение роста человеческих способностей и возможностей за рамками обычных и, в пределе, обеспечение бессмертия за счет «пересадки мозга» или оцифровки индивидуального сознания и его переноса на технические устройства (так называемая загрузка сознания или предельная киборгизация). Это направление характеризуется избыточным технооптимизмом и отсутствием или неразвитостью критики собственных этических принципов и оснований. Как консервативное направление, трансгуманизм опирается на современную идеологию, в которой техника и тело противопоставляются и начинают рассматриваться как единство только в случае инкорпорации, причем необратимой и постоянной, в то время как «носимые устройства» (*wearable technology*) или устройства восстановительной медицины обычно выносятся за скобки. Помимо этого, трансгуманисты делают ставку на технологии, технонауку в целом, рассматривая биологические ткани и тела как менее надежный материал, нежели искусственно создаваемые их заменители, в то время как постгуманисты уделяют большее внимание революционным изменениям в современной биологии и включают в свое рассмотрение все виды планеты, а не только человека, открывая в нейробиологии и генетике других видов множество сходств с нейробиологией и генетикой человека.

Подписанная в 1998 г. наиболее активными и известными членами Всемирной трансгуманистической ассоциации⁴ (впоследствии переименованная в Humanity+) Трансгуманистская декларация включает в себя, среди прочих, такие пункты (в редакции 2012 г.):

(1) Человечество в будущем радикально изменится благодаря науке и технологии. Мы предвидим расширение человеческого потенциала за счет преодоления старения, устранения когнитивной ограниченности, устранения непреднамеренных страданий и нашего заточения в пределах планеты.

(8) Мы поддерживаем широкий персональный выбор индивидов в осуществлении своей жизни. Это включает использование технологий, которые могут быть созданы для поддержки памяти, концентрации, и ментальной энергии; терапии для продления жизни; репродуктивного выбора; крионики и многих других возможных модификаций человека и технологий [его] совершенствования.

(<https://humanityplus.org/philosophy/transhumanist-declaration/>)

Ставка делается на развитие и конвергенцию так называемых НБИК-технологий (социальные науки в работах трансгуманистов, за исключением дебатов по этике, редко принимаются в расчет). При этом

от нанотехнологий ожидается производство нанороботов, способных работать внутри организма на субклеточном и даже атомном уровнях и вообще обеспечивать производство и починку необходимых тканей и органов на этих уровнях. Такими современными наномашинami сегодня выступают естественные и искусственные белки, но их будущее связано с субмолекулярным уровнем, на котором осуществляется синтез косных и биокосных элементов внутри живого организма. Биотехнологии уже обеспечивают вмешательство на генетическом, клеточном и субклеточном уровнях. Информационные технологии должны предоставить так называемый общий искусственный интеллект, способный на решение разнообразных задач, а не только специфичных для какой-то области, а также ответственны за разработку интерфейса, обеспечивающего прямую связь между мозгом и вычислительными машинами (BMI, *brain-machine interface*). Наконец нейро- или когнитивные науки на основе изучения человеческого мозга предоставляют материалы для совершенствования искусственного интеллекта и нейронных сетей.

Поскольку все происходящие и ожидаемые изменения в области взаимодействия этих новых технологий и человеческого тела напрямую касаются главного предмета антропологических исследований – человека, антропологам насущно необходимо следить за развитием этих дисциплин и быть вовлеченными в это развитие. По всей видимости, те специалисты, которые уже сегодня вовлечены в STS и техноантропологию, будут склоняться к трансгуманистическим подходам, а медантропологи станут больше симпатизировать и примут участие в развитии неантропоцентрических постгуманистических исследований. Главным, однако, остается то, что антропологи не должны замыкаться в исследованиях только традиционного или этнического, иначе возникает риск выпустить из виду все те трансформации человека и его телесности, которые происходят на наших глазах.

Примечания

¹ Совокупность всех артефактов в этнографии обычно рассматривается как материальная культура – понятие, подвергавшееся критике за его проблематичную демаркацию с так называемой «духовной культурой», поскольку любая произведенная человеком вещь имеет и материальные и нематериальные компоненты как в своем генезисе, так и при ее использовании.

² Марсель Мосс, как известно, определял техники тела как «традиционные способы, посредством которых люди в различных обществах пользуются своим телом» (цит. по русскому переводу: Мосс 1996: 242; в оригинале: «*J'entends par ce mot les façons dont les hommes, société par société, d'une façon traditionnelle, savent se servir de leur corps*»), подчеркивая коллективный характер их передачи из поколения в поколение и роль обучения, воспитания, обычаев, престижа и моды, обуславливающих эту передачу.

³ Мосс по этому поводу замечает: «Мне было хорошо известно, что, например, походка, стиль плавания, другие явления этого рода носят специфический характер в определенных обществах, что полинезийцы плавают не так, как мы, а мое поколение плавало не так, как нынешнее. <...> ... наше нынешнее поколение стало свидетелем полной

смены техники: мы увидели, что плавание брассом, при котором голова находилась над водой, сменилось различными видами кроля. Кроме того, отказались от привычки глотать и выплевывать воду, тогда как во времена моего детства пловцы считали себя чем-то вроде пароходов. Это было глупо, но я так делаю до сих пор: не могу избавиться от своей техники» (Мосс 1996: 243–244). Важно, что Мосс отмечает как кросскультурные отличия, так и временную динамику техник тела в рамках одного общества. Еще один его примечательный пример связан с техникой копания: «Английские войска, в которых я находился [во время I Мировой войны] не могли пользоваться французскими лопатами, что вынуждало менять по 8 000 лопат на дивизию, когда мы сменяли французов, и наоборот. Очевидно, что даже простой поворот руки осваивается медленно» (Там же: 244). Как раз такие наблюдения позволяют сделать вывод о чрезвычайной устойчивости техник тела и о взаимовлиянии материальной культуры (технических артефактов) и соматотехник: не только определенная техника обращения с лопатой интегрируется с телом в телесном умении, но и конструкция лопаты оказывается уникально связанной именно с данной соматотехникой.

⁴ Среди прочих, шведский философ Ник Бостром – директор оксфордского Института будущего человечества; сооснователь трансгуманистической ассоциации британский философ Дэвид Пирс, член Института бессмертия и Института этики и новых технологий; шведский исследователь в области вычислительной нейробиологии Андерс Сандберг, сотрудник Института будущего человечества и советник британской Научно-исследовательской сети крионики и криоконсервации; автор первого трансгуманистического манифеста (1983 г.) Наташа Вита-Мор, экс-президент Института экстропии; британский философ и футурист Макс Мор, автор понятия *трансгуманизм* в его современном понимании, предложенном им в одной из статей в 1990 г., и сторонник радикальной версии трансгуманизма, так называемого экстропинизма (предложенный им термин, обозначающий негэнтропию, или экстропию – *extropianism*), философского направления, отстаивающего принципы безграничной экспансии (то есть освоения глубокого космоса), самотрансформации, динамического оптимизма, интеллектуальных технологий и спонтанного порядка.

Литература

- Кожевникова М. Реплика в форуме “Новые технологии и телесность как предмет антропологических исследований” // Антропологический форум. Сентябрь 2018. № 38 (в печати).
- Мосс М. Техники тела // Общества. Обмен. Личность. Труды по социальной антропологии. М.: Восточная литература, 1996. С. 242–263.
- Соколовский С.В. Антропотехноморфизмы и антропология техно-корпо-реальности // Социология власти. 2017. Т. 29. № 3. С. 23–40.
- Соколовский С.В. Тела и технологии сквозь призму техно-антропологии // Антропологический форум. Сентябрь 2018а. № 38 (в печати).
- Соколовский С.В. Соматотехники и техноморфизмы: к проблеме антропологии человека-в-техносреде // Этнографическое обозрение. 2018б. № 6. (в печати)
- Bateson G. [1972] Steps to Ecology of Mind, London: Jason Aronson Inc., 1987.
- Hall E.T. The Silent Language. Garden City, N.Y.: Doubleday, 1959.
- Kapp E. Grundlinien einer Philosophie der Technik. Zur Entstehungsgeschichte der Kultur aus neuen Gesichtspunkten. Braunschweig: George Westermann, 1877.
- Lafitte J. [1932] Réflexions sur la science des machines. Paris: Vrin, 1972.
- Leroi-Gourhan A. Evolution et techniques. Vol. 1. L’Homme et la matière. 1943; Vol. 2. Milieu et techniques. 1945. Paris: Editions Albin Michel.
- Mauss M. [1934] Les techniques du corps // Journal de Psychologie. 1936. XXXII, 3–4. P. 365–386.

McLuhan M. *The Gutenberg Galaxy: The Making of Typographic Man*. Toronto: University of Toronto press, 1962.

Rogers E.M. *The Extensions of Men: The Correspondence of Marshall McLuhan and Edward T. Hall* // *Mass Communication & Society*, 2000. Vol. 3, no. 1. P. 117–135.

Статья поступила в редакцию 8 августа 2018 г.

Sokolovskiy Sergei V.

HUMAN 2.0 IN THE FOCUS OF ANTHROPOLOGY

DOI: 10.17223/2312461X/21/5

Abstract. The article focuses on several distinctive ways of integration between the living human body and technology and technical artefacts (or according to Vladimir Vernadsky's terminology, the fusions of 'animate–inanimate matter'), such as extension, incorporation, delegation of human body functions to inanimate things, and body techniques or somato-techniques. It is argued that these types, together with neuropharmacology and normative regulation of behaviour in various body-training techniques, are the main ways for biotechnical synthesis and hybridisation in the case of the human body and old and emerging technologies that figure prominently in both trans- and post-humanist discourses. The paper was prepared within the framework of a collaborative research project supported by the Russian Scientific Foundation (grant No. 18-18-00082).

Keywords: extension, incorporation, delegation of functions, somato-techniques, transhumanism

References

- Bateson G. [1972] *Steps to Ecology of Mind*. London: Jason Aronson Inc., 1987.
- Hall, E.T. *The Silent Language*. Garden City, N.Y.: Doubleday, 1959.
- Kapp, E. *Grundlinien einer Philosophie der Technik. Zur Entstehungsgeschichte der Kultur aus neuen Gesichtspunkten*. Braunschweig: George Westermann, 1877.
- Kozhevnikova, M. Replika v forume "Novye tekhnologii i telenost' kak predmet antropologicheskikh issledovaniy [A remark in the discussion "New technologies and corporeality as an object of anthropological research]. *Antropologicheskii forum*. September 2018a. No. 38 (in print).
- Lafitte, J. [1932] *Réflexions sur la science des machines*. Paris: Vrin, 1972.
- Leroi-Gourhan, A. *Evolution et techniques*. Vol. 1. *L'Homme et la matière*. 1943; Vol. 2. *Milieu et techniques*. 1945. Paris: Editions Albin Michel.
- Mauss, M. [1934] Les techniques du corps. *Journal de Psychologie*. 1936. XXXII, 3-4, pp. 365–386.
- McLuhan, M. *The Gutenberg Galaxy: The Making of Typographic Man*. Toronto: University of Toronto press, 1962.
- Rogers, E.M. *The Extensions of Men: The Correspondence of Marshall McLuhan and Edward T. Hall*, *Mass Communication & Society*, 2000. Vol. 3, no. 1, pp. 117–135.
- Sokolovskiy, S.V. Antropotekhnomorfizmy i antropologiya tekhnokorpo-real'nosti [Anthropotechnomorphisms and the anthropology of techno-corporo-reality]. *Sotsiologiya vlasti / Sociology of Power*, 2017, Vol. 29, no. 3, pp. 23–40.
- Sokolovskiy, S.V. Tela i tekhnologii skvoz' prizmu tekhn-antropologii [Bodies and technologies through the prism of techno-anthropology]. *Antropologicheskii forum*. September 2018a. No. 38 (in print).
- Sokolovskiy, S.V. Somatotekniki i tekhnomorfizmy: k probleme antropologii cheloveka-v-tekhnosrede [Somato-techniques and technomorphisms: on the issue of the human-in-techno-environment // *Etnograficheskoe obozrenie*. December 2018b. No. 6 (in print).

АНТРОПОЛОГИЯ И ЭТНОЛОГИЯ В ПОСТСОВЕТСКОМ АКАДЕМИЧЕСКОМ И ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ*

УДК 378

DOI: 10.17223/2312461X/21/6

АНТРОПОЛОГИЯ И ЭТНОЛОГИЯ. ОПЫТ ОМСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Татьяна Борисовна Смирнова

Аннотация. В статье на примере опыта, накопленного в Омском государственном университете им. Ф.М. Достоевского, обсуждаются проблемы открытия и реализации в российских университетах специальностей и направлений подготовки антропологов и этнологов, образовательных стандартов по антропологии и этнологии.

Ключевые слова: социальная антропология, этнология, этнография, образование, государственные образовательные стандарты, образовательные программы, учебный план

Хроника «открытий»

Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского пережил целый ряд «открытий» подготовки антропологов и этнологов, пока, наконец, направления подготовки 46.03.03 и 46.04.03 «Антропология и этнология» не были лицензированы и аккредитованы. Каждое из пережитых нами открытий – это бесценный опыт путешествия по суровому и непредсказуемому морю российского образования.

Чтобы лучше понять контекст этих «открытий», позволю себе несколько слов об истории этнологии в Омске.

С 1974 г., с момента основания Омского государственного университета, здесь ведется подготовка этнографов. Начало омской этнографии связано с Николаем Аркадьевичем Томиловым, который переехал

---

* В этом номере мы продолжаем публикацию докладов, прозвучавших 25–26 сентября 2017 г. в Томске на международном методологическом семинаре «Антропология и этнология в современном мире: тренды в теории, практике и образовании», посвященном анализу проблем академического развития и преподавания антропологии в постсоветском пространстве. Первую подборку публикаций см. в журнале «Сибирские исторические исследования». 2018. № 1. – *Прим. ред.*

в Омск из Томска, из Томского государственного университета, по весьма прозаической причине – в Омске молодым преподавателям давали жилье. Сменив комнату в общежитии на четырехкомнатную квартиру, Николай Аркадьевич не изменил томским традициям, поехав, в первый же месяц своего пребывания в Омске, в экспедицию, и создав университетский этнографический музей. С этого момента, с 1974 г., началась специализация студентов по этнографии на историческом факультете в рамках подготовки историков.

В 1985 г. на историческом факультете была создана кафедра с многокомпонентным наименованием, включавшим, тем не менее, и слово «этнография»: она называлась кафедра этнографии, историографии и источниковедения истории СССР. Н.А. Томилов стал заведующим кафедрой, которая несколько раз меняла свое название в результате факультетских пертурбаций (кафедра этнографии и современной отечественной истории, кафедра этнографии и музееведения), сейчас он является заведующим кафедрой этнологии, антропологии, археологии и музееологии. Название тоже непростое, но принципиальным всегда было наличие в этом названии этнографии / этнологии, и всегда – на первом месте.

Столь же принципиальным было и проведение полевых студенческих практик. Первый курс студентов-историков делился на две половины, одна ехала на археологическую практику, другая – на этнографическую. Этнографическая практика проводилась «по народам», формировались «русский», «татарский», «немецкий», «казахский», «украинский» и другие отряды, существовала традиция съезжаться всем отрядам вместе 17 июля для празднования Дня этнографа. Значительная часть студентов, прошедших такое полевое крещение, оставалась специализироваться на кафедре. Все они, как правило, ежегодно выезжали в экспедиции. Поскольку курсы тогда были многочисленные – от 50 до 75 бюджетных студентов, то специализирующихся по этнографии всегда было много.

Веселая стабильность и относительная безмятежность нашего существования в рамках этнографической специализации историков была нарушена в 1996 г., когда был утвержден государственный стандарт (ГОС) 020500 Социальная антропология. Легкое беспокойство по поводу того, что «кто-нибудь перейдет наши поля», переросло в 2000 г., когда был утвержден ГОС-2 под шифром 350100 Социальная антропология, в твердую уверенность, что «политологи с культурологами все захватят». Стало ясно, что антропологию нужно открывать, потому что если ее не откроем мы, то это сделают в университете другие, поскольку в то время новые направления подготовки лицензировались в массовом порядке, так как требования к реализации были не слишком высокими, а жить хотелось всем. В 2002 г. мы лицензировали эту специ-

альность. Несмотря на то, что все планы, программы и даже учебники были готовы, начать реализацию этой образовательной программы мы так и не смогли. Проблема заключалась в отсутствии бюджетных мест. Думаю, что мы совершили ошибку, открывая эту специальность на историческом факультете, потому что стандарт разрабатывался социологами. Если бы специальность была открыта на кафедре социологии, наши коллеги-социологи не рассматривали бы нас как конкурентов и, возможно, поделились бы бюджетными местами, которых на социальные специальности всегда давали больше, чем на гуманитарные. Историки нас так за своих и не приняли, в ректорате разводили руками, приемная комиссия смотрела волком, потому что «хлопот много, а толку мало», поэтому мы ежегодно оставались без бюджетных мест. К тому же уже тогда возникло опасение (которое сейчас подтверждается) в том, что, открыв собственное направление, мы можем лишиться специализации по этнографии в рамках истории.

Специальность была открыта, ежегодно происходило небольшое сражение по поводу бюджетных мест, мест этих не давали, экзотические абитуриенты, пожелавшие изучать социальную антропологию на коммерческой основе, распахивались приемной комиссией по смежным факультетам, дабы не плодить нерентабельные группы, – и так продолжалось несколько лет, пока социальная антропология не была заменена в новом классификаторе на новое направление подготовки «Антропология и этнология», и не ушла тихо в связи с этим из лицензии вуза.

Открыв социальную антропологию, мы вошли в Учебно-методическое объединение (УМО) по образованию в области социологии и социальной антропологии, которое возглавлял В.И. Добренков. Его заместителем была Л.Г. Костюченко, которая искренне переживала за наши «ненаборы» и была готова оказать любую помощь.

Приношу извинения за довольно длинное описание нашей неудавшейся попытки начать готовить социальных антропологов по социологическому стандарту, но все эти хождения по мукам – это иллюстрация состояния нашего образования по антропологии и этнологии. Неразбериха и переходы от одного стандарта к другому (в данный момент, например, происходит очередной переход на федеральные государственные образовательные стандарты высшего образования (ФГОС ВО) «с двумя плюсами») продолжают до сих пор, и стало даже хуже в связи с оптимизацией университетов, поэтому неудивительно, что лицензировать «Антропологию и этнологию» смогли только самые упорные.

В начале 2000-х гг., после вступления России в Болонский процесс, начал осуществляться переход на двухуровневую систему образования. Во время переходного периода в Омском университете существовало одновременно несколько возможностей подготовки этнологов: специалитет по истории, специалитет по социальной антрополо-

гии, бакалавриат по истории (все – со специализацией по этнологии), в 2006 г. была лицензирована магистратура по истории, в 2007 г. состоялся первый набор на магистерскую программу по истории, с профилем «Этнология». Желая поступить в магистратуру было достаточно, потому что с переходом на двухуровневую систему поползли слухи, что на руководящих должностях можно будет работать только с дипломом магистра. Поскольку спрос был, то в 2009 г. на кафедре была открыта еще одна магистерская программа, которая называлась «История культуры», наполнение которой было в значительной степени этнологическим.

В 2013 г. на кафедре были лицензированы бакалавриат и магистратура по новым стандартам: 032400.62 и 032400.68 «Антропология и этнология». В 2014 г. мы набрали первых бакалавров и магистров по этим новым стандартам. Тогда выделение контрольных цифр приема проходило не по укрупненным группам специальностей и направлений подготовки (УГСН), как сейчас, а по всем направлениям подготовки раздельно. Благодаря тому, что В.А. Тишков провел тогда в Министерстве образования и науки России блестящую операцию по выделению бюджетных мест для антропологов, в 2014 г. мы получили 15 мест. Спасибо Валерию Александровичу за это.

В 2014–2015 гг. произошел переход на ФГОС ВО, на которые перевели всех уже обучавшихся по прежним стандартам студентов. В настоящее время на кафедре по направлению подготовки 46.03.03 «Антропология и этнология (бакалавриат)» обучается 58 человек (из них шесть – на коммерческой основе), по направлению подготовки 46.04.03 «Антропология и этнология (магистратура)» – 15 человек на очной форме обучения, двое – на заочной форме обучения. Три человека обучается в аспирантуре (на плановом месте только один) на очной и четыре человека – на заочной форме обучения. Продолжается реализация профиля в магистратуре, по направлению подготовки 46.04.01 «История», профиль называется «История культуры народов мира». Сейчас на нем обучается 13 человек на очной форме обучения и 8 – на заочной. Есть профиль «Археология и этнология» внутри бакалавриата по истории, но количество этнографов там мизерное.

Контрольные цифры приема на 2018/19 учебный год составляют: на бакалавриат – 10 человек, в магистратуру по Антропологии и этнологии – 8 (плюс 6 мест на заочное отделение), по Истории культуры народов мира – 6 человек. На 2019/20 учебный год на бакалавриат выделено мест столько же, сколько и в этом году (31 место на всю укрупненную группу, на три направления), а на магистратуру места резко сократились, ровно в три раза: вместо 45 мест в этом году мы получили 15 на все три направления (на историю, антропологию и документо-

ведение). Хотя в целом на федеральном уровне количество бюджетных мест в магистратуру на укрупненную группу по истории снизилось на 23% (по очной форме обучения с 1272 мест в 2018 г. до 978 мест в 2019 г.), в нашем университете это снижение составило 66%. Не повезло. Такое же снижение произошло на федеральном уровне по очно-заочной (с 37 до 22 мест) и заочной формам обучения (с 534 до 279 мест), но эти формы при выделении ресурсов почти не играют никакой роли, так как расчет ставок по заочной форме обучения производится как 1 преподаватель на 120 обучающихся. Приведенные выше данные относятся, повторимся, ко всей укрупненной группе, в которой антропологам и раньше доставалось не слишком много бюджетных мест. Можно предположить, что в 2019 г. магистратура у антропологов «пострадает» во всех университетах, потому что историки будут стремиться сохранить свои бюджетные места. Ситуация с местами на бакалавриат немного лучше (было 686 мест в 2018 г. по очной форме обучения на федеральном уровне, в 2019 г. стало 746 мест), но это не решает всех проблем. Тенденция к сокращению бюджетных мест на Антропологию и этнологию очевидна. И это при том, что лицензировано наше направление подготовки в очень малом числе вузов. Получается, что мы и специализацию внутри истории теряем, и самостоятельно не можем стабильное количество антропологов и этнологов обучать.

Образовательная программа. Направленность. Специфика

Образовательная программа уровня бакалавриата, которая реализуется в настоящее время в нашем университете, разрабатывалась с учетом нескольких принципов. Во-первых, это универсальность образования антрополога и этнолога. Поскольку сам образовательный стандарт предполагал великое множество будущих профессиональных траекторий, нам хотелось дать образование, пригодное для многих целей. Омск – это не столица, и, хотя наш город миллионный, рынок труда здесь имеет свою специфику: нефтехимия, оборонная промышленность, приборостроение, строительство, аграрный сектор. Инженеры еще как-то востребованы, а с гуманитариями сложнее. В «тучные» годы были филиалы академических структур, которые в период оптимизации науки остались живы, но речи о расширении и трудоустройстве в них молодежи, конечно, нет. Поэтому при разработке образовательной программы мы исходили из того, что наши выпускники будут работать в самых разных местах, там, где смогут устроиться, поэтому они должны получить разнообразные знания и уметь выполнять разные функции.

Вторая задача, которая стояла перед нами и которая была не менее значима, чем подготовка специалистов для региона, – это сохранение коллектива кафедры, сохранение самой кафедры, сохранение в названии кафедры слов этнография / этнология, сбережение того, что было создано за 20–25 лет нашей совместной работы, сохранение традиций и передача их молодым поколениям. Эта, можно так сказать, даже не задача, а миссия вылилась в появлении в образовательной программе большого блока научно-исследовательской работы, а в учебном плане – дисциплин, связанных с научными интересами преподавателей кафедры. В условиях пережитого нашим образованием тотального объединения университетов, их ранжирования, замены факультетов на департаменты, объединения кафедр до масштабов монстров или полная их ликвидация, сохранение кафедры этнологии в не самом большом университете, не имеющем статуса национально-исследовательского, это, в общем, наша победа. И когда нас спрашивают коллеги, работавшие когда-то на кафедрах этнографии, существовавших, хоть и не во множестве, но все же в достаточном количестве, в прежние времена, как нам это удалось, наш ответ – «мы боролись».

Еще один принцип, действовавший при разработке программы бакалавриата по антропологии и этнологии, – это связь с историей, с подготовкой историков. Во-первых, мы выросли на историческом факультете, в рамках специализации по этнографии, и такой путь в профессию этнолога и антрополога нам представлялся естественным. Во-вторых, направление подготовки по антропологии вошло в укрупненную группу «История и археология», поэтому формальные основания тесной связи с исторической наукой также имелись. В-третьих, мы предполагали, что часть наших выпускников пойдет работать в колледж или школу (поэтому один из профилей у нас – педагогический), а какой предмет они смогут преподавать в школе? Конечно, историю. Поэтому в нашем учебном плане довольно много исторических дисциплин (история России, всеобщая история – от первобытного общества до новейшей, история культуры). К тому же на нашем историческом факультете, несмотря на его провинциальное местонахождение, сложилось несколько замечательных научных школ (например, историографов под руководством В.П. Корзун, историков культуры под руководством В.Г. Рыженко, историков Сибири под руководством А.П. Толочко, не говоря уже об учениках ученого с мировым именем, профессора А.В. Ремнева). Грех было не воспользоваться таким ресурсом, и не учить наших студентов истории.

Все перечисленные выше обстоятельства привели к тому, что учебный план бакалавров получился очень разнообразным: помимо обязательных дисциплин, в нем имеется довольно большой блок региональной этнографии / этнологии, блок по основам субдисциплин (этнодемо-

графии, этносоциологии, этнопсихологии и др.) – как мостик в магистратуру, дисциплины по физической антропологии, археологии и музеологии (в состав нашей кафедры влились кафедры оптимизированных археологов и музеологов). Плюс два иностранных языка. Плюс авторские курсы в соответствии с научными интересами преподавателей, вроде этнической истории (Н.А. Томилов), ислама в России (А.Г. Селезнев, И.А. Селезнева), культуры русских (М.Л. Бережнова), антропологии детства (А.Н. Блинова), генеалогии (С.Н. Корусенко), современных миграций и конфликтологии (Т.Б. Смирнова). В этой связи приходилось слышать от коллег из других вузов упрек в том, что наш учебный план представляет собой «пеструю кучу», «винегрет» и т.п. Повторимся еще раз, наш отказ от какого-либо конкретного профиля и универсальность образовательной программы – это сознательный выбор, продиктованный обстоятельствами развития образования в нашем регионе (да и в стране в целом), и возможностями трудоустройства наших выпускников. Поэтому ничего случайного в нашей образовательной программе нет. Ну, может, за исключением одной-двух действительно случайных дисциплин, которые уже никто и не вспомнит, как появились в учебном плане.

Магистерская программа, как я упомянула выше, начала реализовываться намного раньше, чем бакалавриат. Первые магистерские программы открывались еще тогда, когда в ГОС-2 был довольно большой перечень обязательных дисциплин. Первоначально магистерская программа называлась просто «Этнология», затем, по примеру РГГУ, мы разработали программу «Этнология и ее субдисциплины». В настоящее время, как нам кажется, этот профиль перестал быть актуальным, поэтому мы готовим новую магистерскую программу, направленность которой связана с государственной национальной политикой, экспертной и аналитической деятельностью антропологов и этнологов.

Предметная область и связь с другими направлениями подготовки

В федеральном государственном образовательном стандарте высшего образования область профессиональной деятельности антропологов и этнологов обозначена очень широко; в п. 4.2 действующего стандарта написано, что объектами профессиональной деятельности выпускников, освоивших программу бакалавриата, являются: человек и общество в культурном многообразии; процессы межкультурной коммуникации в условиях глобализации современного мира; развитие культур мира; биологическая природа человека в разных культурах; универсальные эволюционно-биологические аспекты поведения человека (этология человека); миграционные процессы, современные эт-

нические и этноконфессиональные процессы; государственная национальная политика, этнонациональные и федеративные отношения; этнические конфликты, национализм, ксенофобия и экстремизм; права этнических и религиозных меньшинств; пол и возраст в различных культурах; развитие и современные формы власти; вариативные формы духовной жизни человека; этика и этикет в разных культурах (Федеральный... 2014). ФГОС ВО уровня магистратуры дополнительно включает следующие объекты: организация социальной жизни в различных сообществах; современные межнациональные сети (Федеральный... 2015).

Очевидным является пересечение предметного поля антропологии и этнологии с политологией, социологией, культурологией, религиоведением, биологией, демографией и некоторыми иными направлениями подготовки. Не буду давать оценку этому явлению, об этом не раз и хорошо писали многие, например, академик В.А. Тишков (Тишков 2016). Также не стану говорить о том, что наше поле захватили все, кому не лень, в первую очередь отставные партийные историки. Но посмотрим на ситуацию с обратной стороны – преподавателей нашей кафедры как профессионалов в сфере антропологии и этнологии приглашают читать профильные дисциплины на другие направления подготовки. В последнее время, в связи с ограниченными ресурсами, это происходит реже, чем несколько лет назад, но все же мы ведем курсы у социологов, культурологов, политологов, на факультете культуры и искусств и на международных отношениях. Без наших преподавателей не обходится ни одно повышение квалификации в сфере государственной национальной политики. В свою очередь, для чтения курсов у нас приглашаются профессионалы из смежных областей. Ничего кроме пользы от такого взаимного обмена мы не видим. Конечно, в условиях дефицита ставок, всегда есть соблазн отдать дисциплину своему преподавателю, пусть менее квалифицированному, но своему, или, вообще переписать учебный план «под своих», но путь этот тупиковый. В условиях такого широкого предметного поля обязательно нужно приглашать профессионалов из смежных областей, не замыкаться и не отгораживаться.

Преподаватели и студенты

Многие преподаватели нашей кафедры работают по совместительству в научных учреждениях – в омском филиале Института археологии и этнографии СО РАН и Сибирском филиале российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия им. Д.С. Лихачева. Совместительство, работа в научных учреждениях, вообще – опыт работы вне стен университета, дает преподавателю ве-

сомые преимущества (все-таки есть практика, больше возможностей заниматься научными исследованиями и публиковаться).

Студенты, выпускавшиеся до того, как была начата реализация бакалавриата и магистратуры по направлению подготовки «Антропология и этнология», учились и трудоустраивались по той же траектории, что и историки, в рамках специализации по этнографии / этнологии. В этом году мы выпускаем и очередных магистров, и первых бакалавров. Опыт работы с ними позволяет утверждать, что те студенты, которые поступают на бакалавриат, не слишком хорошо представляют себе и содержание обучения, и будущую профессию. Выбор «Антропологии и этнологии» при поступлении, за редким исключением тех, кто как-либо соприкасался с нашей наукой через дополнительное образование или личные контакты, во многом случаен. Ведь в школе ни антропология, ни этнология не изучаются. Большинству наших абитуриентов не хватило баллов для поступления на юридические и другие престижные направления подготовки, поэтому они поступили туда, где были бюджетные места и более низкий конкурс.

В процессе учебы студенты увлекаются, все говорят, что учиться очень интересно, тревожит одно – непонятно, где можно работать по специальности после окончания университета. Наши рассказы о том, что за рубежом антропологи работают повсюду, от мелких фирм до крупных корпораций, никак не подтверждаются российской практикой. Поэтому после окончания бакалавриата больше половины студентов идет в магистратуру, чтобы получить более высокий уровень квалификации и возможность преподавать. Неопределенные перспективы трудоустройства представляют собой одну из главных проблем подготовки антропологов. К сожалению, профессия антрополога и / или этнолога в нашей стране пока отсутствует.

Заключение

Реализация направления подготовки «Антропология и этнология» идет с большими трудностями, во всяком случае в обычных, не столичных университетах. Среди причин этих трудностей – отсутствие самостоятельности, долгое пребывание этнологии внутри истории в качестве исторической субдисциплины, разработка стандарта по социальной антропологии социологами, и провал попыток реализовать этот стандарт, объединение антропологов в одну укрупненную группу специальностей и направлений подготовки (УГСН) с историками и документоведами, с которыми приходится делить бюджетные места. Положительным является появление самостоятельного направления подготовки антропологов, которое, хочется надеяться, пройдя через этап ста-

новления, займет все же достойное место в системе российского образования.

Главной проблемой сейчас, на мой взгляд, является уменьшение или отсутствие бюджетных мест, выделяемых на «Антропологию и этнологию». Исходя из этого, главной задачей, которую необходимо решить в самое ближайшее время, должно стать увеличение контрольных цифр приема, а в связи с этим – придание нашей профессиональной ассоциации статуса центра ответственности, поскольку именно с центрами ответственности, по действующим правилам, происходит согласование количества бюджетных мест, выделяемых университетам. Профессиональные ассоциации играют большую роль в процедуре аккредитации направлений подготовки, и роль таких ассоциаций в развитии высшего образования, очевидно, будет лишь возрастать. Полагаю, что Ассоциация антропологов и этнологов России должна более активно заниматься проблемами вузовского антропологического образования.

Литература

- Федеральный государственный образовательный стандарт высшего образования по направлению подготовки 46.03.03 Антропология и этнология (уровень бакалавриата) // Портал федеральных государственных образовательных стандартов высшего образования. М., 2014. URL: http://fgosvo.ru/uploadfiles/fgosvob/460303_Antropologia_i_etnologia.pdf (дата обращения: 10.05.2018).
- Федеральный государственный образовательный стандарт высшего образования по направлению подготовки 46.04.03 Антропология и этнология (уровень магистратуры) // Портал федеральных государственных образовательных стандартов высшего образования. М., 2015. URL: <http://fgosvo.ru/uploadfiles/fgosvom/460403.pdf> (дата обращения: 10.05.2018).
- Тишков В.А. От этноса к этничности и после // Этнографическое обозрение. 2016. № 5. С. 5–22.

Статья поступила в редакцию 22 мая 2018 г.

Smirnova Tatiana B.

ANTHROPOLOGY AND ETHNOLOGY AT OMSK STATE UNIVERSITY

DOI: 10.17223/2312461X/21/6

Abstract. Based on the case of Dostoevsky Omsk State University, the article discusses the issues of launching and implementing courses and subject areas to educate anthropologists and ethnologists at Russian universities, as well as educational standards on anthropology and ethnology.

Keywords: social anthropology, ethnology, ethnography, education, national educational standards, educational programme, curriculum

References

- Tishkov V.A. Ot etnosa k etnichnosti i posle [From ethnos to ethnicity and beyond], *Etnograficheskoe obozrenie*, 2016, no. 5, pp. 5-22.

- Federal'nyi gosudarstvennyi obrazovatel'nyi standart vysshego obrazovaniia po napravleniiu podgotovki 46.03.03 Antropologiiia i etnologiiia (uroven' bakalavriata) [Federal state educational standard of higher education on the subject area 46.03.03 'Anthropology and Ethnology' (bachelor's degree)], *Portal federal'nyh gosudarstvennyh obrazovatel'nyh standartov vysshego obrazovaniia* [The portal of Federal state educational standards of higher education]. Moscow, 2014. Available at: http://fgosvo.ru/uploadfiles/fgosvob/460303_Antropologia_i_etnologia.pdf (Accessed 10 May 2018).
- Federal'nyi gosudarstvennyi obrazovatel'nyi standart vysshego obrazovaniia po napravleniiu podgotovki 46.04.03 Antropologiiia i etnologiiia (uroven' magistratury) [Federal state educational standard of higher education on the subject area 46.04.03 'Anthropology and Ethnology' (Master's degree)], *Portal federal'nyh gosudarstvennyh obrazovatel'nyh standartov vysshego obrazovaniia* [The portal of Federal state educational standards of higher education]. Moscow, 2015. Available at: <http://fgosvo.ru/uploadfiles/fgosvom/460403.pdf> (Accessed 10 May 2018).

УДК 378

DOI: 10.17223/2312461X/21/7

БАКАЛАВРИАТ И МАГИСТРАТУРА ПО АНТРОПОЛОГИИ БЕЗ ПРОФИЛЬНОЙ КАФЕДРЫ. ОПЫТ ТГУ*

Ираида Владимировна Нам,
Жанна Анатольевна Рожнева

Аннотация. В статье рассматривается опыт создания и реализации образовательных программ – магистратуры и бакалавриата – по направлению «Антропология и этнология» на базе научной лаборатории. Опыт Томского государственного университета показывает, что образовательные программы могут создаваться и реализовываться без профильных кафедр, хотя это требует не только привлечения дополнительных ресурсов, но и отработки отлаженных и прозрачных механизмов взаимодействия с деканатами своего и других факультетов. При отсутствии хорошо налаженных университетских сервисов, нацеленных на управление и сопровождение образовательных программ, нагрузка на их руководителей становится чрезмерной. В этой связи традиционная кафедральная структура, полагают авторы, хотя и не представляется обязательной, может способствовать поступательному и успешному развитию образовательных программ при условии конструктивного взаимодействия заведующего кафедрой, руководителя программы и преподавателей.

Ключевые слова: антропология, этнология, этнография, бакалавриат, магистратура, лаборатория социально-антропологических исследований, Томский государственный университет (ТГУ)

Перемените имена – переменится общество.

Конфуций

Лаборатория социально-антропологических исследований (ЛСАИ) Томского государственного университета (ТГУ) была создана в 2013 г. в ходе реализации мегапроекта «Человек в меняющемся мире. Проблемы идентичности и социальной адаптации в истории и современности» под руководством Д.А. Функа¹. Это был не только научный, но также и образовательный проект, ориентированный на развитие антропологического и этнологического образования в ТГУ. В контексте решения образовательных задач в этом проекте предусматривалась разработка образовательных программ по направлению «антропология и этнология» для обеспечения высокопрофессиональной подготовки как бака-

---

* Статья написана в рамках научного проекта (№ 8.1.27.2018), выполненного при поддержке Программы повышения конкурентоспособности ТГУ.

лавров и магистров, так и научных работников более высокой квалификации. Уже на начальном этапе осуществления проекта его участниками был разработан полный комплект образовательных программ по данной специальности (Функ, Нам 2013: 56). В результате именно Лаборатория стала базой для создания трех основных образовательных программ (ООП): «Теория и практика антропологических исследований» (уровень бакалавриата), «Социальная антропология» и «Миграционные исследования» (уровень магистратуры), открытых последовательно в 2015 и 2017 гг. Их открытие и реализация стали возможными во многом благодаря тому опыту этнографических и антропологических исследований и образовательной деятельности, который был накоплен в ТГУ в предшествующие годы.

Из истории становления и развития этнографического / этнологического образования в ТГУ

Еще до открытия Томского Императорского университета² в декабре 1882 г. в Томске был основан *Музей археологии и этнографии Сибири (МАЭС)*. Сегодня фонды МАЭС включают исключительной ценности материалы по этнографии, истории и культуре народов Сибири, Дальнего Востока, Восточной и Центральной Азии, сопредельных территорий, замечательные коллекции по индейцам Северной Америки, регулярно использовавшиеся в научной работе как сотрудниками ТГУ, так и исследователями из других регионов и зарубежных стран.

Начало (1917 – середина 1950-х гг.). Становление этнологического образования в Томском университете пришлось на годы революции и гражданской войны и связано с открытием здесь в 1917 г. историко-филологического факультета. Несмотря на то, что Сибирь была охвачена гражданской войной, в 1919 г. в Томске созывается съезд по организации Института исследования Сибири³. Работавшая в рамках съезда секция истории, археологии и этнографии признала «желательным создание кафедры этнографии при историко-филологическом факультете» (Труды 1919: IV, 34). В Институте был создан отдел истории и этнологии и специальная комиссия по изучению племенного состава населения Сибири при совете Института. С этой целью летом 1920 г. были организованы экспедиции – по изучению «инородцев» Бийского и Кузнецкого уездов Минусинско-Абаканская и Кузнецко-Алтайская (Некрылов и др. 2012: 80, 81). В 1921 г. историко-филологический факультет вошел в состав факультета общественных наук (ФОН), созданного на базе юридического факультета, как *этнолого-лингвистическое* отделение. Но уже в 1922 г. ФОН был закрыт, а студенты этнологи и лингвисты переданы Саратовскому, Петроградскому и Иркутскому университетам. В 1930-е гг. после марксистской чистки гуманитарных

наук этнографии было отведено место одной из исторических дисциплин (Тишков 1992: 8; Слезкин 1993; Слезкин 2017: 279–294).

Вплоть до открытия в 1940 г. исторического факультета, подготовка специалистов в области гуманитарных наук в университете не велась. С открытием в 1941 г. отделения русского языка и литературы факультет снова стал называться историко-филологическим. В 1945 г. профессором Томского пединститута А.П. Дульзоном, депортированным в 1941 г. в Томск из Автономии немцев Поволжья, по совместительству работавшим в 1945–1948 гг. на историко-филологическом факультете ТГУ, был прочитан курс лекций «Введение в этнологию (общую этнографию)», а в 1947/48 учебном году – курс «Введение в этнографию». Но это были единичные и краткие курсы (Некрылов и др. 2012: 81; Историческому... 2008: 16).

Становление (1950–1970-е гг.). Систематическое преподавание этнографии в ТГУ началось в 1955 г. чтением курса «Основы этнографии» Галиной Ивановной Пелих (1922–1999), защитившей к тому времени первую в Томске кандидатскую диссертацию по этнографии «Территориальная община у селькупов Нарымского края конца XIX – начала XX вв.» (Галкина, Топчий 1999: 135). Ей принадлежит исключительная, впрочем, до сих пор недооцененная роль в развитии этнографических исследований в ТГУ. Рассматривая этнографию одновременно как фундаментальную и прикладную науку, она считала, что этнография «представляет широчайшие возможности познания, как социологических законов, так и законов исторического развития», и больше, чем какая-либо другая гуманитарная наука, обладает «способностью сочетать все методы естественнонаучного анализа со способностью гуманитария (художника, писателя) проникать вглубь исследуемых явлений» (Галкина, Топчий 1999: 134). Г.И. Пелих положила начало регулярным учебным полевым практикам и экспедициям в ТГУ: в течение 30 лет под ее руководством работали этнографические экспедиции на р. Оби, в низовьях р. Чульмы, на реках Таз, Кеть, Турухан, в южных районах Томской области. Г.И. Пелих была также одним из организаторов этнологического направления в Сибирском отделении РАН (Новосибирск). После защиты докторской диссертации, посвященной происхождению селькупов, она была приглашена в 1977 г. в Новосибирск, в Институт истории, филологии и философии СО АН СССР, где руководила группой этнографии до 1981 г. С именами ее учеников – Н.В. Лукиной, В.М. Кулемзина, Э.Л. Львовой, Н.А. Томилова, И.Н. Гемуева, а затем уже их учеников – А.М. Сагалаева, И.В. Октябрьской, А.Р. Ким, А.В. Багашева и др. – связано образование и развитие центров этнологического и антропологического образования и науки в Западной Сибири – в Омске, Новосибирске, Барнауле, Тюмени, Ханты-Мансийске.

Научной базой для развития этнографических исследований в Томском университете стал сектор этнографии Проблемной научно-

исследовательской лаборатория по истории, археологии и этнографии Сибири (ПНИЛ ИАЭС), созданной при историческом факультете в 1968 г. (Кулемзин, Рындина 1998). Высокий профессионализм исследовательского и преподавательского корпуса этнологов Томского университета позволил открыть в 1999 г. совет по защите кандидатских и докторских диссертаций Д 212.267.18 по специальностям 07.00.07 – Этнография, этнология, антропология, 07.00.10 – История науки и техники, а в 2010 г. также и по специальности 24.10.03 – Музееведение, консервация и реставрация историко-культурных объектов.

Сейчас об этом уже мало кто помнит, но короткий период с 11 марта 1962 г. по 1 ноября 1965 г. на историческом факультете существовала кафедра археологии, этнографии, истории Сибири во главе с З.Я. Бояршиновой (Профессора... 2001: 58). С 1967 г. и по 2014 г. ведущим преподавателем этнологических дисциплин была Э.Л. Львова (Беликова 2015; Нам 2015; Усманова 2015). В отсутствие специализированной кафедры особенностью учебной подготовки по этнографии / этнологии было то, что она осуществлялась на базе нескольких кафедр факультета: отечественной истории, современной отечественной истории, археологии и исторического краеведения. За эти годы преподавателями факультета и сотрудниками ПНИЛ ИАЭС были проведены десятки экспедиций и этнографических практик в Южной и Западной Сибири (в Томской, Кемеровской и Тюменской областях, Якутии, Хакасии, на Алтае и в других регионах).

Переходные 1990-е гг. Время с начала 1990-х гг. характеризуется кризисными явлениями в постсоветской этнографии / этнологии, вызванными резкими изменениями политической и социальной ситуации, благодаря чему появилось множество прикладных исследований. Об этом не раз писалось в ведущих этнологических журналах (Тишков 1992; Арутюнов 1993; Соколовский 2003). В эти годы произошла глубокая перестройка системы используемых понятий, произошли существенные перемены в предметах дисциплин, обычно включаемых в число этнографических. Возникли целые научные направления, которыми ранее занимались единицы, – этноконфликтология, антропология власти, политическая антропология, диаспорные, миграционные, гендерные исследования, юридическая антропология, появились интересные направления исследований в рамках этнографии города и др. (Соколовский 2003: 148–149), образовались новые факультеты и кафедры социальной антропологии (Тишков 2003: 27–33).

Эти перемены благотворно сказались на развитии этнологии в ТГУ. С середины 1990-х гг. обозначилось новое направление исследовательской деятельности – *этнография города*. Под руководством Э.Л. Львовой в 1994–1998 гг. проводился этносоциологический мониторинг «Культурное пространство закрытого города и перспективы его развития» в Северске. С 2004 г. в круг интересов группы вошли вопросы, свя-

занные с сохранением исторического наследия – деревянной архитектуры Томска. Формируется новое направление – *антропология переписи*. Под руководством Э.Л. Львовой и И.В. Нам в рамках этнографической практики студенты участвовали в проведении всероссийских переписей населения 2002 и 2010 гг. Работая в качестве переписчиков, они вели наблюдения за организацией и ходом переписи. И.В. Нам участвовала также в международном проекте «Идентичность и язык в переписи населения России 2002 г.», осуществлявшемся Институтом этнологии и антропологии (ИЭА) РАН и Браунским университетом (США). Итогом этой работы стала серия публикаций (Нам 2003; Львова, Нам 2007; Нам, Поправко 2011). Особо значимым представляется участие во всех перечисленных научно-исследовательских проектах и прикладных исследованиях студентов, которые привлекались в качестве волонтеров, интервьюеров, участников этнографических практик и экспедиций. Все это свидетельствовало о вовлеченности преподавателей и студентов факультета в происходящие в российском научном сообществе перемены.

С начала 1990-х гг. в деятельности этнологов факультета наметился поворот в сторону экспертно-аналитической⁴ и проектной деятельности⁵. Итогом совместных усилий Э.Л. Львовой и жителей Тегульдетского района при поддержке областной и районной администраций аборигенное население района – чулымские тюрки (чулымцы) – были включены в список коренных малочисленных народов Севера (Львова 2000). В 2002 г. по заказу областной администрации И.В. Нам (рук.), Э.Л. Львовой, Н.И. Наумовой и О.М. Рындиной было проведено этносоциологическое исследование «Этнокультурные, этносоциальные и этнополитические процессы в Томской области» (2003). Этим же авторским коллективом был осуществлен проект энциклопедического издания, отражающего разные стороны жизни народов Томской области: историю их появления в регионе, характерные черты традиционной культуры, многообразие современной национально-культурной и конфессиональной жизни (Томская область... 2004; Томская область... 2007). Этнологическая проблематика была положена в основу нескольких проектов, выполнявшихся историками и этнологами факультета⁶. Все это свидетельствует о том, что этнологи ТГУ реально выполняли функции этнологической экспертизы и консультирования управленческих и властных структур, на личном опыте убеждаясь в необходимости расширения предмета этнологических исследований и соответствующей профессиональной подготовки этнологов.

«Перемените имена – переменится общество»

Продолжающийся процесс самоопределения российской этнографии / этнологии требовал перемены названия дисциплины «советская

этнография». Для такой перемены были причины как внешнего характера (освобождение от идеологического диктата), так и внутренние – близость не только к историческим, но и к другим гуманитарным (социология, лингвистика, демография) и естественно-научным (биология) дисциплинам. Отвечая в 2005 г. на вопрос редколлегии журнала «Антропологический форум» о современном состоянии российской этнографии / антропологии, Э.Л. Львова определила его как *«состояние кризиса профессиональной идентичности»*: «Измените название дисциплины или жанра научного дискурса – изменится профессиональная, культурная и социальная рефлексия по отношению к нему, степень его привлекательности и характер исследовательских предпочтений, а в конечном счете – возрастет интерес или, напротив, упадок его к соответствующей дисциплине. Последние 15–20 лет профессиональное самосознание российских этнографов стояло перед насущной необходимостью определять себя как этнографов, этнологов, антропологов, работающих в жанре культурной или социальной антропологии» (Львова 2005: 58). Однако на пути становления вузовской социальной (культурной) антропологии в России возникло неожиданное препятствие – «приватизация» этнологической проблематики социологами, которые «сочинили государственный стандарт по социальной антропологии» (Тишков 2003: 32), включавший порядка 20 специальных дисциплин, в которых хорошо узнавалось предметное поле этнографии / этнологии. Это стало еще одним фактором, усложнившим процесс самоопределения этнографии / этнологии / антропологии (Львова 2005: 58).

Эти задачи этнологи истфака пытались решать всевозможными средствами – подачей, увы, безуспешных заявок в Учебно-методическое объединение университетов по образованию в области истории на открытие на факультете специальности «социальная антропология» и столь же безуспешной подачей служебных записок на имя ректора об открытии кафедры социальной антропологии / этнологии. Еще одним путем, тоже безуспешным, который был трижды испробован с целью открытия сначала специализации, а с 2010 г. – направления «Антропология и этнология», была подача заявок на программу «Tempus-Tacis». Этапным событием стало открытие в 2005 г. Студенческой научно-исследовательской лаборатории (СНИЛ) по социальной антропологии. В ее рамках в сентябре-октябре 2005 г. преподаватель департамента социальной антропологии университета Утрехта (Нидерланды) доктор социальной антропологии Р. Линдерс прочла курс лекций «Английский для социальных антропологов (введение в понятийный аппарат)» по теме «Межэтнические отношения в Сибири». В этом же году был проведен пропедевтический семинар «Введение в социальную антропологию» (Э.Л. Львова, И.В. Нам, В.В. Шевцов), который посещали 15 студентов 2–5-х курсов. В 2006–2007 гг. на базе СНИЛ была осу-

ществлена дополнительная специализация по социальной антропологии⁷. В мае 2007 г. с целью повышения квалификации и подготовки специалистов по социальной антропологии (этнологии) для преподавателей, аспирантов и студентов доктором антропологии Б.П. Шишло был прочитан курс лекций «Современная французская антропология и проблемы этничности и национальной идентичности во Франции и России» и проведен семинар «Этнология (антропология) в западной исследовательской традиции». В октябре 2007 г. И.В. Нам прошла краткосрочное обучение в Центре социальной антропологии в Российском государственном гуманитарном университете (Москва) по программе «Теория и практика межэтнических коммуникаций». В ноябре 2007 г. Э.Л. Львова и В.В. Шевцов прошли стажировку в Нидерландах на базе Утрехтской Школы Управления по программе «Образовательные стратегии в подготовке социальных антропологов в европейской образовательной практике» и познакомились с этой практикой в университетах Утрехта, Амстердама и Лейдена.

Утверждение в 2010 г. Госстандарта по антропологии и этнологии для магистратуры, а в 2011 г. для бакалавриата стало новым стимулом для того, чтобы добиваться открытия на факультете специализации по социальной антропологии. С этой целью в 2012–2013 учебном году был открыт профиль по социальной антропологии, который основывался на комплексе элективных этнологических и антропологических дисциплин.

Получение мегагранта в 2013 г. и создание лаборатории стали, таким образом, закономерным продолжением проводившейся ранее работы и базой для дальнейшего развития усилий, направленных на создание системы антропологического образования. Уже марте 2014 г. разработанные сотрудниками лаборатории и преподавателями факультета образовательные программы по направлению подготовки «Антропология и этнология» (бакалавриат и магистратура) успешно прошли государственную аккредитацию. На основании приказа Федеральной службы по надзору в сфере образования и науки № 218 от 11 марта 2014 г. данная специальность была добавлена в лицензию ТГУ на осуществление образовательной деятельности и были выделены 10 и 7 бюджетных мест для бакалавриата и магистратуры, соответственно. В 2015–2016 учебном году на направление поступили 15 бакалавров и 7 магистрантов, в 2016–2017 – 14 и 10. В 2017–2018 учебном году произошло снижение контрольных цифр приема в бакалавриат до шести бюджетных мест, и вместе со студентами, поступившими по договору, общее количество обучающихся составило 12 человек. В магистратуре пять бюджетных мест из десяти были переданы на новую программу «Миграционные исследования». В итоге в 2017–2018 учебном году на направление «антропология и этнология» поступило 12 студентов бакалавриата и 10 магистрантов. На 2018–2019 учебный год контрольные

цифры приема на бакалавриат остались те же – 6 мест, на магистерские программы – по 10 мест.

Благодаря мегагранту и открытию лаборатории, студенты и преподаватели ТГУ получили широчайшие возможности для приобщения к предмету дисциплины «социальная антропология» через чтение лекций, проведение семинаров и летних школ, организацию масштабных научных конференций в 2014 и 2016 гг., проводившихся с приглашением ведущих российских и зарубежных антропологов и других специалистов. За 2013–2017 гг. было проведено 48 образовательных мероприятий, среди которых 29 открытых курсов лекций и семинаров, 15 курсов повышения квалификации и 4 летние научные школы. Подробно эта информация представлена на сайте ЛСАИ (<http://lsar.tsu.ru/ru>). Лучшие студенческие доклады были опубликованы в рейтинговых научных изданиях: «Сибирские исторические исследования» (Брызгина 2017: 138–140; Нам, Карагеоргий, Ермолова, Никитина 2017: 166–192; Макиенко 2017: 94–103); «Вестник ТГУ. История» (Джанызакова, Кузнецова 2015: 65–70; Карагеоргий 2015: 71–79; Лукьянова 2015: 138–142; Садырин 2015: 134–137; Сметанин 2015: 143–149). По материалам летней школы «Антропология науки и больших технических систем: идентичность ученых и инженеров», организованной вместе с кафедрой прикладной и институциональной социологии Пловдивского университета, был издан сборник со статьями участников школы из Томска (*Anthropology...* 2016).

Первые выпускники магистратуры «Социальная антропология» вошли в состав созданной в декабре 2017 г. кафедры антропологии и этнологии и продолжают обучение в аспирантуре, успешно сочетая педагогическую подготовку с участием в больших научных проектах: грант Правительства РФ «Языковое и этнокультурное разнообразие Южной Сибири в синхронии и диахронии: взаимодействие языков и культур», № 2016-220-05-150 (рук. А.В. Дыбо), гранты РНФ «“Ресурсное проклятие” на циркумполярных территориях: российский и международный опыт анализа и урегулирования конфликтов из-за невозобновляемых ресурсов в местах традиционного проживания аборигенных этнических групп», № 15-18-00112 (рук. Д.А. Функ), «Использование и создание мигрантами городской инфраструктуры сибирских региональных столиц», № 18-18-00293 (рук. И.В. Нам), а также проект, поддержанный Научным фондом имени Д.И. Менделеева ТГУ, «Миграции и диаспоры в трансграничном пространстве: междисциплинарные исследования», № 8.1.27.2018 (рук. И.В. Нам).

Плюсы и минусы антропологического образования на базе научной лаборатории

Сложившаяся на историческом факультете ТГУ образовательная структура бакалавриата и магистратуры по направлению «Антрополо-

гия и этнология» имеет свои преимущества и проблемы. Одним из неявных, но существенных преимуществ, на наш взгляд, является бóльшая свобода в формировании содержания учебных планов. Руководитель ООП, в отличие от заведующего кафедрой, не связан обязательствами как руководитель кафедры и перед ним не стоит задача обеспечить нагрузкой «своих» преподавателей. Поэтому он может приглашать к участию в программе любых преподавателей, в том числе с других факультетов. Осуществляя функции оперативного управления программой, руководитель ООП напрямую работает с деканатом и другими административными структурами, решая вопросы без посредников в лице заведующих кафедрами.

Другим положительным моментом является то, что активное включение в образовательный процесс лаборатории как научного подразделения задает образовательным программам ярко выраженную научную направленность. Бакалавры и магистранты участвуют в исследованиях, проводимых сотрудниками лаборатории. Имея грантовую поддержку, Лаборатория, как уже говорилось выше, целенаправленно использовала имеющиеся ресурсы для привлечения ведущих ученых и преподавателей к чтению учебных курсов и проведению семинаров, которые могли посещать не только студенты, но и преподаватели, желающие повысить свою квалификацию. Подобное расширение образовательных возможностей способствует повышению качества подготовки студентов, большей открытости и мобильности учебного процесса. Кроме того, это ведет к формированию особой идентичности студентов-антропологов, которые через вовлечение в мероприятия лаборатории становятся мотивированными и хорошо понимающими специфику выбранной специальности.

При реализации образовательных программ в отсутствие профильной кафедры возникают и определенные проблемы. К числу наиболее существенных относится невозможность выстраивания долгосрочной кадровой политики. Так, руководитель ООП не может принять на работу перспективных сотрудников, поскольку в его распоряжении нет штатных единиц. Исключение здесь составляют автономные магистерские программы⁸. Однако, даже в случае получения отдельных штатов на программу, трудоустройство все равно должно происходить не в лабораторию, а на какую-нибудь кафедру. При сохранении подобного порядка дальнейшее развитие образовательных программ, не имеющих профильных кафедр, становится проблематичным. Другой очевидной проблемой является сложность командообразования. Все преподаватели, участвующие в реализации ООП по направлению «Антропология и этнология», работают в разных структурных подразделениях не только исторического, но и других факультетов ТГУ и университетов Томска. Некоторые даже не знакомы друг с другом. Руководитель ООП при

необходимости может встречаться с кем-то по отдельности, но не имеет возможности собирать всех вместе.

Таким образом, опираясь на опыт образовательной деятельности, накопленный Лабораторией социально-антропологических исследований, можно заключить, что образовательные программы могут создаваться и реализовываться и без профильных кафедр, однако это требует не только привлечения дополнительных ресурсов, но и отработки отлаженных и прозрачных механизмов взаимодействия с деканатами своего и других факультетов. При отсутствии хорошо налаженных университетских сервисов, нацеленных на управление и сопровождение ООП, нагрузка на их руководителей становится чрезмерной. В этой связи традиционная кафедральная структура, хотя и не представляется обязательной, способна обеспечить поступательное развитие образовательных программ при условии продуктивного взаимодействия заведующего кафедрой, руководителя ООП и преподавателей.

Заключение

Путь к созданию полноценной системы антропологического образования в ТГУ, включающей бакалавриат и магистратуру, был долгим и тернистым. Вплоть до декабря 2017 г. на историческом факультете ТГУ отсутствовала профильная кафедра антропологии и этнологии, поэтому основную роль в поддержке и развитии данного образовательного направления с 2013 г. играла Лаборатория социально-антропологических исследований. Набор на программы по антропологии и этнологии в 2015 г. совпал с начавшимися в ТГУ изменениями в подходах к организации учебного процесса. Основная образовательная программа стала рассматриваться как самостоятельная единица во главе с руководителем, который призван конструировать ее содержание и решать определенные организационные вопросы (Положение... 2015). В подобной модели и сами ООП, и их руководители отделяются от привычной факультетской структуры, основу которой составляют выпускающие кафедры. Применительно к направлению «Антропология и этнология» на ИФ ТГУ как раз сложилась ситуация, когда студенты прикреплялись к кафедре отечественной истории лишь номинально. Оперативное руководство образовательным процессом осуществлял руководитель ООП с опорой на административные возможности деканата.

Несмотря на более чем вековую историю, становление антропологического и этнологического образования в Томском университете – это далеко не завершённый процесс. Имея фундамент в виде сложившихся в предыдущие годы направлений этнографических исследований и опыта образовательной деятельности, программы по антропологии и этнологии должны развиваться, ориентируясь на современную науч-

ную и образовательную повестку. Перед их руководителями стоят отнюдь не тривиальные задачи, связанные с необходимостью учитывать при организации учебного процесса динамичные изменения в содержании, методах, структуре университетского образования, находить варианты прикладного использования фундаментальных антропологических знаний, вовлекать в разработку учебных планов ведущих ученых и потенциальных работодателей, развивать у студентов разнообразные надпрофессиональные («гибкие») навыки, востребованные на современном рынке труда. Антропологическое и этнологическое образование, развиваемое в тесной взаимосвязи с научными исследованиями, в конечном итоге призвано формировать сообщество специалистов, способных привносить в любую деятельность человеческое измерение.

Примечания

¹ Грант Правительства Российской Федерации для государственной поддержки научных исследований № 14.В25.31.0009.

² Впервые идея об открытии в Сибири университета возникла в начале XIX в. Несколько сибирских городов, включая Иркутск, Красноярск, Омск, соревновались за это право. Но в декабре 1876 г. «Комиссия для изучения вопроса об избрании города для Сибирского университета» сделала выбор в пользу Томска. 16 мая 1878 г. последовало «высочайшее повеление» Александра II об учреждении Императорского Сибирского университета в Томске. Торжественное его открытие состоялось 22 июля 1888 г.

³ 25 января съезд принял «Положение об Институте исследования Сибири». До его утверждения А.В. Колчаком 28 июля 1919 г., вступившим в силу после опубликования «Правительственным вестником» 25 октября 1919 г., Институт являлся общественной организацией.

⁴ С 1990-х гг. Э.Л. Львова, В.М. Кулемзин, И.В. Нам сотрудничали с Ассоциацией коренных малочисленных народов Севера Томской области «Колта-Куп». Э.Л. Львова входила в Коллегию департамента культуры Томской области, курирующую сферу межкультурных отношений. И.В. Нам, Э.Л. Львова, Н.И. Наумова входили в консультативные советы по делам национально-культурных объединений и этнокультурному образованию. И.В. Нам также участвовала в работе Экспертного совета по проведению государственной религиоведческой экспертизы при Управлении Минюста РФ, Консультативного совета по делам религиозных объединений и Общественного совета при Управлении Федеральной миграционной службы Томской области. С 1997 г. и по настоящее время она является экспертом по Томской области Сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов (EAWARN) на территории стран СНГ и Балтии. В 2001 г. вышла монография И.В. Нам по проекту «Этничность, конфликт и согласие» по программе ЮНЕСКО «Управление общественными трансформациями» (MOST) (Нам 2001).

⁵ В 1995 г. рабочей группой (в составе Э.Л. Львовой, Н.И. Наумовой, Л.Б. Галямовой, Е.Ш. Сафиулиной (рук. И.В. Нам) был разработан раздел федеральной программы «Возрождение и развитие тюркских народов Томской области». В 1996 г. В.М. Кулемзин, Э.Л. Львова, И.В. Нам, Н.И. Наумова участвовали в разработке концепции региональной программы национально-культурного развития и оптимизации межнациональных отношений в Томской области. В 2001 и 2003 гг. совместно с областной и городской администрациями были проведены две межрегиональные научные конференции «Развитие межнациональных отношений и национально-культурного движения в Сибири: опыт, перспективы» и «Мультикультурность и образование». Материалы этих конференций были опубликованы в одноименных сборниках в 2002 и 2003 г.

⁶ Гранты Международного научного фонда «Национальные меньшинства (этнодисперсные группы) Сибири и Дальнего Востока в первой четверти XX в.» (1995); РГНФ «Государственные интересы и защита прав меньшинств (национальных, языковых, конфессиональных) в контексте истории России I-й четверти XX в.» (1996–1998); «Народы и культуры Томской области» (2003–2004); «Городская этнография “Исторический город как среда обитания”» (2004); «Национальная политика России на историческом переломе (1917–1922 гг.) (2004–2005); 06-01-16166д «Народы и культуры Томской области» (2006); «Эстония и Сибирь: миграционные процессы, экономика, культура» (2009–2010); ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России», мероприятие 1.5 «Региональная идентичность как фактор и условие сохранения и поддержания социальной стабильности в сибирском социуме: исторические и современные аспекты 2010–2011 гг.» (приглашенный руководитель Б.П. Шишло: доктор этнологии, ст. науч. сотр. Национального Центра Научных Исследований (CNRS) в Париже, лаборатория «Экоантропология и этнобиология»; директор «Центра сибирских исследований» при Институте славяноведения; основатель и редактор серии «Сибирские вопросы» (*Questions sibériennes*), Париж).

⁷ Были прочитаны следующие курсы: История и теория социальной антропологии; Введение в социальную антропологию; Методы социальной антропологии в исследовании межэтнических отношений в Сибири; Основы этносоциологии; этнодемографические процессы в современном мире; Этнопсихология; Кросс-культурный менеджмент и межкультурные коммуникации; Введение в физическую антропологию с основами этологии человека.

⁸ Автономная магистерская программа или автономная основная образовательная программа – это особая форма междисциплинарных образовательных программ, принятая в Томском государственном университете. Данные программы не входят в факультетскую структуру, имеют собственный штат и напрямую курируются начальником Учебного управления. За развитие программы и ее содержательное наполнение отвечает руководитель программы и академический совет, оперативное управление осуществляет менеджер программы.

Литература

- Арутюнов С.А. Преодоление какого кризиса? // Этнографическое обозрение. 1993. № 1. С. 8–14.
- Беликова О.Б. О лаборатории научной мысли Э.Л. Львовой // Сибирские исторические исследования. 2015. № 2. С. 76–80. DOI: 10.17223/2312461X/8/7
- Брызгина Д.Е. «Китайские» рынки и городские мобильности: система общественного транспорта в повседневности города (на примере Иркутска) // Сибирские исторические исследования. 2017. № 1. С. 138–148.
- Джанызакова С.Д., Кузнецова А.С. Красота по-азиатски: репрезентация «азиатскости» в пространстве города (на примере студенческого конкурса «Мисс и Мистер Азия – 2015» в г. Томске // Вестник Томского государственного университета. История. 2015. № 5. С. 65–70.
- Галкина Т.В., Топчий А.Т. Первый этнограф Томского университета // Вестник Томского государственного университета. 1999. № 268. С. 133–137.
- Историческому образованию в Сибири 90 лет: исторический факультет Томского государственного университета в воспоминаниях и документах / сост. Д.В. Хаминов, С.А. Некрылов. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2008. 264 с.
- Карагеоргий Е.М. «Сибирские Афины», или «Греческое» в пространстве г. Томска (на примере Томской национально-культурной греческой автономии) // Вестник Томского государственного университета. История. 2015. № 5. С. 71–79.
- Кулемзин В.М., Рындина О.М. Сектор этнографии // Из истории Сибири. 30-летию лаборатории / под ред. Э.И. Черныка. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1998. С. 8–16.

- Лукьянова Е.О. Кто они, молодые корейцы Томска? (Символическое пространство корейского молодежного центра «Анён») // Вестник Томского государственного университета. История. 2015. № 5. С. 138–142.
- Львова Э.Л. Историческая записка о чулымцах // Мы – томичи, ваши земляки, ваши соседи (Национально-культурная панорама Томской области) Томск: Томский областной антифашистский комитет, 2000. С. 20–29.
- Львова Э.Л., Нам И.В., Наумова Н.И., Рындина О.М. Этнокультурные, этносоциальные и этнополитические процессы в Томской области. Состояние и перспективы // Мультикультурность и образование: материалы межрегиональной научно-практической конференции с международным участием. Томск: Курсив, 2003. С. 183–221.
- Львова Э.Л. // Антропологический форум. 2005. Специальный выпуск к VI конгрессу этнографов и антропологов. С. 58–61.
- Львова Э.Л., Нам И.В. Перепись в Томской области: итоги и прогнозы // Этнокультурный облик России: перепись 2002 года / отв. ред. В.В. Степанов, В.А. Тишков. М.: Наука, 2007. С. 426–437.
- Макиенко О.В. От STS к VSTS: проблема методологии визуальных исследований лабораторных практик и потенциал camera ethnography // Сибирские исторические исследования. 2017. № 4. С. 94–103. DOI: 10.17223/2312461X/18/7
- Международная научная школа-семинар «Миграция и этнизация городского пространства» // Вестник Томского государственного университета. История. 2015. № 5. С. 5–149.
- Нам И.В. Томская область. Модель этнологического мониторинга. М., 2001. 148 с.
- Нам И.В. Томская область // На пути к переписи / под ред. В. Тишкова. М.: Авиаиздат, 2003. С. 441–472.
- Нам И.В. Памяти Э.Л. Львовой (21.04 1940 – 27.11.2014) // Сибирские исторические исследования. 2015. № 2. С. 74–76.
- Нам И.В., Поправко И.Г. Мониторинг переписи в Томской области // Этнологический мониторинг переписи населения / под ред. В.В. Степанова. М.: ИЭА РАН, 2011. С. 351–371.
- Нам И.В., Карагеоргий Е.М., Ермолова А.И., Никитина Е.В. Конструирование образа трудового мигранта в региональных СМИ // Сибирские исторические исследования. 2017. № 1. С. 166–192.
- Некрывлов С.А., Фоминых С.Ф., Меркулов С.А., Литвинов А.В. Институт исследования Сибири и изучение истории, археологии и этнографии региона (1919–1920 гг.) // Вестник Том. гос. ун-та, 2012. № 365. С. 77–81.
- Положение об основной образовательной программе высшего образования в Национальном исследовательском Томском государственном университете, 2015 // Текущий архив Томского государственного университета.
- Профессора Томского университета: Биографический словарь. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2001. Т. 3. 532 с.
- Садырин А.А. «Студенческая посылка» как актант в сети студентов – учебных мигрантов из Казахстана: к вопросу о конструировании сообщества // Вестник Томского государственного университета. История. 2015. № 5. С. 134–137.
- Сметанин Ф.А. Роль мусульманского духовенства в формировании общинно-территориальных отношений (на примере г. Томска) // Вестник Томского государственного университета. История. 2015. № 5. С. 143–149.
- Слезкин Ю. Советская этнография в нокдауне: 1928–1938 // Этнографическое обозрение. 1993. № 2. С. 113–125.
- Слезкин Ю. Арктические зеркала: Россия и малые народы Севера. М.: Новое литературное обозрение, 2017. 512 с.
- Соколовский С.В. Четверть века российской антропологии: 1975–2000 // Этнометодология: проблемы, подходы, концепции. М., 2003. Вып. 9. С. 136–159.

- Тишков В.А. Советская этнография: преодоление кризиса // Этнографическое обозрение. 1992. № 1. С. 21–29.
- Тишков В.А. Реквием по этносу: Исследования по социально-культурной антропологии, М.: Наука, 2003. 544 с.
- Томская область: национально-культурная жизнь: Статьи к энциклопедии «Народы и культуры Томской области». Томск: D-Print, 2004. 130 с.
- Томская область. Народы, культуры, конфессии: Энциклопедия / отв. ред. О.М. Рындина. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2007. 382 с.
- Труды съезда по организации Института исследования Сибири: в 4 ч. Томск, 1919.
- Усманова М.С. Как писалась книга «Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири» // Сибирские исторические исследования. 2015. № 2. С. 80–83.
- Функ Д.А., Нам И.В. «Человек в меняющемся мире. Проблемы идентичности и социальной адаптации в истории и современности»: научно-исследовательский проект Томского государственного университета // Сибирские исторические исследования. 2013. № 1. С. 56–57.
- Anthropology of Science: Astronomy as a form of life. Plovdiv, 2016. 197 p.

Статья поступила в редакцию 20 апреля 2018 г.

Nam Iraida V., Rozhneva Zhanna A.

DEVELOPING BACHELOR AND MASTER DEGREE PROGRAMMES IN ANTHROPOLOGY WITHOUT AN ANTHROPOLOGY DEPARTMENT: THE CASE OF TOMSK STATE UNIVERSITY

DOI: 10.17223/2312461X/21/7

Abstract. The article analyses the development and implementation of the bachelor and master degree programmes in the subject area of ‘Anthropology and Ethnology’ on the basis of a Tomsk State University (TSU) research laboratory – Laboratory for Social and Anthropological Research. The case of Tomsk State University shows that such educational programmes can indeed be elaborated and run without a specialised institutional unit, such as a department, although this endeavour does require not only additional resources but also development of systematic and transparent mechanisms of interaction between dean offices of one’s own and other faculties. Without such mechanisms in place, directors of such programmes find themselves excessively overloaded with different kinds of responsibilities and work. In this regard, the structure and resources associated with a specialised department appear to contribute to a smooth and successful development of degree programmes, given there is constructive cooperation between the chair of department, director of programme and teaching staff.

Keywords: anthropology, ethnology, ethnography, bachelor degree, master degree, Laboratory for Social and Anthropological Research, Tomsk State University (TSU)

* The article is written within the scientific project no. 8.1.27.2018 implemented with support from the Tomsk State University Competitiveness Improvement Programme.

References

- Arutiunov S.A. Preodolenie kakogo krizisa? [Overcoming what crisis?], *Etnograficheskoe obozrenie*, 1993, no. 1, pp. 8-14.
- Belikova O.B. O laboratorii nauchnoi mysli E.L. L'vovoi [On the laboratory of scientific thought of E.L. Lvova], *Sibirskie istoricheskie issledovaniia*, 2015, no. 2, pp. 76–80. DOI: 10.17223/2312461X/8/7

- Briazgina D.E. Kitaiskie' rynki i gorodskie mobil'nosti: sistema obshchestvennogo transporta v povsednevnosti goroda (na primere Irkutsk) [Chinese markets and urban mobilities: public transport system in the city's everyday life (the case of Irkutsk)]. *Sibirskie istoricheskie issledovaniia*, 2017, no. 1, pp. 138–148.
- Dzhanyzakova S.D., Kuznetsova A.S. Krasota po-aziatski: reprezentatsiia «aziatskosti» v prostranstve goroda (na primere studencheskogo konkursa «Miss i Mister Aziia – 2015» v g. Tomске [‘Asian beauty’: representations of ‘Asianness’ in the city space (on the case of the student contest ‘Miss and Mister Asia-2015’ in Tomsk)], *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriia*, 2015, no. 5, pp. 65–70.
- Galkina T.V., Topchii A.T. Pervyi etnograf Tomskogo universiteta [The first ethnographer of the Tomsk University], *Vestnik TGU*, 1999, no. 268, pp. 133–137.
- Istoricheskomu obrazovaniiu v Sibiri 90 let: istoricheskii fakul'tet Tomskogo gosudarstvennogo universiteta v vospominaniakh i dokumentakh. Sost. D.V. Khaminov, S.A. Nekrylov* [The 90th anniversary of history education in Siberia: the Faculty of History of Tomsk State University in memories and documents. Compiled by D.V. Khaminov and S.A. Nekrylov]. Tomsk: Izd-vo Tom. un-ta, 2008. 264 p.
- Karageorgii E.M. «Sibirskie Afiny» ili «Grecheskoe» v prostranstve g. Tomsk (na primere Tomskoi natsional'no-kul'turnoi grecheskoi avtonomii) [‘Athens of Siberia’ or ‘Greekness’ in the city space of Tomsk (on the case of Tomsk National–Cultural Greek Autonomy)], *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriia*, 2015, no. 5, pp. 71–79.
- Kulemzin V.M., Ryndina O.M. Sektor etnografii [The ethnography section]. In: Cherniak E.I. (ed.) *Iz istorii Sibiri. 30-letiiu laboratorii* [From the history of Siberia. Dedicated to the 30th anniversary of the laboratory]. Tomsk: Izd-vo Tom. un-ta, 1998, pp. 8–16.
- Luk'ianova E.O. Kto oni, molodye koreitsy Tomsk? (Simvolicheskoe prostranstvo koreiskogo molodezhnogo tsentra «Anen») [Who are they, the young Koreans of Tomsk? The symbolic space of the Korean youth centre ‘Anyon’], *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriia*, 2015, no. 5, pp. 138–142.
- L'ova E.L. Istoricheskaia zapiska o chulymsakh [A historical note on the Chulyms]. In: *My – tomichi, vashi zemliaki, vashi sosedii (Natsional'no-kul'turnaiia panorama Tomskoi oblasti)* [We are residents of Tomsk, your fellow countrymen and neighbours (a national-cultural panorama of the Tomsk region)]. Tomsk: Tomskii oblastnoi antifashistskii komitet, 2000, pp. 20–29.
- L'ova E.L., Nam I.V., Naumova N.I., Ryndina O.M. *Etnokul'turnye, etnosotsial'nye i etnopoliticheskie protsessy v Tomskoi oblasti. Sostoianie i perspektivy* [Ethno-cultural, ethno-social and ethno-political processes in the Tomsk region. The current state and prospects]. In: *Mul'tikul'turnost' i obrazovanie: Materialy mezhregional'noi nauchno-prakticheskoi konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem* [Multiculturalism and education: Proceedings of an Inter-regional scientific conference with international participation]. Tomsk: Kursiv, 2003, pp. 183–221.
- L'ova E.L., *Antropologicheskii forum*. 2005. Spetsial'nyi vypusk k VI kongressu etnografov i antropologov [Special issue with regard to the 6th Congress of ethnographers and anthropologists], pp. 58–61.
- L'ova E.L., Nam I.V. Perepis' v Tomskoi oblasti: itogi i prognozy [The census in Tomsk oblast: results and forecasts]. In: Stepanov V.V., Tishkov V.A. (eds.) *Etnokul'turnyi oblik Rossii: perepis' 2002 goda* [The ethno-cultural profile of Russia: the 2002 census]. Moscow: Nauka, 2007, pp. 426–437.
- Makienko O.V. Ot STS k VSTS: problema metodologii vizual'nykh issledovaniu laboratornykh praktik i potentsial camera ethnography [From STS to VSTS: methodological issues in visual research of laboratory practices and the potential of camera ethnography], *Sibirskie istoricheskie issledovaniia*, 2017, no. 4, pp. 94–103. DOI: 10.17223/2312461X/18/7

- Mezhdunarodnaia nauchnaia shkola-seminar «Migratsiia i etnizatsiia gorodskogo prostranstva» [International academic workshop 'Migration and ethnicisation of urban areas'], *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriia*, 2015, no. 5, pp. 5–149.
- Nam I.V. *Tomaskaia oblast'. Model' etnologicheskogo monitoringa* [Tomsk oblast. A model of ethnological monitoring]. Moscow, 2001. 148 p.
- Nam I.V. Tomaskaia oblast' [Tomsk oblast]. In: Tishkov V. (ed.) *Na puti k perepisi* [In the run-up to the census]. Moscow: Aviaizdat, 2003, pp. 441–472.
- Nam I.V. Pamiati E.L. L'vovoi (21.04 1940–27.11.2014) [Dedicated to the memory of Eleonora Lvovna Lvova (21.04.1940–27.11.2014)], *Sibirskie istoricheskie issledovaniia*, 2015, no. 2, pp. 74–76.
- Nam I.V., Popravko I.G. Monitoring perepisi v Tomskoi oblasti [Monitoring the census in Tomsk oblast]. In: Stepanov V.V. (ed.) *Etnologicheskii monitoring perepisi naseleniia* [Ethnological monitoring of the population census]. Moscow: IEA RAN, 2011, pp. 351–371.
- Nam I.V., Karageorgii E.M., Ermolova A.I., Nikitina E.V. Konstruirovaniie obraza trudovogo migranta v regional'nykh SMI [The image of labour migrants constructed by the mass media: the case of Tomsk], *Sibirskie istoricheskie issledovaniia*, 2017, no. 1, pp. 166–192.
- Nekrylov S.A., Fominykh S.F., Merkulov S.A., Litvinov A.V. Institut issledovaniia Sibiri i izuchenie istorii, arkhologii i etnografii regiona (1919–1920 gg.) [Siberia Research Institute and the study of history, archeology, and the ethnography of the region (1919–1920)], *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2012, no. 365, pp. 77–81.
- Polozhenie ob osnovnoi obrazovatel'noi programme vysshiego obrazovaniia v Natsional'nom issledovatel'skom Tomskom gosudarstvennom universitete, 2015 [Regulations for the development and implementation of higher education degree programmes at National Research Tomsk State University, 2015], *Tekushchii arkhiv Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* [The current-period Archives of the Tomsk State University].
- Professora Tomskogo universiteta: Biograficheskii slovar'* [Professors of the Tomsk University: a biographical glossary]. Tomsk: Izd-vo Tom. un-ta, 2001, Vol. 3, 532 p.
- Sadyrin A.A. «Studencheskaia posylka» kak aktant v seti studentov – uchebnykh migrantov iz Kazakhstana: k voprosu o konstruirovaniii soobshchestva [‘Student parcel’ as an actant in the network of migrant students from Kazakhstan: on the question of constructing a community], *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriia*, 2015, no. 5, pp. 134–137.
- Smetanin F.A. Rol' musul'manskogo dukhovenstva v formirovaniie obshchinno-territorial'nykh otnoshenii (na primere g. Tomska) [The role of Muslim clergy in the formation of community and territorial relations (on the case of Tomsk)], *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriia*, 2015, no. 5, pp. 143–149.
- Slezkine Yu. Sovetskaia etnografiia v nokdaune: 1928-1938 [The fall of Soviet ethnography: 1928-1938], *Etnograficheskoe obozrenie*, 1993, no. 2, pp. 113–125.
- Slezkine Yu. Arkticheskie zerkala: Rossiia i malye narody Severa [Arctic mirrors: Russia and the small peoples of the North]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2017. 512 p.
- Sokolovskii S.V. Chetvert' veka rossiiskoi antropologii: 1975-2000 [25 years of Russian anthropology: 1975-2000]. In: *Etnometodologiia: problemy, podkhody, kontseptsii* [Ethno-methodology: problems, approaches, and concepts]. Is. 9. Moscow, 2003, pp. 136–159.
- Tishkov V.A. Sovetskaia etnografiia: preodolenie krizisa [Soviet ethnography: overcoming a crisis], *Etnograficheskoe obozrenie*, 1992, no. 1, pp. 21–29.
- Tishkov V.A. *Rekviiem po etnosu: Issledovaniia po sotsial'no-kul'turnoi antropologii* [Requiem for ethnos: studies in social-cultural anthropology]. Moscow: Nauka, 2003. 544 p.
- Tomaskaia oblast': natsional'no-kul'turnaia zhizn': Stat'i k entsiklopedii «Narody i kul'tury Tomskoi oblasti»* [Tomsk oblast: a national-cultural life: articles for the encyclopedia 'The Peoples and Cultures of Tomsk Oblast']. Tomsk: D-Print, 2004. 130 p.
- Tomaskaia oblast'. *Narody, kul'tury, konfessii: Entsiklopediia*. Ed. by O.M. Ryndina. Tomsk: Izd-vo Tom. un-ta, 2007. 382 p.

- Trudy s"ezda po organizatsii Instituta issledovaniia Sibiri* [Proceedings of Congress on the establishment of Siberia Research Institute]. Tomsk, 1919: in 4 vol.
- Usmanova M.S. Kak pisalas' kniga «Traditsionnoe mirovozzrenie tiurkov Iuzhnoi Sibiri» [On how the book 'The traditional worldview of the Turks in South Siberia' was written], *Sibirskie istoricheskie issledovaniia*, 2015, no. 2, pp. 80–83.
- Funk D.A., Nam I.V. «Chelovek v meniaiushchemsia mire. Problemy identichnosti i sotsial'noi adaptatsii v istorii i sovremennosti»: nauchno-issledovatel'skii proekt Tomskogo gosudarstvennogo universiteta [‘Man in a changing world. Problems of identity and social adaptation in history and at present’: a research project of Tomsk State University], *Sibirskie istoricheskie issledovaniia*, 2013, no. 1, pp. 56–57.
- Anthropology of Science: Astronomy as a form of life*. Plovdiv, 2016. 197 p.

MISCELLANEA

УДК 572

DOI: 10.17223/2312461X/21/8

АНТРОПОЛОГИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ НЕОЛИТИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ ЗАБАЙКАЛЯ (ПАДЬ ТОКУЙ, ЖИНДО, УСТЬ-МЕНЗА-2)*

Сергей Владимирович Васильев,
Елизавета Валентиновна Веселовская,
Равиль Марветович Галеев,
Ольга Михайловна Григорьева,
Михаил Васильевич Константинов,
Александр Петрович Пестряков,
Светлана Борисовна Боруцкая

Аннотация. Статья посвящена комплексному анализу уникальных остеологических материалов из неолитических памятников Красночикойского района Забайкальского края: Падь Токуй, Жиндо, Усть-Менза-2. Эта территория крайне бедно представлена в отношении антропологических находок каменного века, и поэтому введение в научный оборот детальной характеристики изученных погребений чрезвычайно важно для решения вопросов заселения Восточной Сибири человеком. Всего было исследовано восемь погребений: пять мужских, два женских и одно детское. Применение комплекса методов позволило извлечь интересную и важную информацию из достаточно фрагментарных останков. Впервые неолитические материалы Забайкалья были проанализированы с применением авторской программы изучения ростовых процессов черепной коробки (Пестряков, 1995). Автором ее разработана краниологическая классификация современного человека и ископаемых форм. Благодаря этому удалось сопоставить изученное население с другими популяциями (древними и современными) и выдвинуть обоснованные гипотезы относительно его происхождения и возможных потомков. Своеобразие внешнего облика представлено на графических и скульптурных реконструкциях, выполненных впервые по двум целым мужским черепам. Визуализация прижизненной внешности неолитического населения расширяет наши возможности в решении задач этногенеза коренных народов Сибири. Краниологическое изучение, проведенное по расширенной программе, выявило разнородность населения, оставившего изученные памятники. Оба сохранившихся черепа удлинённые и относительно узкие с низким сводом. Лоб покатый и визуально относительно широкий. Лицевая часть узкая и высокая. Лицо даже по монголоидным меркам очень уплощено. Отмечается тенден-

---

* Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ (проект № 17-29-04132).

ция сочетания высокого лица и низкой мозговой коробки. Орбиты невысокие и относительно не широкие. Нос высокий и относительно широкий при незначительной высоте переносья. Один из черепов (могильник Падь Токуй, погребение 1) несет необычную комбинацию размеров мозговой коробки: очень большие продольный и поперечный диаметры сочетаются с очень низким сводом. Такое соотношение признаков не находит аналогий в неолитическом и более позднем населении региона. Рост этих двух мужчин оценивается около среднего по современному масштабу и составлял при жизни 167 см для индивида из Падь Токуй и 166 – для индивида из могильника Жиндо. По соотношению сегментов руки выявлены большие отличия. Для мужчины из могильника Падь Токуй характерно удлиненное предплечье, а для мужчины из Жиндо, напротив, укороченное относительно плеча. У обоих мужчин отмечается более удлиненная голень, по сравнению с современным человеком. Оба мужчины имели достаточно узкие плечи. Женщины отличаются средним ростом и значительным развитием рельефа костей, что свидетельствует о большой физической нагрузке. На всех скелетах присутствуют следы холодного воздействия.

Ключевые слова: неолит Восточной Сибири, краниология, остеология, антропологическая реконструкция

Введение

Проблема заселения Сибири человеком современного вида привлекает большое внимание ученых (Деревянко 2009, 2011). Недавние сенсационные находки с территории Сибири удревяют заселение этой территории представителями *Homo sapiens* до 43 тысяч лет от нашего времени (Усть-Ишим, Денисова пещера). Это соответствует времени заселения сапиенсом территории Европы. Настоящее исследование посвящено анализу остеологического материала из неолитических могильников Красночикоийского района Забайкальского края Падь Токуй, Жиндо, Усть-Менза-2. В результате недавних раскопок под руководством М.В. Константинова был обнаружен антропологический материал, представляющий значительный интерес ввиду древности находок. Датирование образцов выявило их несомненную принадлежность к неолиту. Огромная территория Восточной Сибири очень слабо документирована антропологическими находками этого времени. Единственным исключением являются несколько краниологических серий Прибайкалья, относящихся к Китайской культуре (Васильев и др. 2010). Антропологическое изучение этих материалов выявило своеобразие населения, которое характеризуется сложившимся монголоидным комплексом, тяготеющим к континентальной ветви по современной антропологической классификации. Для них характерны: массивность, крупные размеры мозговой коробки и лицевого скелета, узкий покатый лоб со сближенными буграми, сильная уплощенность переднего плана высокого и широкого лица, угловатость контуров мозгового черепа, массивная нижняя челюсть и крупная альвеолярная дуга. Все эти особенности сочетаются с наличием четко выраженных клыковых

ямок, «европеоидной» (по Левину) формой скуловой вырезки, средней высотой орбит (Герасимова 1992). С территории восточнее Байкала известны лишь единичные находки. Это, в первую очередь, череп человека, найденный на берегу реки Шилки. Его антропологический облик архаичен, и он мало похож на черепа прибайкальских серий.

Сохранность костного материала, представляющего изученные могильники, в целом неудовлетворительная. В ряде случаев удавалось измерить только фрагменты костей. В общей сложности были проанализированы останки восьми индивидов: пяти мужчин, двух женщин и одного ребенка; на пяти скелетах удалось провести те или иные измерения. Краниологический анализ был доступен в трех случаях, по двум самым сохранным черепам были выполнены графические и скульптурные реконструкции внешнего облика. Это является весомым вкладом в наши представления об антропологическом типе древних насельников Забайкалья. Теперь можно воочию представить себе, как выглядели люди, оставившие эти могильники. Несмотря на малочисленность серии, полученные сведения по археологии, краниологии и остеологии являются ценными и уникальными, учитывая древность и редкость подобных палеоантропологических находок. Особый интерес поэтому представляло сопоставление изученных материалов с другими сериями Сибири как синхронными, так и современными, которое мы осуществили разными методами и получили в целом схожие и весьма интересные результаты. Большое место в статье занимают индивидуальные описания и характеристики – введение в научный оборот этих уникальных сведений также входило в наши задачи. Благодаря анализу этих многочисленных подробных деталей теперь можно представить, как выглядели эти люди, какими болезнями болели, какие пропорциями тела и конечностей характеризовались они, какие физические занятия и нагрузки были привычны для них.

Археологическое описание

Могильники Жиндо, Падь Токуй и Усть-Менза-2 находятся на территории Красночикоийского района Западного Забайкалья, в бассейне реки Чикой (восточная часть бассейна реки Селенги и озера Байкал). Сейчас там распространены горно-таёжные биотопы. Раскопки проводились в основном в 2004–2005 гг. Чикойской археологической экспедицией Забайкальского государственного университета под руководством М.В. Константинова (Константинов, Екимова, Гантимурова 2005).

Могильник Падь Токуй расположен в Даурском нагорье на левом берегу реки Мензы, в 7 км к юго-западу от с. Менза на пологом склоне возвышенности, на месте старинной брошенной пашни. Это место возвышается более чем на 900 м над уровнем моря. Памятник представля-

ет собой грунтовый могильник. В 2005 г. было выявлено и раскопано 2 погребения.

Погребение 1. Скелет и артефакты полностью выпали из стенки оврага, но сохранились кучно на небольшой площадке 1,5–2,0 м ниже бровки оврага (до дна оврага ещё 3 метра).

Высота над рекой 19 м. Сохранился череп и отдельные кости скелета, в значительной степени пропитанные красной охрой. Погребальный инвентарь представлен 10 обломками шлифованных орудий, из них 9 – из зелёного нефрита и 1 – из белого нефрита. Орудия разбиты намеренно, это своеобразный акт умерщвления каменных изделий, производившийся в соответствии с погребальной традицией. Здесь же найдены: 24 клыка сурка тарбагана и 3 клыка кабана, и те и другие со следами красной охры, возможно, они использовались в качестве украшений. Керамика представлена 17 фрагментами одного круглодонного тонкостенного сосуда с прямым гладко срезанным венчиком и небольшим валиком под ним. Сосуд украшен штамповым орнаментом в виде горизонтальных параллельных полос, оставленных вдавлениями треугольного конца лопаточки. На внешней поверхности сосуда сохраняются отпечатки перевитых нитей; на внутренней поверхности есть следы окраски охрой; возможно в данном сосуде содержалась охра. Погребенный определен как мужчина 27–30 лет.

Погребение 2 выявлено в противоположном борту того же оврага на высоте 18 м над рекой. Сохранилось почти полностью; от скелета утеряны частично кости обеих стоп. Располагалось на глубине 110 см от современной поверхности. Погребальная яма заложена с основания черной палеопочвы голоценового оптимума, расположенной ниже современной поверхности на 50 см. Стенки ямы почти вертикальные. Размеры погребальной ямы – 1,3×1,7 м. В погребальной яме находился скелет взрослого человека, ориентированный головой на север, длинная ось по скелету – север – юг. Погребенный лежал в скорченном положении на правом боку, лопатки – в вертикальной позиции, ноги в согнутом положении, колени подтянуты к груди, левая нога перекрывает правую, руки согнуты в локтях, кисти соединены в районе черепа. Череп располагался глазницами вниз, затылочная часть отколота и приподнята. Под скелетом отмечены следы огня в виде угольков. В отличие от первого погребения следов охры не выявлено. Нет и погребального инвентаря. Последний факт более всего соответствует традициям мезолита. Датирование, проведенное в Институте Физики и Астрономии (Копенгаген, Дания), показало древность 7414 ± 34 от наших дней. Погребение принадлежало женщине в возрасте 40–50 лет.

Могильник Жиндо расположен на правом берегу р. Чикой на нижней выположенной части склона возвышенности, входящей в систему отрогов Малханского хребта. В 2 км ниже по течению реки левый берег

Чикоя уже принадлежит Монголии. Абсолютные отметки – около 680 м. Высота над рекой – 10–25 м. Искусственный противоэрозионный ров, расположенный поперек поверхности склона развился в мощный овраг. В зоне оврага, от его вершины до устья, в пределах 600 м. находится могильник, состоящий из серии грунтовых погребений. Изучается с 2005 г. Выявлено 7 погребений разной степени сохранности.

Погребение 1. Погребение существенно разрушено. На площади 4 кв.м. на участке, где верхняя поверхность снята бульдозером, при поверхностной зачистке супесчаного слоя найдены отдельные разрозненные кости скелета и 8 мелких бусин из перламутра с отверстиями в центре, бусинка из камня цилиндрической формы, фрагмент микропластинки из халцедона, костяное шило. В погребении представлены останки ребёнка возрастом около 3 лет; определены его особенности, патологии, аномалии. Радиоуглеродное датирование по костям показало дату 6813 ± 42 (UA44176).

Погребение 2. Выявлено в борту оврага на глубине 1,1 м от современной поверхности. Вероятно, погребальная яма была заложена еще до начала формирования современного почвенного слоя. Она врезана в серый плотный карбонатизированный суглинок и полностью этим суглинком заполнена, в связи с чем её границы не устанавливаются. Расчищено 2 скелета. Костяки ориентированы параллельно реке, черепами вниз по её течению, с ориентировкой на северо-запад. Ближе к кромке оврага – скелет 2, вплотную к его левой руке – скелет 1. В погребении, особенно в районе черепов, наблюдались следы красной охры.

Скелет 1 лежал на спине, череп с глазницами развёрнут в сторону реки, руки вытянуты вдоль тела и слегка согнуты в локтях, так, что кисти расположились близко к тазу. Ноги согнуты в коленях и развернуты направо (в ту же сторону, что и череп). Стопа правой ноги обвалилась в овраг. Длина скелета 1,35 м. Череп пронзен через левую височную по направлению к правой височной кости костяным наконечником стрелы длиной 6 см. В районе грудной клетки обнаружены 13 фрагментов микропластинок «в линию», как бы в пазах вкладышевого ножа. В районе левой бедренной кости – 31 фрагмент микропластинок «в линию» – лезвие длинного вкладышевого ножа. В районе таза – остриё из микропластинки с обломанным кончиком и вентральной краевой ретушью. Скелет принадлежал мужчине 25–30 лет, определены его особенности, патологии, аномалии. Радиоуглеродная дата составила 6995 ± 39 .

Скелет 2. Череп раздавлен. Сохранилась левая сторона скелета, в т.ч. кости от грудной клетки, таза, верхней и нижней конечностей. Скелет лежал на спине. Левая рука вытянута вдоль тела. Левая нога согнута в колене, также как у скелета 1. Правая часть скелета, а также стопы обеих ног обвалились в овраг. Длина сохранившейся части скелета 0,9 м. В районе правой ключицы – 2 костяных наконечника с продольным

желобком и скошенным насадом, 4 микропластинки, угловой резец из микропластинки, 6 бусинок из перламутра, 3 костяных бусинки, два острия даурского типа из микропластинок. Скелет принадлежал мужчине 30–40 лет; установлены его особенности, аномалии, патологии. Датировка по C^{14} составила 7050 ± 35 .

Погребение 4. Полностью разрушено. Отдельные кости скелета собраны на дне оврага. Останки принадлежали женщине 30–40 лет.

Погребение 5. Полностью также разрушено. Отдельные кости найдены на дне оврага. Погребен был мужчина 25–30 лет.

Усть-Мензинский комплекс археологических памятников расположен при впадении реки Мензы в реку Чикой, на северной оконечности Хэнтэй Даурского нагорья. Абсолютные отметки 750–780 м над уровнем моря. Комплекс изучается с 1980 г. В процессе раскопок поселений выявлена серия погребений.

Памятник Усть-Менза-2 представляет собой многослойное поселение, расположенное на второй надпойменной террасе на высоте 9–10 м над рекой. Здесь во втором раскопе было обнаружено погребение, которое связывается с культурным слоем 3 (палево-бурая супесь), относящимся к позднему мезолиту – раннему неолиту. С этого слоя выкопана погребальная яма, вскрывающая супесчано-песчаные отложения до глубины 60 см. Она имеет овальную форму размером $1,1 \times 0,5$ м. Длинная ось ямы ориентирована с севера на юг под прямым углом к руслу реки Мензы. На дне ямы представлены в горизонтальной позиции останки человека очень плохой сохранности. В северной части ямы находился разрушенный череп и его отдельные фрагменты с единичными зубами, в средней и нижней частях ямы – локтевая кость и кости голени. Скорее всего, ноги были согнуты в коленях. Скелет мог принадлежать мужчине в возрасте 30–40 лет.

Материал и методы

Сохранность костного материала в целом неудовлетворительная. Для краниологического анализа (Алексеев, Дебеч 1964) были пригодны 3 черепа: мужской из погребения 1 могильника Падь Токуй, по нему также были выполнены скульптурная и графическая реконструкции; женский из погребения 2 того же могильника и мужской из погребения 2, скелет 1 могильника Жиндо, по которому также были выполнены скульптурный и графический портреты. Женский череп сохранился не полностью, такова и его краниологическая характеристика. Кроме стандартной программы краниологического исследования, черепа были проанализированы в отношении генерализованных параметров черепной коробки по специальной программе, разработанной некоторыми авторами настоящей статьи (Пестряков, Григорьева 2004).

Для количественной характеристики размеров и формы черепов изучались величины общепринятых в краниологии признаков: наибольшие продольный (1), поперечный (8) и высотный (17) диаметры, черепного (8:1) и высотно-поперечного (17:8) указатели. По мнению профессора В.В. Бунака, для краниологической классификации в первую очередь необходимо учитывать величины трёх взаимно перпендикулярных диаметров черепной коробки и их взаимоотношений (Бунак 1922). Это учитывалось нами в работах, посвящённых как эволюционным изменениям, так и географической дифференциации размеров и формы черепной коробки. Кроме названных признаков, использовались некоторые специальные параметры черепа, введённые в антропологическую практику авторами настоящей статьи (Пестряков 1995; Пестряков, Григорьева 2004), которые представлены ниже.

Общая ростовая величина (ОРВ) количественно выражает физиологическую силу роста черепной коробки и вычисляется векторным сложением величин трех этих диаметров, согласно правилу сложения сил, имеющих различную направленность в пространстве. Она равна корню квадратному из суммы квадратов величин этих диаметров и вычисляется по формуле: $ОРВ = \sqrt{1^2 + 8^2 + 17^2}$, где 1, 8 и 17 – величины признаков № 1, 8 и 17 по Мартину. Основные диаметры черепной коробки представляются как бы проекциями этого нового параметра (ОРВ) на соответствующую пространственную ось.

Для характеристики **формы** черепной коробки используются индексы (указатели) – отношения величины одного метрического признака к величине другого.

Довольно редко используются указатели формы, в которых задействовано отношение всех трех диаметров черепной коробки. Одну из подобных попыток предпринял Г.Ф. Дебец применительно к относительной высоте черепной коробки (Дебец 1951). Он изучал межгрупповую изменчивость **среднего высотного указателя**, так им самим названного параметра, а именно среднего арифметического отношений высотника к длиннику и высотника к поперечнику, в краниосериях Сибири и Северной Америки. Один из авторов настоящей статьи для характеристики формы черепной коробки ввел в антропологическую практику три новых обобщенных (генерализованных) параметра, характеризующие общую форму черепной коробки, в которых учитываются взаимоотношения трех основных ее диаметров (Пестряков 1995). Это нижеследующие признаки: **указатель долихоидности (УД)** – относительная длина черепа, **указатель брахиоидности (УБ)** – относительная ширина черепа и **указатель гипсиоидности (УГ)** – относительная высота черепа. Величины этих параметров вычисляются единообразным способом и представляют собой средние геометрические для отношений каждого из трех названных диаметров черепной короб-

ки к двум оставшимся (в %). Например, $УД = 100 * \sqrt{(1/8)} * (1/17)$, и т.п., где 1, 8, 17 – есть величины трех основных диаметров черепной коробки, названные по номерам стандартно используемой в краниологии классификации Рудольфа Мартина. Эти указатели формы черепной коробки почти всегда связаны между собой отрицательной корреляционной связью (на внутригрупповом и межгрупповом уровнях). Но степень этой связи (величина коэффициента корреляции) в разных краниологических сериях бывает весьма различна. Анализ этих различий проливает свет на генезис изучаемых палеопопуляций.

Художественные реконструкции внешнего облика по двум мужским черепам (погребение 1 могильника Падь Токуй и скелет 1 из погребения 2 могильника Жиндо) были выполнены Р.М. Галеевым. Некоторые стадии работы по антропологической реконструкции осуществляли другие участники проекта. Применяли последние разработки метода восстановления лица по черепу, в частности программу «Алгоритм внешности» (Веселовская 2015, 2018).

В отношении изучения посткраниального скелета в ряде случаев удавалось измерить только фрагменты костей. С помощью методики Н.Н. Мамоновой восстанавливали исходные размеры длинных костей по их фрагментам (Мамонова 1968). Полученные результаты были использованы для вычисления индексов пропорций тела и конечностей, прижизненной длины тела индивида, а также для определения степени массивности и прочности некоторых костей посткраниального скелета (Алексеев 1966). Кроме того, в наши задачи входило исследование особенностей развития мышечного рельефа на костях конечностей и палеопатологический анализ скелетов.

Половозрастные характеристики изученных индивидов приведены в табл. 1.

Т а б л и ц а 1

Половозрастные определения

№ п/п	Название могильника	Пол	Возраст
1	Падь Токуй, погребение 1	Мужчина	27–30 лет
2	Падь Токуй, погребение 2	Женщина	40–50 лет
3	Жиндо, погребение 1	Ребенок	Около 3 лет
4	Жиндо, погребение 2, скелет 1	Мужчина	25–30 лет
5	Жиндо, погребение 2, скелет 2	Мужчина	30–40 лет
6	Жиндо, погребение 4	Женщина	30–40 лет
7	Жиндо, погребение 5	Мужчина	25–30 лет
8	Усть-Менза-2, раск. 2, погребение 1	Мужчина	30–40 лет

Краниологическая характеристика

В табл. 2, 3 представлены измерения черепов и рассчитанные по ним указатели.

Таблица 2

**Краниологические характеристики индивидов
из местонахождений Падь Токуй и Жиндо**

№ размера по Мартину	Признак	Падь Токуй, п. 1	Падь Токуй, п. 2	Жиндо, п. 2, ск. 1
1	Продольный диаметр	194	–	184
8	Поперечный диаметр	150	–	140
17	Высотный диаметр	122	–	125
5	Длина основания черепа	105	–	102
9	Наименьшая ширина лба	95	86	98
10	Наибольшая ширина лба	127	112	124
11	Ширина основания черепа	133	–	130
12	Ширина затылка	107	–	108
29	Лобная хорда	125	–	114
30	Теменная хорда	105	–	113
31	Затылочная хорда	90	–	101
26	Лобная дуга	142	103	127
27	Теменная дуга	123	–	127
28	Затылочная дуга	111	–	115
25	Сагиттальная дуга	376	–	–
	Высота изгиба лба	31	–	26,6
	Высота изгиба затылка			
45	Скуловой диаметр	136?	–	–
40	Длина основания лица	104	–	108
48	Верхняя высота лица	80	–	74
47	Полная высота лица	–	–	122
43	Верхняя ширина лица	111	101	108
46	Средняя ширина лица	108	–	102
55	Высота носа	56	–	50,7
54	Ширина носа	28,1	–	23,5
51	Ширина орбиты от мф.	45,4	–	44
52	Высота орбиты	34,3	–	34,8
77	Назо-молярный угол	138	–	156
<zm	Зиго-максиллярный угол	141	–	142
SC(57)	Симотическая ширина	10,2	–	3,8
	Симотическая высота	4,3	–	1,3
MC(50)	Максиллофронтальная ширина	18,0	–	–
MS	Максиллофронтальная высота	5,8	–	–
	Дакриальная ширина	23,5	–	–
	Дакриальная высота	10,5	–	–
	Глубина клыковой ямки (справа)	2,6	–	–
32	Угол профиля лба от назиона	82	–	84
	Угол профиля лба от глабеллы	74	–	73
33 (4)	Угол перегиба затылка	118	–	132
72	Общий лицевой угол	92	–	83
73	Средний лицевой угол	104	–	89
74	Угол альвеолярной части	70	–	70
75	Угол наклона носовых костей	83	–	67
75 (1)	Угол выступания носа	9	–	16

Примечание. (?) после цифры означает, что размер при взятии попадает на реставрируемую часть черепа и может быть приблизительным.

Таблица 3

**Указатели краниофациальных характеристик индивидов
из местонахождений Падь Токуй и Жиндо**

По Мартину	Указатель	Падь Токуй, п. 1	Жиндо, п. 2 к. 1
8/1	Черепной указатель	77,3	76,1
17/1	Высотно-продольный указатель	62,9	67,9
17/8	Высотно-поперечный указатель	81,3	89,3
29/26	Указатель кривизны лобной кости	88,0	89,8
30/27	Указатель кривизны теменной кости	85,4	88,9
31/28	Указатель кривизны затылочной кости	81,1	87,7
9/8	Лобно-поперечный указатель	63,3	70,0
12/8	Затылочно-поперечный указатель	71,3	77,1
48/17	Вертикальный краниофациальный указатель	65,6	59,2
45/8	Поперечный краниофациальный указатель	90,7	–
9/45	Лобно-скуловой указатель	69,9	–
40/5	Указатель выступания лица	99,0	105,9
48/45	Верхний лицевой указатель	58,8	–
48/46	Верхний среднелицевой указатель	74,1	72,5
54/55	Носовой указатель	50,2	46,4
52/51	Орбитный указатель	75,6	79,1
	Симотический указатель	42,2	34,2
	Дакриальный указатель	44,7	–
	Максилло-фронтальный указатель	32,2	–

Череп женщины из Падь Токуй, погребение 2, имеет очень плохую сохранность, а мозговая коробка еще и посмертно деформирована. Поэтому подробно опишем два мужских черепа: из погребения 1 могильника Падь Токуй и из погребения 2, скелет 1 могильника Жиндо.

Описание мозговой коробки. Оба черепа могут быть описаны как среднеудлиненные и относительно узкие – мезокранные. Высотно-продольный указатель очень малый свидетельствует о хакекрании. В категорию тапейнокранных черепов они попадают по высотно-поперечному указателю. Оба показателя говорят об относительно невысоком своде, а череп из Падь Токуй отличается очень низким сводом.

Лоб покатый и визуально относительно широкий. Абсолютные размеры наименьшей и наибольшей ширины лба входят в категорию средних и очень больших. По лобно-поперечному указателю череп из Падь Токуй мегаземный (широколобый). Углы профиля лба от назиона и от глабеллы – средние, то есть лоб имеет относительно сильный наклон. Лобно-скуловой указатель малый. По достаточно высокому указателю кривизны лобной кости можно сделать вывод о довольно небольшом ее изгибе. Развитие надпереносья оценивается в три балла у черепа из

Падь Токуй и два балла у Жиндо по шестибалльной шкале Брока. Надбровные дуги сливаются с глабеллярной областью (тип II).

Теменные бугры расположены высоко. Относительно низкий указатель кривизны теменных костей говорит о небольшом радиусе их изогнутости. Сосцевидные отростки довольно крупные у черепа из Падь Токуй (3 балла) и небольшие – у черепа из Жиндо (1 балл). Затылок среднеширокий. Затылочный бугор хорошо развит на черепе из Падь Токуй.

Описание лицевого скелета. Лицевая часть черепов узкая и высокая, по верхнелицевому указателю – лептенная (показатель высоколицести). Углы горизонтальной профилировки относятся к категории больших и очень больших (особенно у черепа из Жиндо), т.е. лицо даже по монголоидным меркам очень уплощено. Краниофациальный вертикальный указатель имеет значение близкое к максимальному для *Homo sapiens* (особенно у черепа из Падь Токуй), то есть для него характерно необычное сочетание высокого лица и низкой мозговой коробки. В то же время краниофациальный поперечный указатель у черепа из Падь Токуй относительно мал, что говорит о сочетании узкого лица и относительно широкой мозговой коробки.

Орбиты обоих описываемых черепов невысокие и относительно неширокие (мезоконхные). Верхний край орбиты притупленный. В абсолютных размерах нос высокий и относительно широкий (хамеринный), то же подтверждается и носовым указателем особенно высоким у черепа из Падь Токуй. Угол выступания носа очень малый. Симотический, дакриальный и максиллофронтальный указатели входят в категорию малых и средних, что говорит о незначительной высоте переносья.

Зигомаксиллярная область среднеширокая. Нижний край грушевидного отверстия построен по типу *fossae praenasales* (предносовые ямки), то есть боковые края грушевидного отверстия не переходят в нижний край, а продолжают вниз и сходятся ниже нижнего края. Развитие передненосовой ости оценивается баллом 3.

В целях определения положения рассматриваемых находок среди других краниологических материалов Сибири был проведен анализ главных компонент. Результаты его представлены на рис. 1. В анализе приняли участие черепа, датируемые неолитом, из 13 местонахождений Сибири (Чикишева 2012). Черепа сопоставлялись по 10 краниометрическим признакам. Две первые главные компоненты описывают около 53% общей изменчивости. Первая главная компонента указывает на увеличение продольного диаметра, верхней высоты лица, высоты носа и орбит и на уменьшение высотного диаметра. Вторая главная компонента описывает увеличение скулового диаметра и ширины орбит и уменьшение назомолярного угла. Исследуемые нами черепа из Забайкалья расположились в нижней части графика. Череп из Падь Токуй обособленно оказался в нижнем правом углу. Он характеризуется отно-

сительно более длинной и низкой мозговой коробкой, большой верхней высотой лица, большой высотой носа и орбит. Кроме того, у этого черепа наблюдается и относительно большой назомолярный угол по сравнению с другими неолитическими черепами, привлеченными нами для анализа. Череп из Жиндо имеет относительно большой назомолярный угол и не широкие скулы и орбиты. Близкие к этим характеристики имеют черепа из могильников Сопка 2/1 и Солонцы-5. Эти палеоантропологические материалы происходят из Барабинских степей и Верхнего (Барнаульско-Бийского) Приобья.

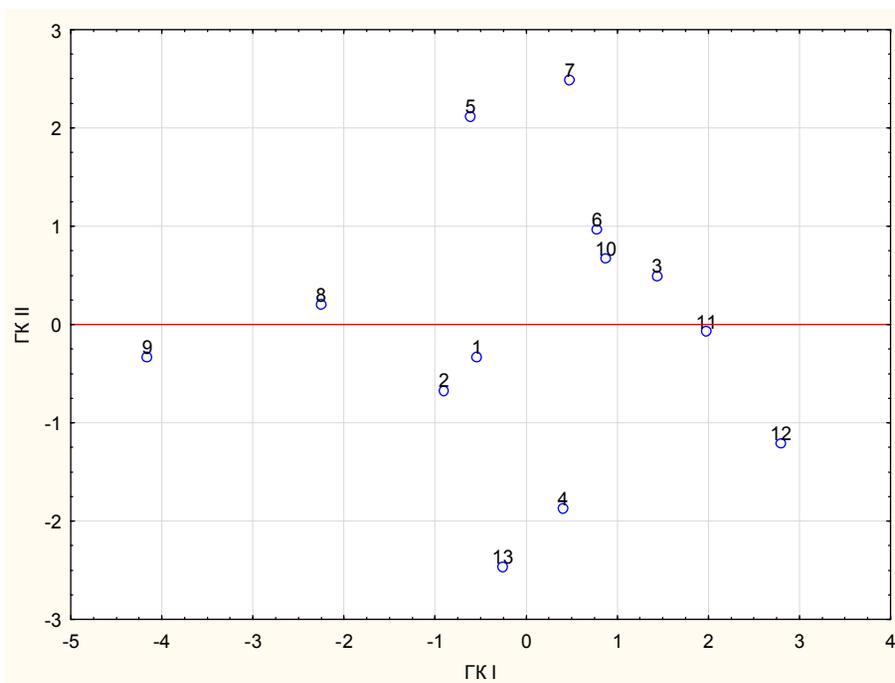

Рис. 1. Расположение неолитических черепов из Сибири в поле двух главных компонент: 1 – Солонцы-5, погр. 5; 2 – Солонцы-5, погр. 4; 3 – Корчуган, погр. 3; 4 – Сопка 2/1, погр. 51; 5 – Сопка 2/1, погр. 61F; 6 – Протока, погр. 3Б; 7 – Протока, погр. 4Б; 8 – Протока, погр. 11; 9 – Дождевой камень; 10 – Лебеди 2, погр. 7; 11 – Васьково 4, погр. 3; 12 – Падь Токуй, погр. 1, 13 – Жиндо, погр. 2, ск. 1

Анализ ростовых процессов черепной коробки изученных индивидов

В табл. 4 представлены величины изученных параметров двух мужских черепов из забайкальских неолитических могильников Падь Токуй и Жиндо, а также данные по единичному мужскому черепу долины

р. Шилка, изученному И.И. Гохманом (Гохман 1953). Кроме этого в таблицу добавлены среднегрупповые величины анализируемых параметров некоторых неолитических и современных серий, характеризующих население Сибири в эти временные эпохи. Для сравнения взяты данные по западносибирским неолитическим могильникам Усть-Иша и Иткуль (Дрёмов 1980). Цифры по другим неолитическим и современным краниологическим сибирским сериям взяты из таблиц сводной работы В.П. Алексеева и И.И. Гохмана «Антропология Азиатской части СССР» (Алексеев, Гохман 1984).

Таблица 4

**Сравнительная характеристика черепов из могильников
Падь Токуй и Жиндо по специальной краниологической программе**

Местонахождения	1	8	17	ОРВ	8:1	17:8	УД	УБ	УГ
Падь Токуй	193,0	150,0	122,0	273,2	77,7	81,3	142,7	97,8	71,7
Жиндо	184,0	140,0	125,0	262,8	76,1	89,3	139,1	92,3	77,9
Шилка	190,0	143,0	122,0	267,3	75,3	85,3	143,8	93,9	74,0
Неолит, Западная Сибирь	190,2	146,9	130,4	273,4	77,2	88,8	137,4	93,3	78,0
Неолит, Ангара	191,2	145,3	131,1	273,6	76,0	90,2	138,5	91,8	78,7
Неолит, Лена	187,6	142,8	132,3	270,3	77,3	92,6	136,5	90,6	80,8
Неолит, Забайкаль- е	188,2	145,3	131,7	271,8	77,2	90,6	136,0	92,3	79,6
Буряты западные	183,6	147,5	135,4	271,7	80,3	91,8	129,4	93,6	82,3
Буряты тункин- ские	181,7	150,3	132,6	270,5	82,7	88,2	128,7	96,8	80,2
Буряты забайкаль- ские	181,9	154,6	131,9	272,7	85,0	85,3	127,4	99,8	78,7
Монголы	182,2	149,0	131,1	269,4	81,9	88,0	130,4	96,4	79,6
Манси	183,9	139,5	126,1	263,0	75,9	90,4	138,7	91,6	78,7
Ханты	181,7	143,5	127,2	263,8	79,2	88,6	134,0	94,5	78,9
Кеты	179,4	145,5	127,5	263,8	81,1	87,6	131,7	96,2	78,9
Фонтешевад 2	195,0	154,0	117,0	274,6	79,0	76,0	145,3	102,0	67,5
Монте-Чирчео 1	204,0	155,0	123,0	284,2	76,0	79,4	147,7	97,9	69,2
Ля Шанпель-о- Сен	208,0	156,0	130,0	290,7	75,0	83,3	146,1	94,8	72,2
Ля Ферраси 1	208,0	158,0	135,0	294,0	76,0	85,4	142,4	94,3	79,0
Ле Мустье	196,0	150,0	128,0	278,0	76,5	85,3	141,5	94,8	74,7

Примечание. Данные по единичным черепам набраны полужирным курсивом.

Мужской череп Падь Токуй, имея абсолютную ростовую величину (ОРВ = 273,2), сравнимую с самыми крупными черепами как неолитической, так и современной Сибири, отличается при этом исключительно малой абсолютной и относительной (параметр УГ) высотой свода. Поэтому в таблице мы приводим соответствующие параметры пяти западноевропейских черепов неандертальцев, для которых обычны именно такие особенности. Результаты измерений взяты из монографии

В.П. Алексеева (Алексеев 1978). Похожими, но не столь явственными особенностями характеризуется неолитический череп долины р. Шилка, там же, в Забайкалье.

Интересно, что мужской череп Жиндо разительно отличается по характеристикам мозговой части от вышеописанного. Он очень мал (ОРВ = 262,8) и характеризуется большей абсолютной (!) и относительной величиной свода.

Рассмотрим взаиморасположение изучаемых единичных черепов на фоне некоторых современных и неолитических серий Сибири на дендрограмме, построенной с использованием значений всех девяти признаков таблицы (рис. 2).

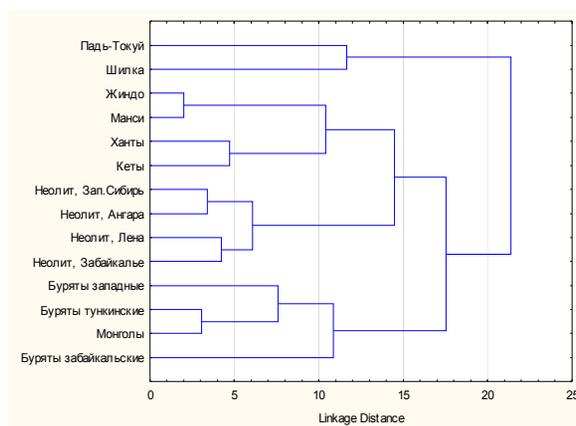

Рис. 2. Таксономические расстояния между изучаемыми единичными черепами и современными и неолитическими краниосериями Сибири

Здесь видно, что череп Падь Токуй объединяется в один кластер с другим неолитическим черепом Забайкалья – Шилка, таксономически наиболее отдалённым от основного массива. Остальная дендрограмма распадается на три кластера: 1) череп Жиндо близок к краниосерии манси и они образуют кластер популяций современной Западной Сибири; 2) восточносибирские популяции (буряты и монголы) образуют свой кластер; 3) неолитические краниологические серии Западной и Восточной Сибири образуют свой.

Далее рассмотрим расположение изученных черепов на следующей дендрограмме (рис. 3), где в исследуемый массив включены неандертальские черепа Западной Европы.

Здесь наблюдаются практически те же кластерные объединения: современные западносибирские краниосерии и Жиндо держатся вместе, восточносибирские современные – вместе, неолитические краниосерии Западной и Восточной Сибири – тоже вместе, как и на рис. 2. Черепа

Падь Токуй и Шилка объединяются с неандертальским черепом Мустье, причём последний череп ближе к черепу Падь Токуй. Остальные четыре неандертальских черепа образуют свой кластер, наиболее отдалённый от всего остального массива, дальше приблизительно в 1,5 раза.

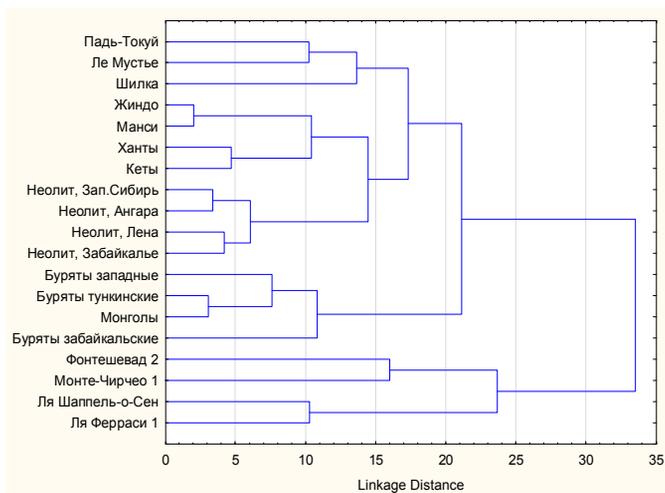

Рис. 3. Таксономические расстояния между изучаемыми единичными черепами и современными и неолитическими краниосериями Сибири. Добавлены данные по неандертальским черепам

Несмотря на фрагментарность изученного материала, комплексный краниологический анализ позволил получить интересные результаты. Достоверность их подтверждается тем, что и классическая методика и анализ ростовых процессов мозговой коробки независимо друг от друга дали сходные выводы. А именно, удалось выявить наличие, по крайней мере, двух вариантов в неолитическом населении Забайкалья. По-видимому, один из них, представленный черепом из Падь Токуй, является потомком мезолитического, а возможно, и верхнепалеолитического населения, поскольку несет в себе архаичные черты, тяготеющие к типу палеоантропов, что продемонстрировали результаты кластерного анализа. Второй вариант, представленный черепом из Жиндо, является прогрессивным для своего времени и вполне вписывается в круг популяций современного населения Сибири.

Восстановление внешнего облика по черепам изученных индивидов

Реконструкции внешнего облика были выполнены по относительно целым двум мужским черепам: погребение 1 могильника Падь Токуй и скелет 1 из погребения 2 могильника Жиндо. Предварительно была

проведена научная реставрация черепов. Для восстановления внешнего облика применяли последние разработки в области антропологической реконструкции, а именно программу «Алгоритм внешности» (Веселовская 2015, 2018). Программа представляет собой пошаговый алгоритм перехода от краниологических характеристик к антропометрии и антропоскопии живого лица. С ее помощью также рассчитывают индексы пропорций головы. На основе отнесения полученных размеров и индексов к качественным категориям составляется прижизненный словесный портрет индивида по черепу. Полученные размерные характеристики значительно уточняют процедуру визуализации облика. Часть прижизненных размеров получают путем прибавления толщины мягких тканей к размеру на черепе. Так рассчитывают продольный, поперечный и скуловой диаметры, высоту лица и др. В табл. 5 представлены расчеты прижизненных размеров для черепов из могильников Падь Токуй и Жиндо, по которым были выполнены реконструкции внешнего облика. Для определения размеров таких элементов лица, как рот, нос, глаза, уши, применяли регрессионный анализ, результаты его на примере черепа из Падь Токуй представлены в табл. 6.

Таблица 5

Расчет прижизненных размеров на основе размеров черепа

Признак	Размеры на черепе, мм		Следует прибавить мм	Размеры головы, мм	
	Падь Токуй 1	Жиндо		Падь Токуй 1	Жиндо
Продольный диаметр	193	184	14	207	221
Поперечный диаметр	150	140	13	163	153
Скуловой диаметр	136	138?	10	146	148
Морфологическая высота лица от so	139	134	7	146	141
Ширина лица на уровне глаз	112	108	10	122	118
Ширина лба	107	124	11	118	135
Наименьшая ширина лба	96	98	10	106	108
Высота нижней части лица	75	66	7	82	73
Ширина переносья	9	3,8!	6	15	9,8
Ширина спинки носа	18	17,5	6	24	23,5
Угловая ширина нижней челюсти	99	104	10	109	114

Таблица 6

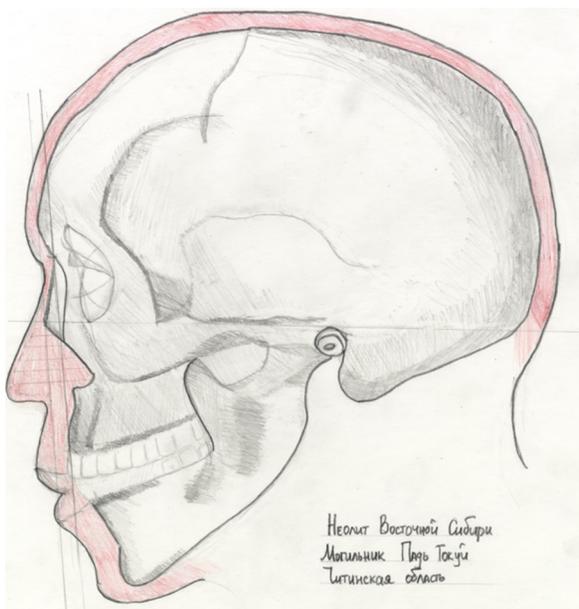
**Пересчет прижизненных размеров с использованием регрессионного анализа
на примере мужского черепа из могильника Падь Токуй**

Прижизненный признак головы	Признак на черепе	Уравнение регрессии
Физиономическая высота лица (ФВЛ)	Морфологическая высота лица (МВЛ) 139 мм	$ФВЛ = 87,230 + 0,792 \times (МВЛ + 7 \text{ мм}^*)$ ФВЛ = 197 мм
Высота уха (ВУ)	Высота щеки (zy-go) 67 мм	$ВУ = 42,063 + 0,307 \times (zy-go + 5 \text{ мм}^{**})$ ВУ = 64 мм
Ширина носа (ШН)	Ширина между клыковыми точками (ШМК) 33 мм	$ШН = 22,181 + 0,388 \times ШМК$ ШН = 34 мм
Ширина между носогубными складками (ШМН-ГС)	Ширина между клыковыми точками (ШМК) 33 мм	$ШМН-ГС = 25,426 + 0,683 \times ШМК$ ШМН-ГС = 48 мм
Ширина фильтра (ШФ)	Ширина между клыковыми точками (ШМК) 33 мм	$ШФ = 7,295 + 0,118 \times ШМК$ ШФ = 11 мм
Ширина рта (ШР)	Ширина зубной дуги по $Rm^2 - Rm^2$ 57 мм	$ШР = 32,539 + 0,369 \times ШРm^2$ ШР = 54 мм

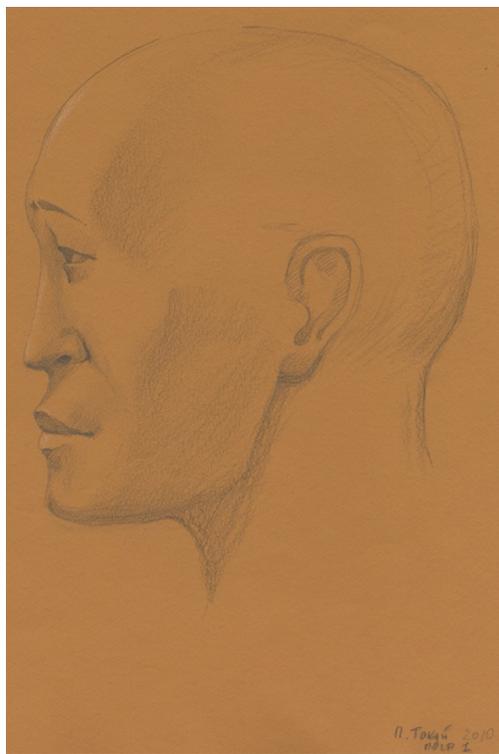
* Толщина мягких тканей в точке гнатион; ** толщина мягких тканей в точке гонион.

На рис. 4 представлена контурная реконструкция, выполненная на основе обвода черепа из могильника Падь Токуй. Обвод делают строго по сагиттальной плоскости с помощью специального прибора – диоптографа, действующего по принципу пантографа. Такой сагиттальный контур абсолютно точен и не несет искажений, которые неизбежны при фотографировании черепа. Далее на этом обводе строят контур мягких тканей с учетом их толщины на различных участках лица. Сведения об их толщине мы берем по средним стандартам, полученным с помощью ультразвукового зондирования живого лица (Веселовская 1997). Построение носа производится по методике Г.В. Лебединской (Лебединская 1998). Контурная реконструкция является необходимым этапом в работе над восстановлением внешности и хорошо иллюстрирует процесс создания морфологических особенностей физических черт, придающих индивидуальность облику. На рис. 5–8 можно видеть окончательную стадию – графические художественные портреты в профиль и фас представителей неолитического населения Забайкалья: по черепам из погребения 1 могильника Падь Токуй (рис. 5, 6) и скелета 1 из погребения 2 могильника Жиндо (рис. 7, 8). На рис. 9, 10 представлены скульптурные портреты древних жителей Забайкальского края.

В целом внешний облик демонстрирует ярко выраженный монголоидный комплекс, со значительным уплощением лица, малым выступанием носа, прогнатизмом.

Рис. 4. Контурная реконструкция по черепу из мог. Падь Токуй

Рис. 5. Графическая реконструкция по черепу из мог. Падь Токуй. Профиль

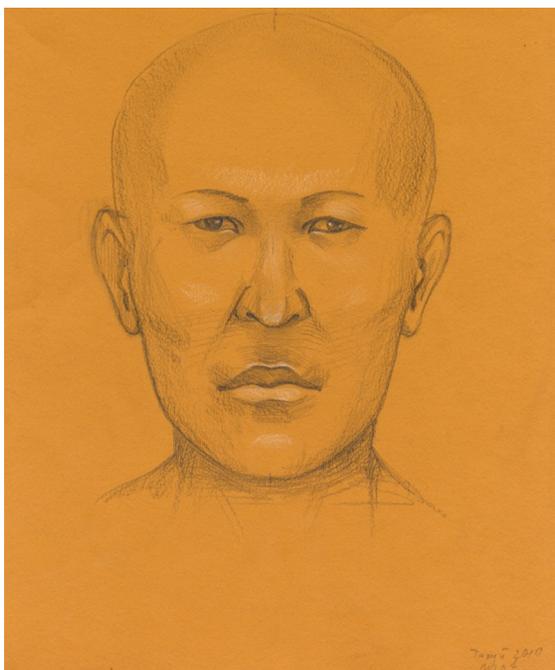

Рис. 6. Графическая реконструкция по черепу из мог. Падь Токуй. Фас

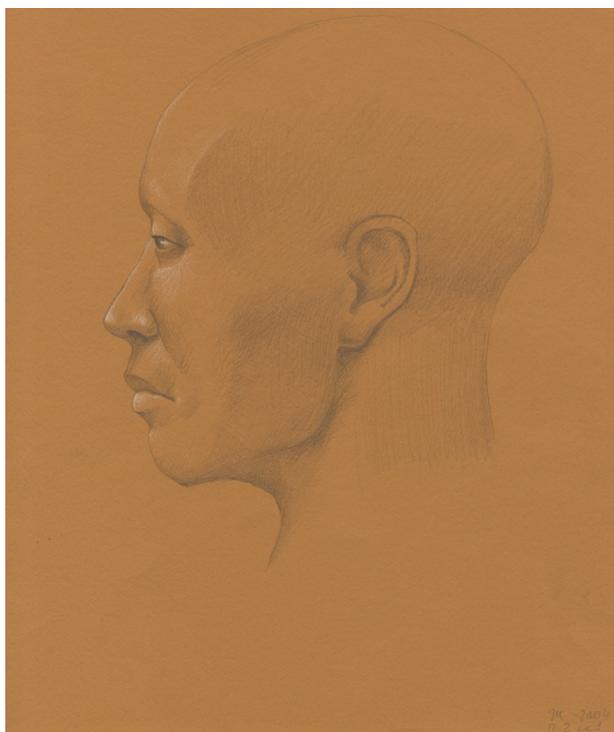
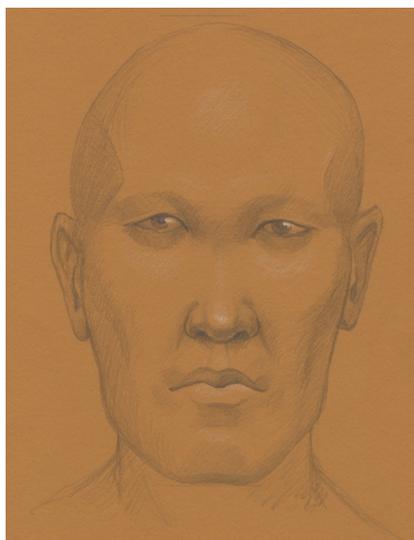

Рис. 7. Графическая реконструкция по черепу из мог. Жиндо. Профиль

Рис. 8. Графическая реконструкция по черепу из мог. Жиндо. Фас

Рис. 9. Скульптурная реконструкция по черепу из мог. Падь Токуй

Рис. 10. Скульптурная реконструкция по черепу из мог. Жиндо

Лица обоих персонажей весьма схожи, однако мозговая часть головы разительно отличается по размерам и форме. Человек из Падь Токуй имел голову очень крупных размеров, длинную и широкую, в сочетании с низкой теменной частью. Голова неолитического человека из Жиндо в ее мозговой части, напротив, характеризуется малыми размерами. Результаты проведенного восстановления внешнего облика полностью сходны с выводами, полученными при изучении черепов: наличию два варианта антропологического типа, различающихся по характеристикам мозговой части головы и весьма сходных по физиономическим признакам.

Остеологическая характеристика изученных индивидов

I. Анализ пропорций тела и конечностей, определение прижизненной длины тела. В табл. 7 представлены результаты вычисления индексов пропорций, а также результаты восстановления прижизненного роста индивидов по формулам В.В. Бунака и Дюпертюи и Хеддена

(в таблице приведены средние арифметические величины) (Алексеев 1966).

Т а б л и ц а 7

Индексы пропорций тела и конечностей. Прижизненная длина тела

Индексы	Погребения				
	Падь Токуй Погр. 1	Жиндо Погр. 2 ск. 1	Жиндо Погр. 2 ск. 2	Падь Токуй Погр. 2	Жиндо Погр. 4
	Мужчина	Мужчина	Мужчина	Женщина	Женщина
Интермембральный	67,51 67,30	– 71,79	–	–	–
Плече-бедренный	68,80 68,51	– 75,81	–	77,95 –	–
Луче-берцовый	65,93 65,83	– 66,94	–	–	–
Луче-плечевой	79,21 78,86	– 73,04	–	–	82,66 –
Берцово-бедренный	82,65 82,07	– 82,72	–	83,22	–
Ключично-плечевой	48,10 49,83	–	–	39,66	–
Формы лопатки	64,47 66,45	–	–	–	–
Ширина плеч (см)	35,11 см	35,75 см	–	31,0 см	–
Плече-ростовой	21,04	–	–	19,38	–
Ширина таза (см)	25,4 см	–	–	–	–
Тазовый индекс	80,31	–	–	–	–
Тазо-ростовой	15,22	–	–	–	–
Тазо-плечевой	72,34	–	–	–	–
Крестцовый	102,70	–	–	–	–
Прижизненная длина тела	166,9 см	165,6 см	174,9 см	160,0 см	159,6 см

Мужчины. Наиболее полные сведения относительно пропорций тела и конечности получены для мужчины из могильника Падь Токуй (погребение 1). Для мужчин из могильника Жиндо удалось определить прижизненную длину тела и в одном случае – некоторые индексы пропорций конечностей.

По интермембральному, плече-бедренному и луче-берцовому индексам мужчины из двух могильников немного отличались. Для мужчины из Падь Токуй были характерны немного укороченные руки, в то время как для мужчины из Жиндо все показатели соотношения длин конечностей имеют среднее значение для человека современного типа (Рогинский, Левин 1978; Хрисанфова 1978).

По соотношению сегментов руки также выявлены большие отличия. Так, у мужчины из могильника Падь Токуй можно отметить несколько удлиненное предплечье, согласно вариациям значений луче-плечевого

(брахиального) индекса для человека современного типа. Для мужчины из Жиндо было характерно сильно укороченное предплечье относительно плеча. В то же время для мужчин обоих могильников оказалась характерной чертой несколько удлиненная голень, чем в среднем для современного человека.

Для мужчины из Падь Токуй удалось определить очень узкие лопатки, а, кроме того, для обоих случаев – достаточно узкие плечи – всего 35 см в ширину. Показатели таза и крестца, которые удалось измерить и проанализировать только для мужчины из Падь Токуй, – среднестатистические.

Прижизненная длина тела была вычислена и для второго индивида из могильника Жиндо. Однако по этому показателю внутригруппового сходства не наблюдается. Для мужчин из Падь Токуй (погр. 1) и Жиндо (погр. 2, скелет 2) был характерен средний прижизненный рост, в то время как у второго индивида из могильника Жиндо из того же погребения 2 (скелет 2) определяется прижизненная длина тела выше средней (табл. 7).

Женщины. Определено очень малое количество показателей пропорций. Можно лишь отметить следующее. Для женщины из могильника Падь Токуй (погр. 2) получен слишком высокий индекс соотношения длин плеча и бедра. Для нее же удалось определить относительно удлиненную голень и очень малую величину ширины плеч – всего лишь 31 см при росте 160 см. У женщины из могильника Жиндо (погр. 4) прижизненная длина тела оказалась почти такой же. А из особенностей пропорций можно назвать значительно удлиненное предплечье по сравнению с плечом. Прижизненный рост обеих женщин был в пределах средних значений для современных популяций этого региона.

II. Анализ массивности и прочности костей конечностей. Результаты вычисления индексов приведены в табл. 8.

Таблица 8

Индексы массивности и укрепленности костей конечностей

Индекс	Падь Токуй погр. 1	Жиндо погр. 2 скел. 1	Жиндо погр. 2 скел. 2	Падь Токуй погр. 2	Жиндо погр. 4
	Мужчина	Мужчина	Мужчина	Женщина	Женщина
Ключицы 6/1	24,95	23,21	–	–	–
	25,94	–	23,33	–	–
Плечевой кости 7/1	18,81	–	–	15,92	19,27
	18,79	17,93	–	–	19,06
Лучевой кости 3/1	16,67	–	–	–	14,87
	–	14,98	15,83	–	–
Сечения лучевой кости 5/4	57,14	–	–	–	63,69
	–	63,69	62,86	–	–

Индекс	Падь Токуй погр. 1	Жиндо погр. 2 скел. 1	Жиндо погр. 2 скел. 2	Падь Токуй погр. 2	Жиндо погр. 4
	Мужчина	Мужчина	Мужчина	Женщина	Женщина
Локтевой кости 3/2	14,91	–	–	–	14,67
	15,18	13,66	13,31	–	–
Сечения локтевой кости 13/14	82,61	–	–	–	75,56
	79,17	72,73	80,00	–	–
Бедренной кости 8/2	18,62	–	–	21,24	–
	18,85	18,55	–	20,80	–
Пилястрии бедра 6/7	120,17	–	–	133,33	–
	118,26	117,39	–	129,17	–
Прочности бедра (6+7)/2	11,65	–	–	13,37	–
	11,54	11,52	–	13,00	–
Платимерии бедра 10/9	101,96	68,00	–	85,71	–
	99,61	65,57	–	82,14	–
Большеберцовой кости 10/1	21,43	–	–	–	–
	21,85	22,28	–	20,45	–
Большеберцовой кости 10б/1	20,05	–	–	–	–
	20,17	19,50	–	18,47	–
Расширенности середины диафиза 9/8	77,78	–	–	58,93	–
	71,43	61,29	–	60,71	–
Платикнемии большебер- цовой кости 9а/8а	68,39	–	–	–	–
	66,67	60,29	–	55,81	–

Мужчины. Исследование индексов прочности скелета у мужчин из обоих могильников выявило массивность ключиц среднюю или немного ниже средней, значительную грацильность плечевых и локтевых костей, среднюю степень массивности лучевых костей, грацильность бедренных костей и среднюю степень массивности большеберцовых костей. В целом скелет верхних конечностей у индивида из Падь Токуй был немного массивнее.

Для всех индивидов также следует отметить очень высокую степень уплощенности лучевых костей (и одновременно хорошее развитие межкостного края), среднюю степень прочности локтевых костей в верхней части диафиза, а кроме того, высокую степень развития тела бедренных костей в сагиттальном направлении. В этом плане индексы пилястрии бедра, полученные для индивидов из обоих могильников, находятся в области верхней границы значения этого признака для человека современного типа (Рогинский, Левин 1978; Хрисанфова 1978). Однако анализ непосредственно степени развития шероховатой линии бедра, от чего обычно и зависит показатель пилястрии, выявил крайне слабую степень выраженности бугристости, а высокие значения индекса пилястрии связаны с наличием на костях сзади длинного выступа, типа рельсы, на котором и находится сам рельеф. Такое строение бедренной кости можно считать архаичным.

Степень расширенности большеберцовых костей у индивидов из разных могильников оказалась различной. У мужчины из Падь Токуй

большеберцовые кости мезокнемичны, то есть среднеширокие. У мужчины из Жиндо (погр. 2 скел. 1) – выражено платикнемичные, или саблевидные, что также считается архаичным признаком.

Женщины. Сравнить женщин из двух могильников удалось только по степени массивности плечевых костей. У женщины из Падь Токуй индекс массивности оказался крайне низким, даже ниже минимальных значений для современного человека. У женщины из Жиндо (погр. 4) показатель массивности плечевой кости – немного ниже среднего. Для этой же женщины можно отметить выраженные грацильные кости предплечья и, также как и у мужчины из Жиндо, сильную уплощенность лучевой кости, выраженность межкостного края и среднюю степень прочности локтевой кости в верхней части.

Аналогичные индексы для женщины из Падь Токуй определить не удалось. Однако у нее можно проанализировать некоторые индексы прочности костей ног. Как ни странно, для нее оказались характерны достаточно массивные бедренные и большеберцовые кости. Бросается в глаза величина индекса пилястрии, который оказался даже выше, чем известные максимальные величины у человека современного типа (в том числе мужчин). У этой женщины на задней стороне тела бедренных костей нами описан сильно выступающий край, типа рельсы, имеющий больший относительный размер, чем у мужчин из Падь Токуй и Жиндо. При этом непосредственно шероховатость, к которой прикреплялись мышцы, развита умеренно. То есть бедренные кости женщины из Падь Токуй несут в себе черты архаичности. То же самое выявляется и при анализе степени уплощенности большеберцовых костей, которые можно охарактеризовать как выражено уплощенные (сильно платикнемичные), или сильно саблевидные. Полученный индекс платикнемии намного ниже возможных минимальных величин у человека современного типа.

III. Степень развития мышечного рельефа. При оценке мышечного рельефа мы базировались на программе исследования В.Н. Федосовой с нашими некоторыми изменениями и добавлениями (Федосова 1986). В целом мышечный рельеф на мужских и женских скелетах из разных погребений развит умеренно, если следовать трехбалльной системе оценки, то чаще – на второй балл.

У мужчины из Падь Токуй мышечный рельеф рук развит даже слабее среднего балла. При этом высокой степенью развития обладают межвертельная линия на бедренной кости, к которой прикрепляются мышцы таза – вращатели бедра наружу, и большеберцовая бугристость, к которой прикрепляется несколько мышц, включая четырехглавую мышцу бедра, сгибающую бедро и разгибающую колено.

У мужчин из Жиндо рельеф на скелете рук развит лучше, а мышечный рельеф ног – практически также, как у индивида из Падь Токуй.

По степени развития различных шероховатостей на скелете рук и ног женщины из Падь Токуй и Жиндо фактически не уступают мужчинам из этих же могильников. Для женщин имеет смысл отметить довольно хорошее развитие дельтовидной шероховатости и гребня большого бугорка на плечевой кости, то есть рельефа мышц, поднимающих плечо и смещающих его медиально. Рельеф ног развит умеренно. Лучше выражен межвертельный гребень, к которому, как говорилось выше, прикрепляются мышцы, вращающие бедро наружу.

Характеристика патологических и иных особенностей изученных индивидов

Поскольку большинство скелетов были фрагментарны, некоторая доля информации, касающейся патологий костей, была недоступна.

Падь Токуй, погребение 1, мужчина 27–30 лет. Сужен левый наружный слуховой проход, небольшой остеопороз края барабанной пластинки (возможные причины: отит, или реакция на холодное воздействие). В обеих глазницах – *cribra orbitalia* – маркер заболеваний крови (например, анемии). Гиперостоз края большого затылочного отверстия, сильная уплощенность затылочных мыщелков (вероятно, имела место значительная весовая нагрузка на позвоночник). Пороз (типа кривы) задней части стенки носовой полости с обеих сторон. Периостит на верхних челюстях в области грушевидного отверстия. Пороз свода черепа вдоль сагиттального шва. Все это – реакция организма на холодное воздействие. На некоторых зубах (тех, которые сохранились) – эмалевая гипоплазия (маркер голодания в детстве). На зубах – небольшой зубной камень. Пороз шейки бедренных костей. Периостит на малоберцовых костях над лодыжками (результат небольшой инфекции и холодного воздействия). Пороз и порозистый гиперостоз на груди, а возле ключичных вырезок имеются как бы дополнительные суставные поверхности (возможно, – результат на большую силовую нагрузку на грудино-ключичные суставы).

Падь Токуй, погребение 2, женщина 40–50 лет. Возрастные изменения суставных поверхностей длинных костей, позвонков, признаки остеоартроза тазобедренных и коленных суставов, а также многих межфаланговых суставов кисти (гиперостозы и даже шлифовка поверхностей). Признаки вывиха первого межфалангового сустава указательного пальца левой кисти (признаки травмы – гиперостоз, экзостозы, шлифовка поверхностей). Утрачены еще при жизни по крайней мере все верхние зубы, редукция альвеолярных отростков. Редукция губчатого вещества крыльев подвздошных костей.

Усть-Менза-2, Раск. 2, погребение 1, мужчина 30–40 лет. Сужен левый наружный слуховой проход (правая височная кость отсутствует).

Обнаружен, в частности, лопатообразный резец, являющийся признаком хотя бы частичной монголоидности.

Жиндо, погребение 1 ребенок. В глазницах – незначительно развитая *cribra orbitalia* – маркер заболеваний крови. Сильный остеопороз шейки левого бедра локально спереди (правое отсутствует в погребении), что также может быть связано с заболеванием крови. В нижней челюсти обнаружена закладка постоянного резца лопатообразной формы (признак монголоидности).

Жиндо, погребение 2, скелет 1, мужчина 25–30 лет. Небольшой остеопороз на анатомической шейке, точно, левой кости. На левой большеберцовой кости посередине тела – периостит (воспаление надкостницы). Пороз и даже остеолит на межвертельном гребне и шейке левого бедра (эти структуры правой кости отсутствуют).

Жиндо, погребение 2, скелет 2. Слабо выраженный остеохондроз средних грудных позвонков. Пороз на латеральном конце левой ключицы.

Жиндо, погребение 4, женщина 30–40 лет. На правых (только правых) пяточной и таранной костях имеется остеопороз (крибра). В блоковой вырезке правой локтевой кости имеется порозистый гиперостоз (вероятно, была травма локтевого сустава).

Жиндо, погребение 5, мужчина 25–30 лет. В правом наружном слуховом проходе имеется костный нарост, сужающий просвет слухового прохода; порозистый гиперостоз и остеолит края правой барабанной пластинки. Очень сильно стертые зубы (почти до зубного канала).

Небольшой остеопороз на шейке левой бедренной кости.

Таким образом, основные патологии связаны с холодовым воздействием (пороз структур лицевого скелета и свода черепа, сужение наружных слуховых проходов и патологии барабанных частей височных костей, образующих внешнюю стенку наружных слуховых проходов). У нескольких индивидов имеются показатели болезней крови (возможно, анемии) – *cribra orbitalia* в глазницах. Некоторые патологии скелета, вероятно, связаны с нарушением минерального состава крови, недостатка кальция в пище и воде, эндокринными нарушениями и др. Остальные патологии встречаются в единичных случаях. Можно также отметить наличие у некоторых индивидов лопатообразных резцов, являющихся признаками определенной степени монголоидности.

Заключение

Применение комплекса антропологических методов к неолитическим материалам Забайкалья позволило получить новые интересные сведения относительно особенностей населения Восточной Сибири, что в свою очередь добавляет, словно фрагменты мозаики, штрихи к общей

картине заселения этой территории и формирования современных антропологических типов. Анализ остеологического материала из неолитических памятников Падь Токуй, Жиндо и Усть-Менза показывает, что даже на ограниченной территории Забайкалья в неолите проживало весьма разнородное население. Два мужских черепа, которые в силу сохранности были проанализированы по полной программе, имеют сходные характеристики лицевого скелета при резких различиях в размерах и форме мозговой коробки. Сопоставление с современными, с синхронными и более древними группами выявило, что изученные объекты как бы имеют наследников в более позднем населении. Череп Жиндо напоминает мансийские черепа современной Западной Сибири. Череп Падь Токуй по размеру близок к наиболее крупноголовым неолитическим сериям Сибири и к некоторым современным восточно-сибирским сериям. В то же время последний имеет исключительно малую абсолютную и относительную высоту черепной коробки – черта, не имеющая аналогов ни в современном, ни в неолитическом населении Сибири. Однако, эта черта встречается среди палеоантропов. Возможно, здесь мы имеем дело с архаичным сколом населения, имеющего метисное происхождение за счет смешения с сибирскими палеоантропами (денисовцами?). Что касается признаков лицевой части, то можно говорить о выраженном монголоидном комплексе, который уже отчетливо сформировался к 6 тыс. до н.э. Выполненные по этим черепам графические и скульптурные реконструкции подчеркивают своеобразие облика обоих индивидов. Отличительными чертами внешнего облика являются значительная уплощенность лица на всех уровнях при средней его ширине; выраженные монголоидные особенности глазной области, эпикантус; крайне незначительное выступание носа; выраженный прогнатизм.

Для мужчин из Падь Токуй (погр. 1) и Жиндо (погр. 2, скелет 1) был характерен средний по современным масштабам прижизненный рост (167 и 166 см соответственно), в то время как у второго индивида из могильника Жиндо определяется высокая прижизненная длина тела. Для мужчины из Падь Токуй были характерны немного укороченные руки, в то время как для мужчины из Жиндо все показатели соотношения длин конечностей имеют средние значения. Женщины отличаются средним ростом и значительным развитием рельефа костей, что свидетельствует о большой физической нагрузке. На всех скелетах присутствуют следы воздействия холодового стресса.

Литература

- Алексеев В.П., Дебец Г.Ф.* Краниометрия. Методика антропологических исследований. М.: Наука, 1964.
Алексеев В.П. Остеометрия. М., 1966.

- Алексеев В.П.* Палеоантропология земного шара и формирование человеческих рас. Палеолит. М.: Наука, 1978.
- Алексеев В.П., Гохман И.И.* Антропология азиатской части СССР. М.: Наука, 1984.
- Бунак В.В.* Основные морфологические черты черепа человека и их эволюция // Русский антропологический журнал. 1922. Т. 12, кн. 1–2. С. 24–52.
- Васильев С.В., Герасимова М.М., Боруцкая С.Б., Фризен С.Ю., Жамбалтарова Е.Д.* Антропологическое исследование Фофановского могильника (Забайкалье) эпохи неолита и ранней бронзы // Вестник антропологии. 2010. Вып. 18. С. 113–127.
- Веселовская Е.В.* Единство закономерностей внутригрупповой изменчивости и межгрупповая дифференциация признаков толщины мягких тканей лица у современного человека // Единство и многообразие человеческого рода. М., 1997. Ч. 1. С. 312–335.
- Веселовская Е.В.* Краниофациальные пропорции в антропологической реконструкции // Этнографическое обозрение. 2015. № 2. С. 83–98.
- Веселовская Е.В.* «Алгоритм внешности» – комплексная программа антропологической реконструкции // Вестник Московского университета. Серия XXIII. Антропология. 2018. № 2. В печати.
- Герасимова М.М.* Черепа Фофановского могильника // Древности Байкала. Иркутск, 1992.
- Гохман И.И.* Древний череп с реки Шилка. // Краткие сообщения Института этнографии. 1953. Вып. XVII. С. 69–75.
- Дебец Г.Ф.* Антропологические исследования в Камчатской области // Труды Ин-та этнографии АН СССР (нов. сер.), 1951. Т. XVII.
- Деревянко А.П.* Переход от среднего к верхнему палеолиту и проблема формирования *Homo sapiens sapiens* в Восточной, Центральной и Северной Азии. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2009.
- Деревянко А.П.* Формирование человека современного анатомического вида и его поведения в Африке и Евразии // Археология, этнография и антропология Евразии. 2011. № 3. С. 2–31.
- Дрёмов В.А.* Антропологические материалы из могильников Усть-Иша и Итуль (к вопросу о происхождении неолитического населения Верхнего Приобья) // Палеоантропология Сибири. М.: Наука, 1980. С. 19–46.
- Константинов М.В., Екимова Л.В., Гантимурова М.И.* Неолитические погребения в окрестностях с. Жиндо // Истоки, формирование и развитие евразийской поликультурности. Культуры и общества Северной Азии в историческом прошлом и современности: материалы I (XLV) Российской с международным участием археологической и этнографической конференции студентов и молодых учёных (РАЭСК-XLV): 12–16 апреля 2005 г. Иркутск. Иркутск: Изд-во РПЦ «Радиян», 2005. С. 129.
- Лебединская Г.В.* Реконструкция лица по черепу (методическое руководство). М.: Старый сад, 1998.
- Мамонова Н.Н.* Определение длины костей по их фрагментам // Вопросы антропологии. 1968. Вып. 29. С. 171–177.
- Пестряков А.П.* Расы человека в краниологической классификации населения тропического пояса // Современная антропология и генетика и проблема рас у человека. М., 1995. С. 43–90.
- Пестряков А.П., Григорьева О.М.* Краниологическая дифференциация современного населения // Расы и народы. Ежегодник № 30. М.: «Наука», 2004. С. 86–131.
- Рогинский Я.Я., Левин М.Г.* Антропология. М.: МГУ, 1978.
- Федосова В.Н.* Общая оценка развития компонента мезоморфии по остеологическим данным (остеологическая методика) // Вопросы антропологии. 1986. Вып. 76. С. 104–116.
- Хрисанфова Е.Н.* Эволюционная морфология скелета человека. М.: МГУ, 1978.

Чикишева Т.А. Динамика антропологической дифференциации населения юга Западной Сибири в эпохи неолита – раннего железа. Новосибирск: Изд. ИАиЭ СО РАН, 2012.

Статья поступила в редакцию 14 мая 2018 г.

Vasilyev Sergey V., Veselovskaya Elizaveta V., Galeev Ravil M., Grigorieva Olga M., Konstantinov Mikhail V., Pstryakov Alexander P., and Borutskaya Svetlana B.

AN ANTHROPOLOGICAL STUDY OF TRANSBAIKAL NEOLITHIC SITES (PAD TOKUY, ZHINDO, AND UST-MENZA 2)*

DOI: 10.17223/2312461X/21/8

Abstract. The article presents a comprehensive analysis of osteological materials from Neolithic sites in the Krasnochikovsky area of the Chita region: Pad Tokuy, Zhindo, and Ust-Menza 2. Few anthropological finds of the Stone Age have been discovered on this territory, and thus exploring local burials is of particular importance for the understanding of human settlement in Eastern Siberia. In total, eight burials were investigated: five male ones, two female, and one of a child. Using a set of methods allowed the authors to extract interesting and valuable information despite the poor preservation of the bones found. For the first time, Transbaikal Neolithic materials were analysed, based on the programme of cranium growth analysis (Pstryakov, 1995). The author of the programme has developed a craniological classification of *Homo sapiens* and fossil finds, thanks to which it became possible to compare the studied population with other populations (both ancient and contemporary) and to put forward a hypothesis as to the origins of *Homo sapiens* and their possible descendants. The specific features of their appearance can be seen in the reconstructions presented which were made based on two whole male skulls. The visualisation of the Neolithic population's lifetime appearance significantly contributes to our understanding of the ethno-genesis of Siberian indigenous peoples. The craniological study conducted revealed the heterogeneity of the population that developed the archaeological sites in question. Both skulls are elongated and are relatively narrow, with the low calvaria. The forehead is sloping and is clearly relatively wide. The facial part is narrow and long, and is very flattened even by Mongolian standards. There is a noticeable tendency of having the combination of a long face shape and a low cerebral box. The orbits are low and are not wide. The nose is high and is relatively wide, with a moderately high nasal bridge. One of the skulls (from the Pad Tokuy site, burial 1) features an unusual combination of brain box sizes: very large longitudinal and transverse diameters and the very low calvaria. This combination of features has no analogies in the Neolithic and the later population of the region. The height of these two men is estimated to be about average by current standards and during their lifetime was equal to 167 cm for the individual from the Pad Tokuy site and to 166 cm for the one from the Zhindo burial. Their arm segments revealed significant differences. The former has the elongated forearm, whereas the latter's is shorter relative to his shoulder. Both men have more elongated tibias than those of *Homo sapiens*. Both have rather narrow shoulders. The height of the women found is average; the relief of their bones is significantly developed, indicating considerable physical exertion experienced by them during their lifetime. In all of the skeletons, there are signs of cold exposure.

Keywords: Neolithic Age in Eastern Siberia, craniology, osteology, anthropological reconstruction

* The work was supported by the Russian Foundation of Fundamental Research, project no. 17-29-04132.

References

- Alekseev V.P., Debets G.F. *Kraniometriia. Metodika antropologicheskikh issledovaniy* [Cranio-metry. Methods of anthropological research]. Moscow: Nauka, 1964.
- Alekseev V.P. *Osteometriia* [Osteometry]. Moscow, 1966.
- Alekseev V.P. *Paleoantropologiya zemnogo shara i formirovaniye chelovecheskikh ras. Paleolit* [The paleoanthropology of the globe and the formation of human races. The Paleolithic Age]. Moscow: «Nauka», 1978.
- Alekseev V.P., Gokhman I.I. *Antropologiya aziatskoy chasti SSSR* [The anthropology of the Asian part of the USSR]. Moscow: «Nauka», 1984.
- Bunak V.V. Osnovnye morfologicheskie cherty cherepa cheloveka i ikh evolyutsiya [Basic morphological features of the human skull and their evolution], *Russkii antropologicheskiy zhurnal*, 1922, vol. 12, is. 1–2, pp. 24–52.
- Vasil'ev S.V., Gerasimova M.M., Borutskaia S.B., Frizen S.Iu., Zhambaltarova E.D. Antropologicheskoye issledovaniye Fofanovskogo mogil'nika (Zabaikal'e) epokhi neolita i rannei bronzy [An anthropological study of the Fofanovskiy burial site (the Transbaikal region) of the Neolithic period and the Early Bronze Age], *Vestnik antropologii*, 2010, vol. 18, pp. 113–127.
- Veselovskaya E.V. Edinstvo zakonmernosti vnutrigrupповой izmenchivosti i mezhrupповой differentsiatsii priznakov tolyshchiny miagkikh tkanei litsa u sovremen-nogo cheloveka [The consistency of intra-group variability and inter-group differentiation of features of soft facial tissues in Homo sapiens]. In: *Edinstvo i mnogoobrazie chelovecheskogo roda* [Unity and diversity of the human race]. Moscow, 1997, part 1, pp. 312–335.
- Veselovskaya E.V. Kraniofatsial'nye proporsii v antropologicheskoy rekonstruktsii [Craniofacial proportions in anthropological reconstruction], *Etнографическое обозрение*, 2015, no. 2, pp. 83–98.
- Veselovskaya E.V. «Algoritm vneshnosti» - kompleksnaya programma antropologicheskoy rekonstruktsii [‘The algorithm of externality’ – an integrated programme of anthropological reconstruction], *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya XXIII. Antropologiya*, 2018, no. 2. (in print)
- Gerasimova M.M. Cherepa Fofanovskogo mogil'nika [The skulls from the Fofanovskiy burial site]. In: *Drevnosti Baikala* [Antiquities of Baikal]. Irkutsk, 1992.
- Gokhman I.I. Drevniy cherep s reki Shilka [The ancient skull from the Shilka river], *Kratkie soobshcheniya Instituta etnografii*, 1953, vol. XVII, pp. 69–75.
- Debets G.F. Antropologicheskiye issledovaniya v Kamchatskoy oblasti [Anthropological studies in the Kamchatka region], *Trudy Instituta etnografii AN SSSR (nov. ser.)*, 1951, vol. XVII.
- Derevianko A.P. *Perekhod ot srednego k verkhnemu paleolitu i problema formirovaniya Homo sapiens sapiens v Vostochnoy, Tsentral'noy i Severnoy Azii* [The transition from the Middle to the Upper Paleolithic Age and the issue of formation of Homo sapiens sapiens in Eastern, Central and Northern Asia]. Novosibirsk. Iz-datel'stvo IАET SO RAN, 2009.
- Derevianko A.P. Formirovaniye cheloveka sovremennogo anatomicheskogo vida i ego povedeniya v Afrike i Evrazii [The formation of Homo Sapiens as an anatomic species and their behaviour in Africa and Eurasia], *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii*, 2011, no. 3, pp. 2-31.
- Dremov V.A. Antropologicheskiye materialy iz mogil'nikov Ust'-Isha i Itkul' (k voprosu o proiskhozhdenii neoliticheskogo naseleniya Verkhnego Priob'ya) [Anthropological materials from the burial sites of Ust-Ish and Itkul (on the origin of the Neolithic population in the Upper Ob region)]. In: *Paleoantropologiya Sibiri* [The paleoanthropology of Siberia]. Moscow: «Nauka», 1980, pp. 19–46.
- Konstantinov M.V., Ekimova L.V., Gantimurova M.I. Neoliticheskiye pogrebeniya v okrestnostiakh s. Zhindo [Neolithic burials near the village of Zhindo]. In: *Istoki, formirovaniye i razvitiye evraziyskoy polikul'-turnosti. Kul'tury i obshchestva Severnoy Azii v istoricheskom*

- proshlom i sovremennosti: Materialy I (XLV) Rossiiskoi s mezhdunarodnym uchastiem arkheologicheskoi i etnograficheskoi konferentsii studentov i molodykh uchenykh (RAESK-XLV): 12-16 aprelia 2005 g. Irkutsk* [The origins, formation, and development of Eurasian poly-culturalism. Cultures and societies of Northern Asia in history and at present: Proceedings of the I (XLV) Russian archaeological and ethnographic conference of students and young researchers, with international participation (RAESK-XLV): 12-16 April 2005, Irkutsk]. Irkutsk: Izd-vo RPTs «Radian», 2005. S. 129.
- Lebedinskaia G.V. *Rekonstruktsiia litsa po cherepu (metodicheskoe rukovodstvo)* [Facial reconstruction based on skull features (methodological guidelines)]. Moscow: Staryi sad, 1998.
- Mamonova N.N. *Opreделение длины костей по их фрагментам* [Determining the length of bones based on their fragments], *Voprosy antropologii*, 1968, vol. 29, pp. 171–177.
- Pestriakov A.P. *Rasy cheloveka v kraniologicheskoi klassifikatsii naseleniia tropicheskogo poiasa* [Human races in the craniological classification of the tropical population]. In: *Sovremennaiia antropologiya i genetika i problema ras u cheloveka* [Current anthropology and genetics and the issue of races and man]. Moscow, 1995, pp. 43–90.
- Pestriakov A.P., Grigor'eva O.M. *Kraniologicheskaiia differentsiatsiia sovremennogo naseleniia* [The craniological differentiation of the contemporary population]. In: *Rasy i narody. Ezhegodnik № 30* [Races and peoples: an annual edition no. 30]. Moscow: «Nauka», 2004, pp. 86–131.
- Roginskii Ia.Ia., Levin M.G. *Antropologiya* [Anthropology]. Moscow: MGU, 1978.
- Fedosova V.N. *Obshchaia otsenka razvitiia komponenta mezomorfii po osteologicheskim dannym (osteologicheskaiia metodika)* [The general assessment of development of the mesomorphic component based on osteological data (an osteological methodology)], *Voprosy antropologii*, 1986, vol. 76, pp. 104–116.
- Khrisanfova E.N. *Evolutsionnaia morfologiya skeleta cheloveka* [Evolutionary morphology of the human skeleton]. Moscow: MGU, 1978.
- Chikisheva T.A. *Dinamika antropologicheskoi differentsiatsii naseleniia iuga Zapadnoi Sibiri v epokhi neolita – rannego zheleza* [The dynamic of anthropological differentiation of the population in the south of Western Siberia in the Neolithic Age to the Early Iron Age]. Novosibirsk: Izd. IAiE SO RAN, 2012.

УДК 906.6

DOI: 10.17223/2312461X/21/9

ДОЛЬМЕНИ В АНТРОПОГЕННОМ ЛАНДШАФТЕ ПОЛУОСТРОВА АБРАУ*

Александр Васильевич Дмитриев,
Данила Олегович Дрыга,
Алексей Александрович Малышев,
Вячеслав Витальевич Моор

Аннотация. Дольменные сооружения – одно из самых ярких явлений эпохи бронзы – ассоциируются обычно с северо-западной частью Кавказского региона. На черноморском побережье зафиксирована только четвертая часть дольменов, тем не менее распространение традиции сооружения мегалитов, как правило, связывают с издавна являвшимся контактной зоной морем. В связи с этим местоположение полуострова Абрау, образованного самыми удаленными на запад отрогами Главного Кавказского хребта и являвшегося крайней точкой распространения дольменных сооружений на северо-западе, представляет особый интерес. Удалось установить значительный ареал мегалитических сооружений на полуострове Абрау. Как правило, они располагались в верховьях рек, на мысовых площадках горных отрогов. Систематизация данных и археологические обследования показали, что мегалиты Анапской и Цемесской долин оказались «стертыми» многовековым антропогенным воздействием. Как и практически 80% мегалитических сооружений Кавказа, дольмены полуострова Абрау – это обычные, плиточные конструкции. Слабая документированность значительного количества известных местонахождений позволила авторам предположить, что какая-то часть из известных по публикациям дольменов на самом деле являлась остатками склеповых сооружений эпох раннего железного века и античности. Дольменные комплексы южной части полуострова Абрау сохранились в труднодоступных районах региона. Наибольшее сосредоточение дольменных сооружений отмечено на Гудзевой горе и в ее окрестностях. Ландшафтные особенности, размеры и взаиморасположение объектов комплексов Серегай-1 и Серегай-2 позволяют предположить существование внутренней иерархии, отражающей некие сообщества среди создателей дольменных сооружений. К сожалению, ни одно из дольменных сооружений полуострова Абрау не сохранилось до наших дней в первоизданном виде, поэтому в исследовании предложен авторский вариант цифровой визуализации дольменных комплексов, реализованной на основе данных, полученных в ходе полевых исследований 2017–2018 гг.

Ключевые слова: Северный Кавказ, мегалиты, визуализация, антропогенный ландшафт, эпоха бронзы, фотограмметрия

Мегалитические сооружения получают распространение в Евразии в эпохи неолита и палеометалла (Гебекли-Тепе (Малая Азия), Стоунхендж

---

* Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ (грант № 17-29-04313 офи-м).

(Великобритания), Карнак (Бретань), Квансанри (Корея) Данбара (Япония) и др.), являясь яркими свидетельствами развития социализирующих механизмов и идеологических представлений в архаических общинах.

В европейской части нашей страны одно из самых ярких явлений эпохи бронзы – дольменные сооружения – обычно ассоциируется с северо-западной частью Северо-Кавказского региона. Ареал этих мегалитических сооружений простирается на 400 км вдоль берега Чёрного моря от Анапского района Краснодарского края до села Очамчиры (Абхазия). Наиболее удаленные от побережья дольмены расположены в окрестностях Майкопа (на расстоянии 70 км).

В сводке Л.И. Лаврова учтено 1 139 памятников (Лавров 1960: 103), конструктивные особенности определены только для 35% (398) сооружений.

Хотя на черноморском побережье зафиксирована только четвертая часть (268) дольменов, распространение традиции сооружения мегалитов, как правило, связывают с издавна являвшимся контактной зоной морем (Марковин 1978: 283–319). В связи с этим местоположение полуострова Абрау, образованного самыми удаленными на запад отрогами Главного Кавказского хребта и являвшегося крайней точкой распространения дольменных сооружений на северо-западе, представляет особый интерес (рис. 1, 2).

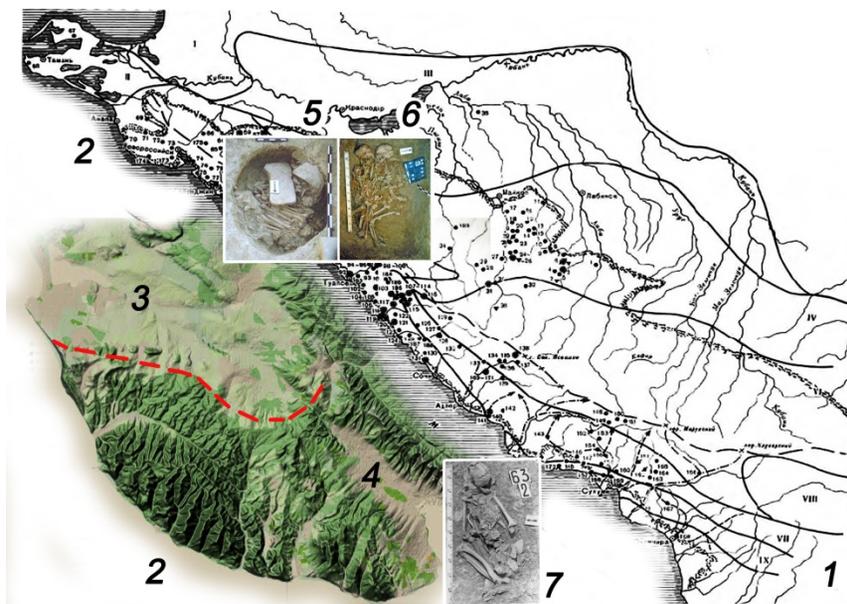

Рис. 1. Дольмены Северо-Западного Кавказа: 1 – распространение дольменных сооружений (по: В.И. Марковину, 1978); 2 – полуостров Абрау; 3 – Анапская долина; 4 – южная часть; 5 – «пакетное» подкурганное захоронение (эпоха бронзы, Анапская долина); 6 – захоронение в катакомбной гробнице (эпоха бронзы, Анапская долина); 7 – захоронение в каменном ящике (эпоха бронзы, Мысхако)

На полуострове отчетливо выделяются два разделенных Навагирским хребтом ландшафтных региона: меньший по площади, северный (Анапская долина) – степной (рис. 1, 3), и вдвое больший по размерам, южный – горный (рис. 1, 4).

Первые описания дольменных памятников полуострова Абрау, расположенных, главным образом, в южной ее части, принадлежат П.С. Уваровой (Леонтьев 1899: 20–23; 1904: 170–175). Исследованиями В.И. Сизова ареал был расширен на север: в 1886 г. он произвел раскопки одного из дольменных сооружений (Сизов 1889: 64–66). К сожалению, документированные раскопки дольменов с тех пор не велись практически сто лет.

В обзорных работах по мегалитам Кавказа и в справочных материалах по Черноморской губернии (Леонтьев 1899: 57) сообщается о дольменах (по-местному, «богатырские хаты») на плато Гудзевой горы, в долинах рек Дюрсо, Озерейки, Цемеса. Л.И. Лавровым по этому региону было учтено 16 памятников, по объектам № 880-896 приведены размерные характеристики (Лавров 1960: 171).

В исследовании В.И. Марковина «Дольмены Западного Кавказа» (1978) содержится только упоминание о данных, полученных благодаря археологическим обследованиям в регионе в 1970-е гг. Результаты археологических раскопок в 1980–1990-е гг. остатков сооружений двух дольменных комплексов в верховьях реки Озерейки не вошли в фундаментальные исследования по этой тематике. Кроме того, археологические работы на полуострове Абрау выявили обломки дольменов в постройках более позднего времени: прежде всего, эпохи античности и средневековья.

Авторами собраны и проанализированы все упоминания о возможных местоположениях мегалитических памятников полуострова Абрау, в ходе полевых исследований 2017–2018 гг. проведен их мониторинг. Полученные результаты, в том числе судьбы дольменных сооружений в антропогенном ландшафте региона на протяжении веков представлены в предлагаемой статье.

В ходе полевых исследований были созданы цифровые модели (фотограмметрии) сохранившихся до наших дней дольменных комплексов в верховьях реки Озерейки. Это позволило не только выявить их конструктивные особенности, но и предложить 3d-модели мегалитических сооружений.

Дольменные сооружения Анапской долины

Особенность этого региона – непосредственная близость памятников степных культур и населения предгорий. Несмотря на природные преграды (от расположенных севернее степных районов закрывают

Анапские плавни и отроги Главного Кавказского хребта), судя по археологическим данным, интенсивное заселение этой территории начинается в эпоху энеолита. Уже тогда здесь распространяюлись курганные сооружения степных культур. На водоразделах и отрогах зафиксировано около сотни курганов и курганных могильников (168 насыпей), датированных в пределах эпохи энеолита – бронзы. Дольменные сооружения, датируемые в пределах эпохи средней бронзы, традиционно связываются с населением предгорий и являются современниками известных здесь катакомбных и так называемых пакетных захоронений (Гей и др. 2003; Гольева, Малышев, Медникова 2008: 136–148) (рис. 1, 5, 6).

Отсутствие в настоящее время дольменных сооружений в Анапской долине объясняется интенсивными антропогенными изменениями. В частности, описывая дольменное сооружение на склоне возвышенности, севернее станицы Натухаевской, В.И. Сизов отмечает, что его крышка давно была «снята казаками для устройства колодца» (Сизов 1889: 62–64; Лавров 1960: № 882; Марковин 1978: 29–30, № 69).

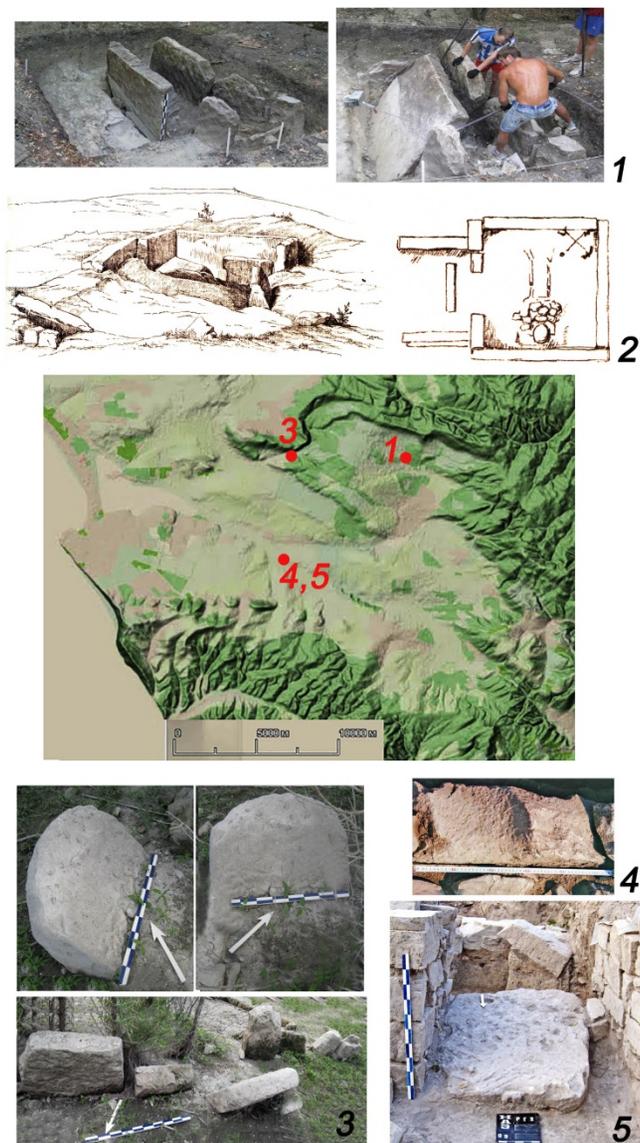
Остатки узкого, диаметром до трех вершков (ок. 0,15 м), круглого отверстия в обломках передней плиты, а также размеры торцевых и боковых стен (менее 2 м), вытесанных из местного песчаника, принадлежали совсем небольшому дольменному сооружению: высота камеры от каменного пола достигала метра. Конструкция дромоса состояла из двух вертикальных плит, примыкающих к передней стене камеры. Судя по описаниям и чертежу, изначально он был перекрыт курганообразной насыпью (Сизов 1889: 60) (рис. 2, 2).

Помимо раскопанного В.И. Сизовым дольмена исследователи называют еще два комплекса в верховьях реки Котламы: на северном склоне хребта (Лавров 1960: № 892–893; Фелицын 1904: 8; Уварова 1904: 174) и городище Гуден-Кале (Гуидугуидукатл) (Фелицын 1904: 9; Лавров 1960: № 880–881; Марковин 1978: 29–30, № 69).

К сожалению, точное местоположение указанных комплексов не установлено до сих пор. Работы последних лет Новороссийской археологической экспедиции РАН (далее – НАЭ РАН) выявили два местонахождения погребальных сооружений, при возведении которых были использованы крупные массивные плиты толщиной 0,1 м и более. Оба расположены примерно в 3 км севернее станицы Натухаевской.

Под небольшими земляными насыпями некрополя Родники, выявленного в 1986 г. А.В. Дмитриевым, обнаружены остатки каменных гробниц в виде каменных ящиков с небольшими двориками-дромосами, датированных по инвентарю античным временем (НАЭ-2013) (рис. 2, 1). Большинство гробниц было сооружено из массивных плит песчаника, которые первоначально могли быть использованы в мегалитической постройке эпохи бронзы. Полуразрушенные монумент-

тальные сооружения вполне могли быть приняты исследователями начала прошлого века за дольмены.

Рис. 2. Анапская долина: 1 – гробницы некрополя «Родники»; 2 – дольменное сооружение у ст. Натухаевская (раскопки В.И. Сизова); 3 – детали дольменных гробниц в кромлехе средневекового захоронения (верховья р. Куматырь); 4 – обломок дольменного портала с отверстием в эллинистической кладке (Раевское городище); 5 – плита дольменной камеры в проеме входа монументального сооружения раннеримского времени (Раевское городище)

Кроме того, массивные плиты песчаника, по-видимому, разрушенного при расправке монументального сооружения, были обнаружены экспедицией при обследовании лесного массива на поселении Верхняя Котлама.

Довольно путаное упоминание о дольменах в окрестностях станицы Раевской в статье Е.Д. Фелицына: «...в верховьях р. Кетляמידж к юго-западу от Раевской станицы по дороге к гор. Новороссийску на северном склоне хребта...» (Фелицын 1904: 8; Марковин 1978: 29–30, № 71) – позволяет предположить наличие дольменных комплексов в долине реки Бедрички – притока Маскаги (юго-западнее станицы). В северо-западной части Раевского городища в фундаментной кладке эллинистического сооружения обнаружен обломок портала дольменного сооружения с частью входного отверстия небольшого диаметра (ок. 0,3 м) (НАЭ-2002) (рис. 2, 4). В здании цитадели (северо-восточная часть городища) в качестве пола дверного проема подвального помещения была использована типичная для торцов дольменных камер плита трапециевидной в плане формы размером 0,9×1,2 м (НАЭ-2010) (рис. 2, 5).

Торцевая плита со скругленным верхом, а также обломки массивных плит стен разрушенного дольменного сооружения обнаружены в кромлехе средневекового захоронения в верховьях долины реки Куматырь (НАЭ-2015) (рис. 2, 3). Об уничтоженных еще до покорения Кавказа дольменах в долине реки Шингари сообщает Е.Д. Фелицын (Фелицын 1904: 11; Сорохтин 1915: 273; Лавров 1960: № 883–884; Марковин 1978: 29–30, № 70).

Дольменные сооружения южного региона

Южный, горный регион отличает сложный рельеф: Навагирский хребет, простираясь вдоль побережья Черного моря от Анапы к Мысхако, занимает практически весь полуостров Абрау. Обращает внимание центральное место в этой системе Гудзево́й горы (почеркесски «Гуд гора» или «Готор») (Фелицын 1904: 174), где пересекаются основные водораздельные хребты полуострова Абрау (Маркотх и Навагир).

Вершина Гудзево́й горы (высота 425 м) представляла собой обширную площадку сложной конфигурации. По словам П.С. Уваровой, здесь располагались шесть наиболее крупных дольменных сооружений: «По ней вдоль всего хребта, – с запада на восток расположены 5 громадных дольменов, из которых один сохраняется в целости, если не считать, что передней плиты у него нет, а задняя хотя на месте, но отвалена. Верхняя плита имеет длины 4 аршина, 11 вершков, ширины 3 аршина 12 вершков, задняя плита имеет вышины (до земли) 1 аршин 15, 5 вершка, ширины 1 аршин 11 вершков. Говорят, что через балку в лесу сохраняется такой же

дольмен» (Уварова 1891: 23). Информация о них содержится не только в научных обзорах (Леонтьев 1899; Уварова 1904: 174; Фелицын 1904: 8; Сорохтин 1915: 91; Лавров 1960: № 885–891), но и в путеводителях (Леонтьев 1899; Доброхотов 1916; Стеллецкий 1931).

По сообщению Г.Н. Сорохтина, в начале XX в. в окрестностях Новороссийска насчитывалось 13 дольменов, пять из них – на Гудзевой горе, спустя непродолжительное время «от них не осталось и следа» (Сорохтин 1915: 91). Тем не менее нам удалось выявить остатки дольменного сооружения в юго-западной части плато Гудзевой горы (НАЭ-2018) (рис. 1, 3). Снят ситуационный план, поверхность сооружения была расчищена от листвы, что позволило выявить следы грабительских раскопок: разрушения порталной части и задняя плита, а также плита пола. Торцевая порталная плита, судя по обнаруженным обломкам, была выполнена из нетипичного для этого региона ракушечника.

In situ сохранились боковые стенки камеры с пазами (крепежными вытесами) для установки поперечных стен и плиты пола. Необходимые обмеры можно будет произвести после полноценной расчистки сооружения и прилегающего пространства¹.

На отрогах Гудзевой горы берет начало бо́льшая часть водотоков, образующих речную систему полуострова Абрау: на северном склоне – Маскага, на юго-восточном склоне – Цемес, на южном – Озерейка, и на западном склоне – Дюрсо (рис. 3).

Во второй по размеру в регионе, Цемесской долине (между поселками Владимировка и Кирилловка), вслед за П.С. Уваровой, исследователями локализуются несколько комплексов (рис. 3).

В частности, в верховьях долины на левом берегу реки Цемес, в 3 км от Чудозеевой горы (Уварова, 1904: 174; Стеллецкий 1931: 78; Лавров 1960: № 894; Марковин, 1978: № 73) и здесь же, на левом берегу, располагается еще один (Уварова 1904: 174; Фелицын 1904: 8; Лавров 1960: № 895). П.С. Уварова описала два полуразрушенных дольмена «не очень больших размеров». Судя по отмеченным рядом от шести до десяти невысоким насыпям с торчащими из них глыбами песчаника, мегалитический комплекс был довольно значительным (Уварова 1891: 20, 21).

Вторая группа мегалитических сооружений располагалась ниже по течению реки Цемес в районе местечка Борисовка, на вершине и по южному склону Гудзевой горы (гора Серегай) (Марковин 1978: № 72). Отсутствие подробных описаний и чертежей не позволяет с полной уверенностью определить все сооружения как дольменные.

К сожалению, единственное свидетельство расположения в Цемесской долине дольменных комплексов – это дольменные плиты, замурованные в цокольную часть стены башнеобразного сооружения рубежа эр на поселении Цемесская Роща.

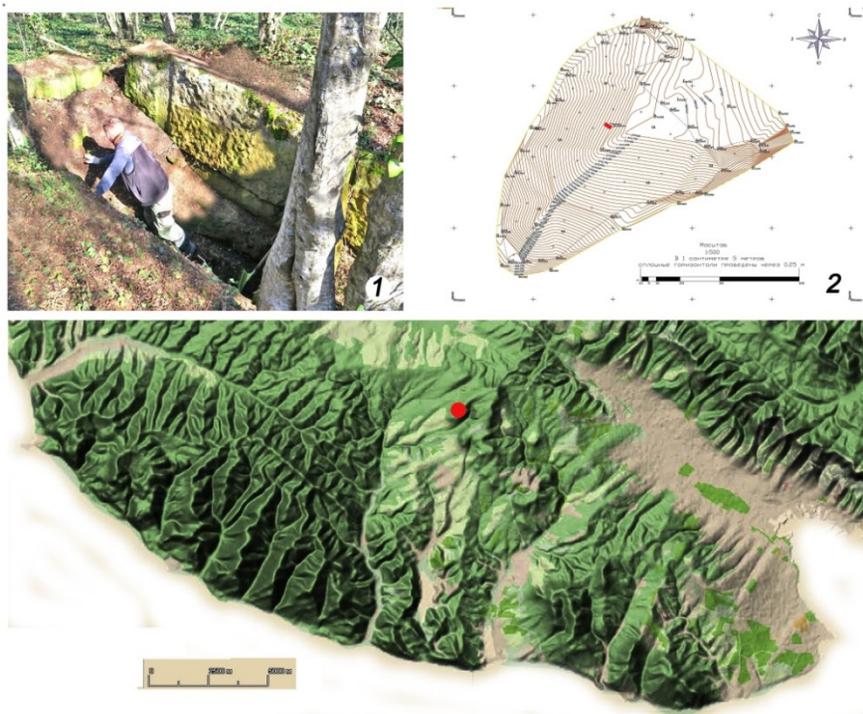

Рис. 3. Дольменное сооружение на Гудзевой горе (исследования 2018 г.)

Помимо плато Гудзевой горы и верховий Цемеса в справочной литературе по Черноморской губернии говорится об обилии «богатырских хат» (дольменов) в верховьях рек Дюрсо и Озерейки. Судя по найденной грибовидной пробке в нагромождении массивных плит, сброшенных при устройстве виноградников в 1968–1969 гг. в ущелье при впадении в реку Дюрсо ручья Махновой щели, разрушенное сооружение было дольменом (Марковин 1978: № 174).

В 1973 г. разведками А.В. Дмитриева на горных отрогах горы Серегай в верховьях реки Озерейка были открыты руины двух дольменных комплексов. Раскопки дольменного комплекса были начаты в 1980-е гг. (Кононенко 1986: 1–10; 1987: 1–12). Археологические раскопки 2000 г. завершены реконструкцией сохранившихся до наших времен составляющих дольменных конструкций (Дмитриев 2000: 132) (рис. 3).

Междисциплинарные исследования мегалитических сооружений в верховьях реки Озерейки

В 2017 г. с целью сохранения вышеописанных комплексов для дальнейших исследований были проведены работы по аэрофотогеодезической разведке дольменов для создания цифровых, фотограмметриче-

ских моделей исследуемых объектов в ландшафтном окружении. Они включали в себя создание опорной сети для привязки материалов аэрофотосъемки, локальную топографическую съемку дольменов, площадную аэрофотосъемку района, локальную перспективную и наземную съемку для создания высокоточных трехмерных моделей дольменов, панорамную съемку. Опорная сеть состояла примерно из 20 точек (по десять точек на дольменный комплекс), для отождествления точек на снимках производилась специальная маркировка в виде креста. Координаты точек были определены приемником Stonex S9 в режиме RTK (система координат UTM-37). На опорных точках, на которых определение координат при помощи GPS приемника было невозможно, координаты определялись в ходе тахеометрической съемки. Аэрофотосъемка производилась с использованием беспилотного летательного аппарата Phantom 4 Advanced, размер пикселя при площадной съемке составлял около 2–5 см. По материалам полевых работ были созданы трехмерные модели, ортофотопланы и топографические планы дольменных комплексов, а также ортофотоплан района (~30 Га). Для более плотного анализа дольменных комплексов был создан панорамный тур, состоящий из восьми точек обзора. Ниже представлен обобщенный результат исследований. Заключительным этапом этих работ стало создание 3d-модели изучаемых объектов, доступной для широкого круга исследователей.

Первый дольменный комплекс Серегай-1 мастерски вписан в микро-рельеф узкого скального мыса. Большой перепад высот – 1,75 м – на «стройплощадке» протяженностью ок. 20 м наверняка доставил большие затруднения, как при возведении, так и при эксплуатации сооружения (рис. 4, 1). Под отложениями из камня и коричневого суглинка раскопками выявлены руины сооружения, состоящего из трех камер плиточных дольменов. Они расположены ступенеобразно: южная № 3 – верхний уровень (149,00/148,25 м над ур. м.); центральная № 1 – средний уровень (148,25 м над ур. м.); северо-восточная № 2 – нижний уровень (148,00/147,25 м над ур. м.). Причем каждая камера заключена в насыпь арочной в плане формы. Контурсы насыпей «держали» крепиды из мощных каменных блоков.

Кладка крепид регулярная: с фронтальной стороны сохранилась на высоту до четырех рядов, с тыльной (в юго-западной части) – до пяти. Она сложена из массивных плит песчаника высотой ок. 0,3–0,5 м, длиной 1–1,8 м. Камни крепиды почти не обработаны. Грубой отеске граней торцов подвергались только отдельные плиты дромоса. Пространство между стенами и плитами дольменных камер забутовано.

Порталы дольменов 1 и 2 (длиной 13,2 м) ориентированы по линии СВ–ЮЗ, тогда как из-за резкого подъема рельефа поверхности передняя стена дольмена 3 (длиной 7 м) ориентирована по оси СЮ, примыкающая к кладке дольмена 1 под тупым углом.

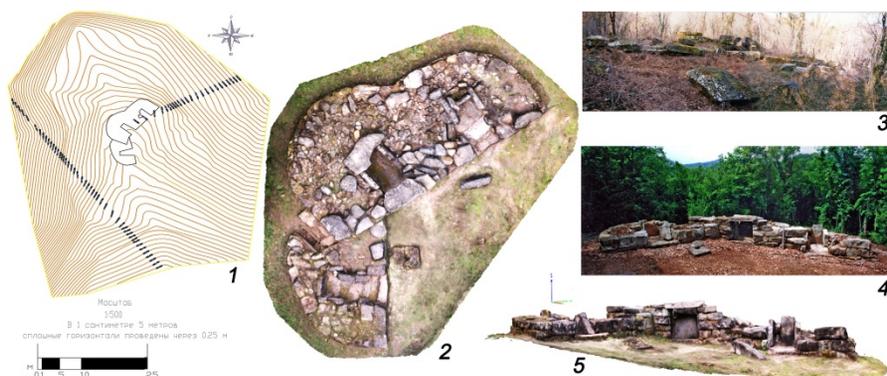

Рис. 4. Дольменный комплекс Серегай-1: 1 – ландшафт; 2 – вид сверху (2017 г., фотограмметрия); 3 – комплекс до реконструкции; 4 – комплекс после реконструкции (2000 г.); 5 – вид со стороны порталов (2017 г., фотограмметрия)

О принадлежности объекта эпохе средней бронзы свидетельствуют данные радиоуглеродного анализа (материалы под плитами дольмена № 1): образец Le-3681 (BP-3710±50 и BC (калиброванная) – 2184–1984 гг. до н.э.) (Трифонов 2001: 71–82; Кононенко 2008: 211–214).

Не вызывает сомнения, что дольменный комплекс сооружался в несколько приемов. Первым на небольшой мысообразной площадке был центральный дольмен 1. Прямоугольную в плане камеру размером 1,5×2,5 м образуют четыре массивные, установленные на кладку пола плиты при высоте ок. 1,3 м. В боковых стенах имелись пазы для упора торцовых плит, имевших трапециевидную форму. Пазы крепления неглубокие, едва заметны. Боковые стены подпирались наклонно установленными блоками-контрфорсами – тремя слева, двумя справа. Обработке подвергались только лицевые поверхности плит. Нижняя часть фронтальной стороны плиты-портала² с отверстием из нетипичного для этого региона ракушечника была украшена орнаментом в виде вырезанных зигзагообразных линий.

Дромос дольмена 1 (длина – 1,5 м, ширина – 1,8 м) образован кладками из пяти рядов уложенных горизонтально плит размером ок. 1,3×2 м, шестой была плита перекрытия. Они упирались в торцы боковых плит камеры.

Устойчивость кладки обеспечивалась, прежде всего, массивностью составляющих ее блоков: наиболее крупный имел размер 0,3×0,7×1,7 м (вес – ок. 450 кг). Подобной длины и ширины блок был уложен под эти кладка как пороговый камень.

Конструктивные элементы расположенного северо-восточнее дольмена 2 сохранились гораздо хуже. Боковые и торцевые стенки практически квадратной (1,2×1,2 м, при высоте 1,4 м) в плане камеры сохра-

нились фрагментарно. Боковые стенки дромоса (длина – 1,4 м, ширина – 1,5 м) также образованы кладками массивных блоков песчаника, сохранившимися на высоту двух рядов. Менее рельефен пороговый камень шириной ок. 0,5 м.

Сложности с возведением дольмена 2 не ограничились разбором северо-восточной части крепиды дольмена 1, так как строить пришлось на довольно крутом (9°) склоне. В дальнейшем мегалит в значительной степени пострадал от продольной, склоновой деформации в северо-восточном направлении: наклонно стоящие плиты, явно сползшие (или сброшенные) кладки крепиды, обнаружены в 3 м от первоначального местоположения. Количество обнаруженных здесь блоков позволяет говорить о первоначальной высоте стен не менее 3–4 м, тогда как современная высота руин ок. 1,8 м. Возвышаясь над гребнем отрога, внешне дольменный комплекс выглядел очень внушительно.

Дольменное сооружение 3 возведено выше по склону, к югу от дольмена 1, что обусловило, как уже указывалось выше, поворот порталной части сооружения. Оно имело схожие конструктивные особенности: за небольшим дромосом-двориком (длина – 1,3 м, ширина – 1,6 м) с пороковым камнем располагалась прямоугольная в плане камера, размером ок. 1,4×2 м. О высоте камеры – 1,3 м – можно судить по размеру составленной из обломков порталной торцевой плиты с отверстием диаметром ок. 0,3 м.

Археологические исследования, а затем систематизация сохранившихся деталей и анализ обстоятельств их обнаружения позволили А.В. Дмитриеву произвести реконструкцию сооружений. Цифровая модель этой реконструкции стала основой для 3D-модели мегалитического комплекса.

Для объектов размерами до нескольких десятков метров, для удобства работы в программном обеспечении автоматизированного проектирования CAD (*ArchiCAD*), фотограмметрическую модель приходилось несколько адаптировать, уменьшая предел точности в разных случаях от 0,5–1 до 5–10 см.

Далее поверх сохранившихся остатков сооружения на фотограмметрической модели по контурам восстанавливаются несущие стены здания с воссозданием конструктивной схемы, задаются его высота и прочие параметры конструктивных элементов и узлов. Созданная в программах фотограмметрии 3d-модель является одним из основных источников для построения виртуальной реконструкции в программах 3d-моделирования и проектирования (*ArchiCAD*, *SketchUp*). Полученные в программе Artlantis 5 рендеры строений античного квартала были объединены в анимированные gif-файлы, позволяющие продемонстрировать конструктивные особенности сооружений комплекса³ (рис. 5).

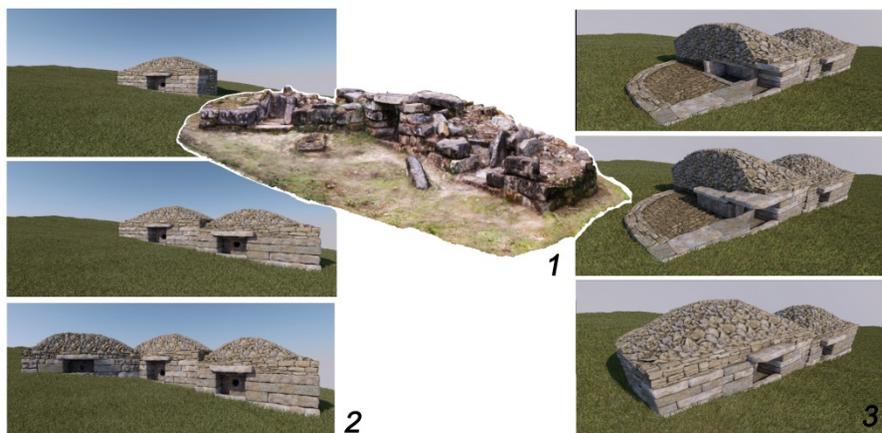

Рис. 5. Дольменный комплекс Серегай-1: 1 – фотограмметрия; 2 – стадии возведения комплекса (3d-модель); 3 – конструктивные особенности сооружения (3d-модель)

Крепиды всех трех дольменов примыкают друг к другу, создавая единый комплекс внушительных размеров. Первоначальная высота подпорной стены была не ниже дольмена вместе с плитой кровли. Перед входом в дольмен из крупных плит был выложен коридор-дромос, перекрытый плитой, которая, будучи несколько выше кровли дольмена, опиралось на нее и на стены дромоса. По аналогии с подобными щебеночными насыпями дольменов, исследованными И.И. Ахановым на Толстом мысу в г. Геленджике, можно предположить, что они имели полусферическое завершение (Аханов 1961: 139–149).

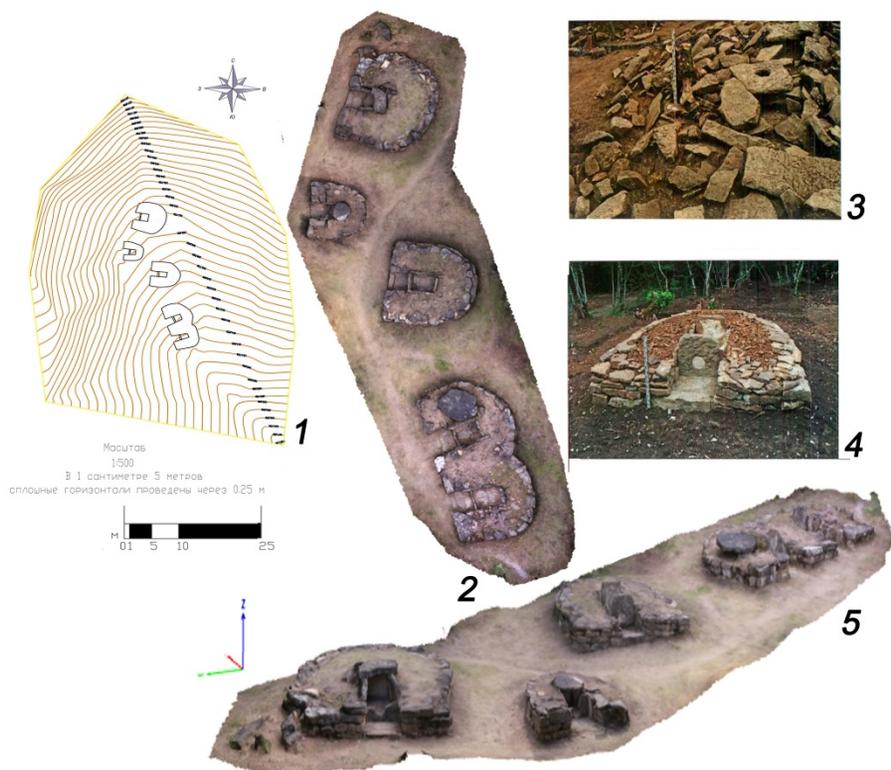
Позднее, в эпоху раннего железа, в месте стыка крепид дольменов 1 и 3 был сложен каменный ящик погребения 1 со скорченным захоронением. Находки в камерах дольменных сооружений свидетельствуют об их использовании вплоть до античного времени в качестве склепов (Кононенко 1987: 5–12).

Судя по завалам верхних рядов кладки крепиды гробницы 2, разрушение дольменного комплекса Серегай-1 началось, по-видимому, еще в древности. Не исключено, что расположенное в известном своей сейсмической активностью регионе монументальное сооружение серьезно пострадало в результате мощного землетрясения, которое привело к разрушению верхних рядов кладки крепиды и перекрытий.

Фрагмент обработанной плиты толщиной 0,2 м, обнаруженный в камере дольмена 2, имел отверстия для раскалывания камня. Их диаметр и характер сверления типичны для карьерных работ конца XIX–начала XX в. В этот период монументальное сооружение начинают использовать как источник строительного камня. Следы старой дороги для вывоза камня говорят, что этот «карьер» функционировал и в 1970–

1980-х гг. Последнее крупное разрушение произошло в 1992 г.: были разбиты торцевые плиты дольменов, значительное количество камня взято для строительства дач.

На гребне одного из отрогов г. Серегай, в 300 м к востоку от первого комплекса, А.В. Дмитриевым первоначально, в 1973 г., был обнаружен одиночный дольмен (Марковин 1978: № 173). Расчистка небольшой площадки (20×35 м) в 2000 г. открыла остатки шести дольменных сооружений – *дольменную группу «Серегай-2»*. Как и ось отрога, группа ориентирована по линии СЮ с небольшим уклоном на запад. Портальные плиты с отверстиями диаметром ок. 0,3 м обращены в сторону первого дольменного комплекса. Топоъемка позволяет предположить, что перед возведением сооружений склон был эскарпирован (рис. 6, 1).

Рис. 6. Дольменный комплекс Серегай-2: 1 – ландшафт; 2 – вид сверху (2017 г., фотограмметрия); 3 – дольмен комплекса до реконструкции; 4 – дольмен комплекса после реконструкции (2000 г.); 5 – вид со стороны порталов (2017 г., фотограмметрия)

Расположенное в южной части, на самой возвышенной части (уровень – 164,75–163,5 м над ур. м.) площадки сооружение дольмена 1

имеет арочную в плане форму (размер 4,4×4,8 м) с уплощенной порталльной стороной. С юго-востока к крепиде дольмена 1 встык пристроена внешняя стена арочной конструкции дольмена 4, так что общая длина сооружений с порталльной стороны составила 8 м.

Боковые стенки дромосных дворики образуют боковые плиты камеры и кладки крепиды, которая сохранилась на высоту трех рядов массивных блоков размером 0,15×0,6×1 м. Полы камеры и дромоса у всех дольменов группы вымощены. С внешней западной стороны дворика читается пороговый камень шириной ок. 0,2 м.

Прямоугольная в плане камера совсем небольшая (1,2×1,4 м), высотой – ок. 0,9 м. Поперечные плиты – трапецевидной формы, поэтому опирающиеся на них боковые стенки имеют наклон внутрь камеры. Как уже указывалось, длинные продольные плиты с двух сторон выступают за пределы контура камеры.

В центральной части площадки обнаружен дольмен 2, причем с северо-запада к нему было пристроено сооружение практически не сохранившегося дольмена 5. Конструкция дольмена 2 арочной в плане формы несколько вытянута по оси камеры и уже в порталльной части (4,7×5,3 м). Размеры камеры (1×1,5 м) сопоставимы с размером дромосной площадки, на которой, как и у дольмена 4, отчетливо читается массивный пороговый камень размером 0,3×0,3×1,9 м, уложенный под боковые кладки дромоса. Дольмен примечателен практически срезанными верхними углами порталльной плиты, высотой ок. 0,9 м.

С севера комплекс замыкает дольмен 3. По уровню он расположен на 3 м ниже южных. Размерами сооружение сопоставимо с дольменами 2 и 3 комплекса Серегай-1. Обращают внимание и более массивные стенки камеры и крупные, длиной до 2 м, блоки в кладках стен дворика, а также ассиметричность конструкции: камера (1,1×1,5 м) и дворик (1×1,2 м) смещены к ЗЮЗ.

Сооружение дольмена 6 расположено в стороне от оси, которая связывает остальные сооружения. Кроме того, его отличают небольшие размеры: 3,3×3,4 м.

Отметим близость конструкций двух дольменных комплексов: плиточная конструкция прямоугольной в плане камеры, сопоставимый с ней по размерам дромос-дворик, образованный порталльной плитой камеры и кладками крепиды насыпи. Под кладки уложена длинная балка порогового камня. Сооружения комплекса Серегай-2 оказались сопоставимы по размерам с дольменными сооружениями 2 и 3 комплекса Серегай-1.

Близка была и судьба: в эпоху раннего железа заброшенные сооружения комплексов использовались местным населением для устройства захоронений. Небольшие по размеру камеры дольменов комплекса Серегай-2 схожи с погребальными сооружениями керкетто-торетского

населения в каменных ящиках в кольцевой башнеобразной кладке. Для захоронения в дольменах 1, 2, 3, 4 поднимались плиты перекрытия.

Рис. 7. Дольменный комплекс Серегай-2: 1 – фотограмметрия; 2 – 3d реконструкция (вид с СЗ); 3 – 3d реконструкция (вид с ЮЗ)

Подобно комплексу Серегай-1 наиболее значительные разрушения памятник Серегай 2 перенес в конце XIX–XX вв.: его использовали как источник строительного камня, в камерах уничтожали неразорвавшиеся в войну боеприпасы.

Заключение

В ходе нашего исследования удалось установить значительный ареал мегалитических сооружений на полуострове Абрау. Как правило, они располагались в верховьях рек, на мысовых площадках горных отрогов. К сожалению, мегалиты Анапской и Цемесской долин оказались «стертыми» многовековым антропогенным воздействием.

Как и практически 80% дольменных сооружений Кавказа, дольмены полуострова Абрау – это обычные, плиточные конструкции (Марковин 1978: 60). Слабая документированность значительного количества известных местонахождений позволяет предположить, что какая-то часть из перечня могла принадлежать остаткам склеповых сооружений эпох раннего железного века и античности.

Дольменные комплексы южной части полуострова Абрау расположены в труднодоступных местах, глубинных районах региона. Наибольшее сосредоточение дольменных сооружений фиксируется на Гудзевой горе и в ее окрестностях. Конструктивно сооружения дольменных комплексов верховий Озерейки очень близки: прямоугольные плиточные камеры, дромосные дворики, боковые стенки которых обра-

зованы кладками кирпичи. Ландшафтные особенности, размеры и взаиморасположение объектов комплексов Серегай-1 и Серегай-2 позволяют предположить существование внутренней иерархии, отражающей некие сообщества среди создателей дольменных сооружений.

Немногочисленные археологические данные о населении, являвшемся носителем дольменной культуры, или их соседях на юге полуострова Абрау связаны с черноморским побережьем региона (устье реки Дюрсо (Кононенко 1982: 1–10; Шишлов, Колпакова, Федоренко, Кононенко 2009: 206–209) и устье реки Мысхако (Дмитриев 1979: 1–13)) (рис. 1, 7).

Примечания

¹ Кроме того, предстоит проверить имеющуюся в сети информацию об остатках, по видимому, другого дольменного комплекса: <http://roksalan.narod.ru/000SetiKK777/OborNovoros/NovorossCemess.html>; https://www.youtube.com/watch?v=-3DLP6WiR_4; <http://roksalan.narod.ru/000SetiKK111/000KA014SetiKK.html> (дата обращения: 14.05.2018).

² К сожалению, утрачена в 1990-е гг.

³ Gif (Graphical Interchange Format File)-файл – формат файла, содержащий набор изображений фотографий с их покадровой сменой в зацикленном режиме. Gif-файлы активно используются для демонстрации процессов, происходящих на одном объекте во времени, и их конструктивных особенностей.

Литература

- Аханов И.И. Геленджикские подкурганые дольмены // Советская археология. 1961. № 1. С. 139–149.
- Гей А.Н., Мальшев А.А., Медникова М.Б., Равич И.Г. К вопросу о распространении традиций степного погребального обряда в предгорьях Северо-Западного Кавказа в эпоху средней бронзы // *Opus. М.*, 2003. С. 214–223.
- Гольева А.А., Мальшев А.А., Медникова М.Б. Погребальный комплекс эпохи раннего металла с каменными конструкциями // *Наследие Кубани*. 2008. С. 136–148.
- Дмитриев А.В. Отчет о раскопках в пос. Мысхако близ г. Новороссийска (могильник и поселение) в Краснодарском крае в 1979 г. // Архив РАН. Ф. 1. Р. 1. Д. 10758. 36 л.
- Дмитриев А.В. Отчет об археологическом исследовании двух дольменных комплексов на отроге г. Серегай в верховьях р. Озерейки у с. Васильевка г. Новороссийска Краснодарского края в охранной зоне резервуарного парка Каспийского трубопроводного консорциума в 2000 г. // Архив РАН. Ф. 1. Р. 1. Д. 24901. 132 л.
- Доброхотов В.П. Черноморское Побережье Кавказа. Справочная книга. Петроград, 1916. 530 с.
- Кононенко А.П. Раскопки мегалитических сооружений в верховьях р. Озерейки на территории дачного кооператива «Бриз» близ г. Новороссийска Краснодарского края в 1986 г. // Архив РАН. Ф. 1. Р. 1. Д. 14553. 1986. 10 л.
- Кононенко А.П. Отчет о доследовании могильника эпохи бронзы в устье реки Дюрсо в 1982 г. // Архив РАН. Ф. 1. Р. 1. Д. 10614. 1987. 10 л.
- Кононенко А.П. Раскопки дольменного комплекса в верховьях р. Озерейки на территории дачного кооператива «Бриз» близ г. Новороссийска Краснодарского края в 1987 г. // Архив РАН. Ф. 1. Р. 1. Д. 12616. 1987. 12 с.
- Кононенко А.П. Дольменный комплекс на г. Серегай близ Новороссийска // Юбилейные XXV «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа: тез. докл. Владикавказ, 2008. С. 211–214.

- Лавров Л.И.* Дольмены северо-западного Кавказа // Труды Абхазский институт языка, литературы и истории им. Д.И. Гулиа (Сухуми). 1960. Т. XXXI. С. 101–178.
- Леонтьев П.С.* Справочная книга Черноморской губернии на 1899 г. Новороссийск, 1899. 168 с.
- Марковин В.И.* Дольмены Западного Кавказа. М., 1978. 328 с.
- Сизов В.И.* Восточное побережье Чёрного моря // Материалы по археологии Кавказа. II. М., 1889. 183 с.
- Сорохтин Г.Н.* Дольмены Черноморской губернии и Кубанской области // Юбилейный сборник Крымско-кавказского горного клуба. Одесса, 1915. С. 90–104.
- Стеллецкий И.Я.* По забытому Кавказу. М.; Л., 1931. 100 с.
- Трифонов В.А.* Поправки к абсолютной хронологии культур эпохи энеолита – средней бронзы Кавказа, степной и лесостепной зон Восточной Европы (по данным радиоуглеродного датирования) // Бронзовый век Восточной Европы: характеристика культур, хронология и периодизация. Самара, 2001. С. 71–82.
- Уварова П.С.* Кавказ. Абхазия, Аджария, Шавшетия, Посховский участок. Пугевые записки. Ч. II. М., 1891. 324 с.
- Уварова П.С.* Несколько дополнительных сведений по вопросу о кавказских дольменах // Материалы по археологии Кавказа, IX. М., 1904. С. 170–175.
- Фелицын Е.Д.* Запднокавказские дольмены // Материалы по археологии Кавказа. XI. М., 1904. С. 14–31.
- Шишилов А.В., Колпакова А.В., Федоренко Н.В., Кононенко А.П.* Работы Новороссийского исторического музея-заповедника // Археологические открытия. Изд. ИА РАН. М., 2009. С. 206–209.

Статья поступила в редакцию 20 апреля 2018 г.

Dmitriev Alexander V., Dryga Danila O., Malyshev Alexey A., and Moor Vyacheslav V.

DOLMENS IN THE ANTHROPOGENIC LANDSCAPE OF THE ABRAU PENINSULA*

DOI: 10.17223/2312461X/21/9

Abstract. Dolmens are one of the most impressive features of the Bronze Age associated with the Caucasus's north-western part. Only a quarter of dolmens were found on the Black Sea coast. However, the spread of tradition is usually perceived to be connected with the sea which has always been a contact zone. In this regard, the Abrau peninsula formed by the most westerly spurs of the Main Caucasian Ridge and being the outermost point of dolmen distribution in the north-west is of particular interest.

A significant area of megalithic structures was identified here. As a rule, these were located in the headwaters of the rivers, on the forelands of the mountain spurs. The systematisation of data and archaeological surveys showed that megaliths of the Anapa and Tsemes valleys were 'erased' by the centuries of anthropogenic impact.

Like nearly 80% of all the Caucasus's megalithic structures, the dolmens of the Abrau peninsula are ordinary constructions made from plates. The most well-known finds are badly documented – the fact that allowed the authors to suggest that some of them in fact belonged to the burial tombs of the Early Iron Age and of the period of Classical Antiquity.

In the southern part of the peninsula, the dolmens are located in hard-to-reach places, with Gudseva Mountain being the place where the majority of them were found. The landscape features, the size, and location of the complexes of Seregai-1 and Seregai-2 allow us hypothesise that some sort of internal hierarchy existed among the builders of dolmens.

Unfortunately, no dolmen of the Abrau peninsula is preserved in its original state to date, and so this study presents the authors' original version of digital visualisation of the dolmen complexes, based on their field research in 2017 and 2018.

Keywords. North Caucasus, megaliths, visualisation, anthropogenic landscape, Bronze Age, photogrammetry

* The research was supported by the Russian Foundation for Fundamental Research (RFFI, grant no. 17-29-04313 ofi-m).

References

- Akhanov I.I. Gelendzhikskie podkurgannye dol'meny [The Gelendzhik dolmens found beneath kurgans], *Sovetskaya arkheologiya*, 1961, no. 1, pp. 139-149.
- Gei A.N., Malyshev A.A., Mednikova M.B., Ravich I.G. K voprosu o rasprostraneniі traditsii stepnogo pogrebal'nogo obryada v predgor'yakh Severo-Zapadnogo Kavkaza v epokhu srednei bronzy [On the spread of the steppe funeral rite in the North-Western Caucasus's foothills in the Middle Bronze Age], *Opus*. Moscow, 2003, pp. 214-223.
- Gol'eva A.A., Malyshev A.A., Mednikova M.B. Pogrebal'nyi kompleks epokhi rannego metalla s kamennymi konstruktsiyami [The burial complex with stone constructions of the Early Metal Era]. *Nasledie Kubani*, 2008, pp. 136-148.
- Dmitriev A.V. Otchet o raskopkakh v pos. Myskhako bliz g. Novorossijska (mogil'nik i poselenie) v Krasnodarskom krae v 1979 g. [Report on the excavations in the village of Myskhako near the city of Novorossiysk (the burial site and the settlement) in 1979 in Krasnodar kray], *Arhiv RAN* [Russian Academy of Sciences Archive]. F. 1, in. R. 1, c. 10758.
- Dmitriev A.V. Otchet ob arkheologicheskom issledovanii dvukh dol'mennykh kompleksov na otroge g. Seregai v verkhov'yakh r. Ozereiki u s. Vasil'evka g. Novorossiiska Krasnodarskogo kraja v okhrannoі zone rezervuarnogo parka Kaspiiskogo truboprovodnogo konsortsiuma v 2000 g. [Report on the archaeological study of two dolmen complexes on the spur of the G. Seregi in the upper river Ozereyka from the village of Vasilyevka of Novorossiysk of Krasnodar kray in the buffer zone of the reservoir tank storage of the Caspian pipeline consortium in 2000], *Russian Academy of Sciences Archive*, F. 1, in. R. 1, c. 24901. 2000.
- Dobrokhotov V.P. Chernomorskoe Poberezh'e Kavkaza. Spravochnaya kniga [The Caucasian Black Sea coast. A reference book]. Petrograd, 1916. 530 p.
- Kononenko A.P. Raskopki megaliticheskikh sooruzhenii v verkhov'yakh r. Ozereiki na territorii dachnogo kooperativa «Briz» bliz g. Novorossiiska Krasnodarskogo kraja v 1986 g. [The excavations of megalithic constructions in the upper river Ozereyka on the territory of the countryside cooperative 'Breeze' near the city of Novorossiysk, Krasnodar kray, in 1986], *Russian Academy of Sciences Archive*, F. 1, in. R. 1, c. 14553. 1986.
- Kononenko A.P. Otchet o dosledovanii mogil'nika epokhi bronzy v ust'e reki Dyurso v 1982 g. [Report on the study of a Bronze Age burial at the mouth of the Durso River in 1982], *Russian Academy of Sciences Archive*, F. 1, in. R. 1, c. 10614. 1982.
- Kononenko A.P. Raskopki dol'mennogo kompleksa v verkhov'yakh r. Ozereiki na territorii dachnogo kooperativa «Briz» bliz g. Novorossiiska Krasnodarskogo kraja v 1987 g. [The excavations of a dolmen complex in the upper Ozereyka River on the territory of the countryside cooperative 'Breeze' near the city of Novorossiysk, Krasnodar kray, in 1987], *Russian Academy of Sciences Archive*, F. 1, in. R. 1, c. 12616. 1987.
- Kononenko A.P. Dol'mennyi kompleks na g. Seregai bliz Novorossiiska [Dolmen complex on G. Seregi near Novorossiysk]. In: *Yubileinye XXV «Krupnovskie chteniya» po arkheologii Severnogo Kavkaza. Tezisy dokladov* [The 25th Krupnov Readings on the archaeology of North Caucasus. Abstracts]. Vladikavkaz, 2008, pp. 211-214.
- Lavrov L.I. Dol'meny severo-zapadnogo Kavkaza [Dolmens of the north-western Caucasus]. In: *Trudy Abkhazskii institut yazyka, literatury i istorii im. D.I. Gulia* (Sukhumi) [The writings of the Abkhaz Institute of Language, Literature, and History named after D.I. Gulia (Sukhumi)]. 1960, T. XXXI, pp. 101-178.

- Leont'ev P.S. Spravochnaya kniga Chernomorskoj gubernii na 1899 g. [A reference book on the Black Sea province in 1899]. Novorossiisk, 1899.
- Markovin V.I. Dol'meny Zapadnogo Kavkaza [Dolmens of the Western Caucasus]. Moscow, 1978. 328 p.
- Sizov V.I. Vostochnoe poberezh'e Chernogo morya [The east coast of the Black Sea]. In: *Materialy po arkheologii Kavkaza*, II [Materials on the archaeology of the Caucasus]. Moscow, 1889. 183 p.
- Sorokhtin G.N. Dol'meny Chernomorskoj gubernii i Kubanskoj oblasti [Dolmens of the Black Sea province and the Kuban region]. In: *Yubileinyi sbornik Krymsko-kavkazskogo gor-nogo kluba* [The anniversary-associated collection of the Crimean and Caucasian Mountain Club]. Odessa, 1915, pp. 90-104.
- Stelletsii I.Ya. Po zabytomu Kavkazu [On the forgotten Caucasus]. Moscow-Leningrad, 1931. 100 p.
- Trifonov V.A. Popravki k absolyutnoi khronologii kul'tur epokhi eneolita – srednei bronzy Kavkaza, stepnoi i lesostepnoi zon Vostochnoi Evropy (po dannym radiouglerodnogo datirovaniya) [Changes to the absolute chronology of the Eneolithic to Middle Bronze Age cultures of the Caucasus, steppe and forest-steppe zones of Eastern Europe (based on the radiocarbon dating)]. In: *Bronzovyi vek Vostochnoi Evropy: kharakteristika kul'tur, khronologiya i periodizatsiya* [The Bronze Age in Eastern Europe: a description of cultures, chronology, and periodisation]. Samara, 2001, pp. 71-82
- Uvarova P.S. Kavkaz. Abkhaziya, Adzhariya, Shavshetiya, Poskhovskii uchastok. Putevye zapiski [The Caucasus. Abkhazia, Ajaria, Shavshetiya, and the Poskhovskiy area. Travel notes]. Part II. Moscow, 1891. 324 p.
- Uvarova P.S. Neskol'ko dopolnitel'nykh svedenii po voprosu o kavkazskikh dol'menakh [Some additional information about the Caucasian dolmens]. In: *Materialy po arkheologii Kavkaza*, IX [Materials on the archaeology of the Caucasus]. Moscow, 1904, pp. 170–175.
- Felitsyn E.D. Zapadnokavkazskie dol'meny [The Western Caucasian dolmens]. In: *Materialy po arkheologii Kavkaza*, XI [Materials on the archaeology of the Caucasus]. Moscow, 1904, pp. 14-31.
- Shishlov A.V., Kolpakova A.V., Fedorenko N.V., Kononenko A.P. Raboty Novorossiiskogo istoricheskogo muzeya-zapovednika [The works of the Novorossiysk Historical Museum-Reserve]. In: *Arkheologicheskie otkrytiya* [Archaeological discoveries]. Izd. IA RAN. Moscow, 2009, pp. 206-209.

УДК 903.22

DOI: 10.17223/2312461X/21/10

БУДДИЙСКИЙ РИТУАЛЬНЫЙ КИНЖАЛ ПУРПА

Нонна Геннадьевна Альфонсо

Аннотация. На основе обстоятельного рассмотрения имеющейся историографии автор выявляет ряд недостаточно проработанных аспектов анализа кинжала пурпа, одного из наиболее энигматичных ритуальных атрибутов северного буддизма. Обращение к коллекциям Государственного музея Востока и опубликованным текстам, в том числе ритуальным, позволило детально представить форму и иконографию кинжалов и уточнить предназначение и способы их использования в ритуальной практике. Будучи рассмотренными в едином ключе, все представленные материалы дали возможность высказать сомнения в обоснованности версии индийского происхождения ритуальной практики пурпа.

Ключевые слова: ритуальный кинжал, пурпа, пурбу, ваджраяна, бон, шаманизм, Падмасамбхава, Дунхуан, *kīla*

Введение

Буддизм ваджраяны (санскр. «алмазная колесница») – одно из направлений северного буддизма, в широких кругах более известен как тибето-монгольский или тантрический буддизм. Зародившись в Индии, эта форма учения в середине VII в. проникает в Тибет, отсюда в XVI в. распространяется по территории Монголии и далее в XVIII в. – среди бурят. Ваджраяна – это сложная система сокровенных учений тантр, йогических и созерцательных практик, а также мистических таинств и обрядов, неотъемлемой частью которых являются ритуальные атрибуты.

До настоящего времени в исследованиях, посвященных буддизму, сравнительно редко затрагивается вопрос о формировании ритуальной практики буддизма вообще и такого богатого в отношении культа северного буддизма в частности. Явно прослеживается тенденция поиска источников буддийской ритуальной практики в древнеиндийских ритуалах и культовой символической. На мой взгляд, без учета истории и специфики религиозной жизни древней Индии, а также особенностей места, где получил распространение тот или иной культ, такой подход может вести к принципиальным ошибкам. Ярким примером в этом отношении является полемика относительно ритуального кинжала *пурпа*. В настоящее время культ пурпа не имеет широкого распространения среди буддистов. Тексты, связанные с этим атрибутом, относятся к ряду тайных тантр, а буддийские учителя крайне неохотно дают пояснения по всем вопросам, касающимся магического кинжала.

Историография

Изучение этого предмета началось сравнительно недавно. В отечественной историографии нет публикаций, посвященных культуре *пурпа*, а среди зарубежных авторов это оружие вызывает жаркие споры о его происхождении, терминологии и иконографии составных элементов; даже по поводу его названия нет единого мнения.

Тибетский термин «*phur-ra*» переводится как: 1) гвоздь, колышек и собственно 2) магический трехгранный кинжал (для изгнания злых духов) (Рерих 1986: 46). Санскритское соответствие – *kīla* или *kīlaka* – также обозначает «колышек или клин», но в известных мне санскритских словарях перевод этих терминов со значением «магический кинжал» не встречается. Другое тибетское слово, которое довольно часто употребляется для названия данного кинжала, – «*phur-bu*», что, согласно словарю Ю.Н. Рериха, помимо первых двух значений, также значит «Юпитер», «Венера», и, кроме этого, служит эпитетом Ишвары¹. Следует отметить, что второй слог этого слова, «*bu*», переводится с тибетского как «дитя, сын». На этот нюанс обращает внимание Джон К. Хантингтон – американский исследователь, автор первого фундаментального труда по иконографии *пурпа* (Huntington 1975). Он писал, что слово «*phur-ra*» фактически используется для обозначения кольев, к которым привязывались веревки при установке палатки. А слово «*phur-bu*» буквально следует переводить как «сын *phur*»². Кроме того, смысловая интерпретация слова «*пурбу*» указывает на связь этого предмета с наконечниками стрел и тем самым намекает на способность этого оружия действовать на расстоянии (1975: 1–2).

По форме рукояти и навершия кинжала Дж.К. Хантингтон выделяет семь типов *пурпа*, причем почти в каждом из них есть еще несколько подтипов. В итоге определить четкие критерии классификации этого ритуального атрибута по внешним признакам автору не удалось. Кроме того, в отдельные главы выделены непальские и китайские *пурпа*, а также кинжалы, относящиеся к традиции *бон*³. К сожалению, в данной работе никак не объясняется стилистическое разнообразие, которое характеризует именно этот ритуальный предмет. Вопросы происхождения и областей применения *пурпа* также остаются вне сферы интересов автора. Между тем именно регион, равно как и сами ритуальные практики, где использовались такие кинжалы до распространения буддизма в Тибете, и являются основным предметом спора в современной историографии.

Томас Маркотти, немецкий этнолог, опубликовал переводы нескольких текстов из руководства для практиков *пурпа*; кроме того, ему удалось сделать описание ритуала с использованием *пурпа* и сфотографировать происходящее во время службы (Marcotty 1987). Классифика-

цию кинжалов этот автор проводит по их предназначению: как объект поклонения, для пассивной магии и для активного магического воздействия. Т. Маркотти считает, что культ пурпа был введен в буддийскую ритуальную практику индийским учителем Падмасамбхавой (VIII в.), а точнее, что Падмасамбхава «усовершенствовал» тибетские ритуалы с кинжалом для нужд буддийской общины. Относительно происхождения этого ритуального атрибута Т. Маркотти поддерживает мнение Зигберта Хуммеля о его шумерских корнях (Marcotty 1987: 12–13).

Версию индийского происхождения ритуальной практики пурпа развивает в своих трудах английский исследователь культа Ваджракилы Мартин Дж. Бурд, долгое время обучавшийся у буддийских учителей школы ньяингма⁴. В качестве основного исторического источника в своем исследовании автор использует тексты тибетских тантр (The *Byang-gter Vajrakīla Tantras*), а также ссылается на археологические находки А. Стейна (Stein) на севере Дуньхуана (Boord 1993).

В своем анализе названия ритуального кинжала М. Дж. Бурд сосредоточивается на вопросе, почему в тибетской литературе для пурпа используется санскритское слово «kīlaya» (с долгим или коротким «и»), и объясняет это тем, что в мантрах обращение к Ваджракиле звучит в дательном падеже (*namo vajrakīlaya* – букв. «слава Ваджракиле»), и таким образом у незнакомых с грамматикой санскрита тибетцев вошло в обиход название Ваджракилая вместо Ваджракила и соответственно kīlaya вместо kīla (Boord 1993: 5). Вполне возможно, что с именем тантрического персонажа Ваджракила такая замена имела место, но зачем тибетцам усваивать новый искаженный термин, если в тибетском языке существует свое точное название этого предмета? Остается непонятным и то, на каком основании магическое оружие Индры – ваджра, с помощью которой он победил змея Вритру (один из самых ярких сюжетов гимнов Ригvedы), отождествляется М. Бурдом с kīla (1993: 39).

По поводу основных доктрин и ритуалов Ваджракилы М. Бурд приходит к выводу, что все они происходят из Индии и восходят к деревянному шипу, который использовался при разметке границ, а в ведическом ритуале наделялся способностью отгонять злых духов (Boord 1993: 223). Ссылаясь на содержание трактата с комментариями на практику kīla, так называемые Черные сто тысяч (*Phur 'grel 'bum nag*), автор утверждает, что основой культа Ваджракилы является учение, выработанное тремя учеными: Падмасамбхавой, Вималамитрой и Шиламанджу, которые объединили и систематизировали буддийскую философию, тантрическую йогу и черную магию деревенских колдунов. «Красиво измененная [ими] с точки зрения теории и практики, эта божественная схема медитации и волшебства была передана впоследствии в Тибет и настолько укрепилась там, в качестве религиозной практики... что многие преды-

душие авторы по Тибету предположили, что *kīla* культ, действительно, тибетского происхождения» (Boord 2002: xiii).

Эту концепцию М. Бурд развивает и в последующих своих трудах (Boord 2002, 2011, 2013). Он также отмечает, что не сохранилось никаких индийских текстов, связанных с формированием культа Ваджракилы (2002: xiv). Да и вообще в огромном массиве древнеиндийской литературы М. Бурду удалось обнаружить лишь один фрагмент, где описывается обряд, связанный с изготовлением магического предмета в виде клинка, отдаленно напоминающего кинжал пурпа – в трактате Каутильи «Архашастра» (III в. до н.э.) (Bord 2002: 3). Иконография и собственно пурпа как ритуальный предмет автором не рассматриваются.

Известный немецкий тибетолог и буддолог Герберт Гюнтер (1917–2006) оценил труды М.Дж. Бурда как «необходимые и запоздалые» в исправлении давнего «искажения исторических фактов» относительно тибетских корней ритуальной практики пурпа (Guenther 1997: 620–621).

Все последующие исследователи приняли эту установку как уверенно доказанный факт. Так, Роберт Бир (Beer), известный художник и исследователь буддийской живописи и символики, не подтверждая, впрочем, свои утверждения никакими источниками, в статье, посвященной ритуальному кинжалу, пишет, что *kīla* происходит из Индии периода Вед – это кол или столб, к которому привязывали домашний скот либо жертвенных животных (Beer 1999: 245). Хотя так поступали по всему миру и во все времена, но почему-то только индийским кольям Р. Бир придает особое сакральное значение.

Большой объем нарративных источников, связанных с культом пурпа, ввели в научный оборот английские ученые Кэти Кантвелл (Cantwell) и Роберт Майер (Maeyer), которые перевели и опубликовали ряд тибетских рукописей, обнаруженных в пещерах Дуньхуана (Cantwell, Maeyer 2008). Основная масса найденных документов датируется, по мнению авторов, концом X – началом XI в. Для публикации они отобрали тексты, которые, так или иначе, имели отношение к традиции пурпа. Сравнительный лингвистический анализ документов позволил авторам установить факт сохранения практики пурпа почти в неизменном виде в современной традиции школы ньянгра. Собранный материал оказался настолько обширным, что вполне логично привел исследователей к постановке вопроса о причинах такой популярности и столь широкого распространения «индийского» культа *kīla* на ранних этапах проникновения буддизма в Тибет. В качестве ответа Кантвелл и Майер предложили перечень из девяти довольно спорных, на мой взгляд, общих для Южной Азии и Тибета культурных и социально-политических явлений, которые способствовали быстрой адаптации индийской практики *kīla* к местным условиям. Сосредоточившись на переводах и комментариях к собранию текстов из Дуньхуана, Кантвелл

и Майер оставили без внимания материальные памятники и современные этнографические исследования в этой области. В частности, можно было бы привлечь чрезвычайно богатый фактологический материал из иллюстрированного издания «Шаманизм и Тантра в Гималаях» (Müller-Ebeling, Rättsch, Shahi 2002). Его авторы – этнолог и искусствовед Клаудия Мюллер-Эбелинг, этнофармаколог Кристиан Рэч и художник икон тхангка Сурендра Бахадур Шахи, благодаря сопровождению гиданеварца практикующего шамана Мохана Кумара Рэя, имели возможность наблюдать на месте и фиксировать обряды и ритуалы, характерные для разных этнических групп Непала, беседовать с шаманами, использующими в своей практике кинжалы пурпа, и записывать их пояснения. С некоторыми выводами и комментариями авторов данной работы не всегда можно согласиться⁵, но обращение к этой публикации позволило бы сравнить современные шаманские культы пурпа с использованием кинжала в буддийской ритуальной практике и выявить их возможный источник происхождения.

Как следует из обзора научной литературы, посвященной кинжалу пурпа, на сегодняшний день нет разработок, где учитывались бы все возможные аспекты этого атрибута. Совершенно недостаточно изучены материальные образцы пурпа, а также основные сферы использования кинжалов в ритуальной практике. Ниже я попытаюсь восполнить эти пробелы на материалах коллекции кинжалов пурпа Государственного музея Востока (г. Москва) с привлечением соответствующих ритуальных текстов.

Форма и иконография кинжалов пурпа

В мировых музейных собраниях нет крупных коллекций кинжалов пурпа, поскольку это главным образом «рабочий» инструмент, с которым его владелец расстается лишь при крайних обстоятельствах. Тем не менее существует достаточно большое количество публикаций этих предметов из разных источников, что дает возможность всесторонне исследовать их структуру и внешние особенности, а также прояснить некоторые вопросы символического наполнения этих предметов.

Характерная особенность пурпа как ритуального атрибута – это чрезвычайно разнообразие их форм; несмотря на строгую каноничность буддийского искусства, крайне редко можно встретить идентичные экземпляры этого предмета. В собрании Музея Востока имеется восемь предметов, относящихся к ритуальным кинжалам пурпа. Их происхождение определяется по большей части как тибетское, по одному экземпляру приобретено в Непале, Монголии и на территории Забайкальского края. Самые ранние образцы относятся к XVIII в., поздние – к середине XX в.

Исследование материальных объектов показывает, что практически не существует никаких пропорциональных соотношений между размерами составных частей пурпа. Их длина может варьироваться от 4–5 см до 2 м (Meredith 1967: 238). Разнообразны и материалы, используемые для их изготовления, – это сплавы на основе меди или железа, дерево, кость, стекло. Иногда для отдельных деталей пурпа могут быть применены разные металлические сплавы. Дж.К. Хантингтон и Т. Маркотти отмечают, что для клинка кинжала предпочтительнее железо метеоритного происхождения как обладающее особыми мистическими свойствами (Huntington 1975: 5–6; Marcotty 1987: 25–27).

Пять кинжалов из музейной коллекции изготовлены из металлических сплавов; два образца – деревянные (инв. № 20108 I, 17242 III) и один, самый маленький (дл. 7,5 см), вырезан из слоновой кости (инв. № 6487 II). Наиболее крупный образец имеет длину 43,5 см (№ 17242 III).

Что касается иконографических особенностей, то три пурпа из металла имеют в целом довольно типичную форму, характерную для этих предметов. К редким образцам сочетания тонкой художественной резьбы и гармоничной сбалансированной формы, что придает кинжалу вид скульптурного изображения, можно отнести деревянный пурпа № 20108 I (рис. 1).

Основной отличительный признак кинжалов пурпа – это наличие трехгранного лезвия, грани которого могут располагаться симметрично относительно друг друга под углом 120 или 90, 90 и 180 градусов и, в зависимости от способа изготовления, иметь на горизонтальном срезе форму треугольника со слегка выпуклыми или вогнутыми гранями, трехлучевой звезды или Т-образную форму.

Грани клинка бывают гладкими (инв. № 17242 III), но чаще всего на них изображены переплетенные пары змей или одна змея на каждой стороне, образующая петлю со своим хвостом, как, например, на образце № 6137 I. В современной буддийской трактовке тройное лезвие клинка символически отображает преодоление трех ядов: невежества, страсти и ненависти, и, кроме того, представляет контроль над тремя временами – прошлым, настоящим и будущим (Beer 1999: 247). Семантика змей-нагов также вполне ясна: наги – обитатели подземного мира, и именно против их вредоносной сущности направлено острие клинка. В качестве гарды над тремя лезвиями в большинстве случаев помещена голова макары (тиб. *chu sgin*) – мифического животного, связанного с водной стихией. Относительно его символики Дж.К. Хантингтон пишет, что учителя школы гелук⁶ относят эти вопросы к области тайных знаний, но в общих чертах почти обязательное присутствие головы макары на клинке пурпа объясняется тем, что «оно было самым могущественным существом в мировом океане, и его сила передается эффекту пурпа. Фактически макара является космогенетическим источником

живой энергии младших божеств мира духов» (Huntington 1975: 6). В редких случаях вместо макары на вершине клинка может быть голова птицы гаруды⁷, известного противника змей в буддийской и индуистской мифологии. Иногда определить, кому принадлежит голова существа на клинке, бывает довольно сложно.

Рис. 1. Кинжал пурпа. Тибет. XVIII – начало XIX в.
Дерево, резьба, роспись, дл. 31,5 см. ГМВ № 20108 I

Следующая деталь – рукоять кинжала, которая может быть резной, граненой, гладкой или же состоять из нескольких простых или слож-

ных геометрических фигур, иметь форму ваджры или сдвоенных лотов, а кроме того, представлять собой тело или туловище божества или духа. Характерная деталь рукояти пурпа – это два или одно кольцо или два переплетенных узла на нижнем и верхнем концах ствола.

И, наконец, навершие на ручке кинжала, где наблюдается еще большее разнообразие форм – от простых объемных фигур до сложных зоморфных или антропоморфных изображений. До настоящего времени никто так и не дал определения и не разработал какую-то классификацию персонажей, изображаемых на навершии пурпа. По сути, согласно традиции школы гелук, «божество, представленное на орудии пурпа, всегда является [божеством] Пурпа, независимо от скульптурного изображения» (Huntington 1975: 5). То есть божественная энергия, заключенная в ритуальном кинжале, может принимать различные визуальные формы. Среди образцов пурпа, которые сохранились и используются в ритуальной практике ваджраяны на сегодняшний день, наиболее часто встречаются кинжалы с навершием в виде трех антропоморфных голов с гневными выражениями, причем каждый лик наделен особыми мимическими чертами: мы видим обнаженные клыки, высушенный язык, закусенную нижнюю губу. В коллекции ГМВ имеется три подобных кинжала из металла (инв. № 6137 I, 17452 I, ГМВ КП 51646). По своим иконографическим признакам такое трехликое божество идентифицируется как Хаягрива (санскр. «лошадиная шея»; тиб. *gta-mgrin*). Отличительным знаком этого персонажа является наличие миниатюрного изображения лошадиной головки (или трех голов) в прическе либо на макушке божества. Образ Хаягривы имеет довольно богатую мифологическую историю. Одним из основных аспектов его деятельности считается покровительство лошадям, а его собственное грозное ржание обладает способностью отгонять злых духов. Вполне естественно, что среди кочевых народов этот образ должен был приобрести особую популярность. С другой стороны, в буддийском пантеоне Хаягрива является *дхарампалой* – одним из самых могущественных защитников учения Будды. Эта мифологическая подоплека играет очень важную роль в связи с ритуалами пурпа, цель которых – преобразование враждебных буддийскому учению сил в защитников и проводников Дхармы (рис. 2).

В буддийской практике существует большая группа пурпа, у которых рукоять и навершие представляют собой скульптурное изображение божества. В собрании Музея Востока имеется очень интересный образец такого кинжала (инв. № 8337 II). Непосредственно к клинку Т-образной формы примыкает миниатюрная рельефная композиция в виде тантрического трехликого многорукого божества в объятиях со своей духовной супругой-праджней. Множество примеров таких пурпа описывает Дж.К. Хантингтон. Вместо рукояти на этих кинжалах поме-

щается фигура божества с одной или шестью парами рук, причем пара рук на переднем плане сжимает миниатюрный пурпа, или голову своей супруги, как мы это видим на нашем музейном образце (рис. 3).

Рис. 2. Кинжал пурпа. Тибет. XIX в. Бронза, литье, гравировка, инкрустация, дл. 25 см. ГМБ № 17452 I

Рис. 3. Кинжал пурпа. Тибет. XVIII – начало XIX в. Металл, литье, ковка, дл. 11 см. ГМБ № 8337 II

Из этой группы кинжалов можно особо выделить пурпа с рукоятью в виде гневного трехликого божества в короне из черепов. Как правило, за спиной божества имеются крылья. Все это является основными признаками Ваджракилы (Ваджракилаи или Ваджракумары) – на сегодняшний день главного идама⁸ школы ньингма. В «Словаре буддий-

ской иконографии» Локеш Чандра определяет Vajrakīla (тиб. rdo gje rhuḡ bu) как «обожествление магического кинжала kīla» (Chandra 2004: 3980). Если это так, то мы можем говорить, что в данном случае первоначально оккультный предмет, не имеющий строго определенной иконографии, постепенно с развитием ритуалистики ваджраяны приобретает собственные канонические формы и культовую практику в качестве образа для медитации. Подтверждением этого является гораздо более широкое распространение живописных икон-тханга с изображением Ваджракилы, чем кинжалов пурпа. Интересно, что образ Ваджракилы довольно близок к иконографическим изображениям Хаягривы (его также часто изображают с крыльями), но только у Ваджракилы вместо ног обычно бывает трехгранный клинок (рис. 4).

Рис. 4. Ваджракила. Тибет. XIX в. Холст, минеральные краски, 64×50 см. ГМБ № 15059 I

Если антропоморфные изображения на ритуальных кинжалах поддаются какому-то логическому объяснению, то гораздо сложнее идентифицировать и определить ритуальное предназначение пурпа с зооморфными фигурами или с изображениями каких-то существ, не относящихся ни к миру богов-людей, ни к животному миру, как, например, в случае с пурпа из музейной коллекции № 17242 III. Этот кинжал выполнен из дерева и раскрашен масляной краской. Длина клинка намного превышает длину рукояти с навершием (как правило, они имеют примерно одинаковую длину, или даже клинок может быть меньше рукояти). Рукоять состоит из гладкого короткого цилиндра, слегка выступающего кольца и сферы, над которой помещена белая голова некоего существа с открытым красным ртом, выступающими зубами, широко расставленными глазами и небольшими острыми ушами. Так в буддийской иконографии обычно изображают обитателей мира претов – «голодных духов». Гладкий череп существа венчает массивная пятилучевая ваджра, что позволяет отнести данный атрибут именно к буддийскому, а не шаманскому ритуальному арсеналу (рис. 5).

Рис. 5. Кинжал пурпа. Забайкалье. Начало XX в.
Дерево, резьба, роспись, дл. 43,5 см. ГМВ № 17242 III

Некоторое единообразие оформления можно отметить лишь среди пурпа с навершием в виде головы Хаягривы; на сегодняшний день это наиболее часто встречающиеся кинжалы. Вся остальная масса вариантов этого ритуального атрибута практически не поддается какой-либо классификации, и потому, пожалуй, главный вывод из предпринятого обзора может заключаться в следующем: иконографические особенности кинжалов пурпа свидетельствуют о том, что эти предметы не име-

ют четких изобразительных рамок и мало связаны с каноничными изображениями персонажей буддийского пантеона.

Ритуальная практика

Предназначение ритуального кинжала пурпа в широком смысле – преодоление препятствий, которые мешают достижению намеченных целей. Помехи и преграды на житейском уровне – болезни, неурожай, стихийные бедствия, физические враги и другие жизненные обстоятельства, возникновение которых тибетцы издревле связывали с вредоносным влиянием разного рода духов. Другой уровень препятствий – ментальный, т.е. совокупность личностных характеристик практика, которые мешают ему продвигаться по пути Дхармы (ненависть, страсть, неведение и все прочее), а также пагубное влияние внешних сил, искушения и иллюзии, насылаемые злыми духами (Мара=Рудра). Способы преодоления препятствий различны: уничтожение, подчинение или преобразование негативного влияния.

В настоящее время ритуальная практика пурпа распространена главным образом в Тибете, Бутане и Непале, причем в долине Катманду ее активно используют шаманы и буддийские священники тибето-бирманских этнических групп (таманг, гурунг, невари, лимбу, магар, рай, тхакали), а также тибетские уроженцы Непала и Индии (бхотии, шерпа). Пурпа, по свидетельству К. Мюллер-Эбелинг, К. Рэча и С.Б. Шахи, «является центром шаманской вселенной». Без него не обходится ни одно ритуальное действие, причем любой продолговатый предмет, поставленный вертикально (свернутый бамбуковый лист, рог козы, бамбуковый посох, даже алтарная ваза), может восприниматься как пурпа (Müller-Ebeling et al. 2002: 10).

Схема основного ритуала довольно проста и является почти универсальной для всех практиков. Вот как ее описывает Дж.К. Хантингтон, получивший информацию от учителя школы гелук: после выбора предписанного местоположения священник помещает равнобедренный треугольник, сделанный из железа, напротив себя. Он служит «тюремным заключением» для духа человека или явления, на которое должен действовать пурпа. В зависимости от назначения ритуала треугольник защищают по четырем, восьми или десяти сторонам (кардинальные направления, кардинальные и промежуточные направления или кардинальные и промежуточные направления плюс зенит и надир) «маленькими» пурпа. Вероятно, именно к таким предметам относится миниатюрный костяной пурпа из коллекции Музея Востока (инв. № 6487 II). На его рукояти в форме куба с четырех сторон изображены тигр, гаруда, снежный лев и дракон⁹. Малые пурпа и железный треугольник не всегда доступны, и тогда их функцию заменяют словесными заклина-

ниями. Но в обоих случаях желательно и вообще считается более эффективным, если присутствуют настоящие предметы. Для помещения духа человека или явления в треугольник используется декламация определенных мантр, выкрикивание заклинаний, рисунки с изображением скованных человеческих фигур, листки бумаги с именами людей или духов, которых хотят поместить в треугольник, или ранее собранные их личные вещи: частицы одежды, волос, срезанные ногти и т.д. Когда дух надежно закреплен в треугольнике, ему наносится удар практиком пурпа и собранные материалы в треугольнике грунтуются наконечником орудия (Huntington 1975: 5) (рис. 6).

Рис. 6. Кинжал пурпа. Тибет. XIX – начало XX в.
Слоновая кость, резьба, дл. 7,5 см. ГМВ № 6487 II

Приблизительно также описывается ритуал «освобождающего убийства»¹⁰ (тиб. *sgrol ba*), которому, как заметили К. Кантвелл и Р. Майер, в исследованных ими текстах из Дуньхуана придается особое значение.

Это известный ритуал Махайогатантры¹¹, которая по сей день остается главной в традиции ньингма. Суть ритуала состоит в тщательно подготовленном собирании злых сил в рамки ритуального изображения, в которое затем наносится удар, выпускающий сознание жертв(ы) в область будд. Центральная функция обряда «освобождающего убийства» – прямое разрушение основного врага – невежества – с помощью ритуальных и умозрительных действий. Как правило, это влечет за собой расширение насильственных методов жертвенно-экзорцистского ритуала до более глубоких внутренних сотериологических целей освобождения собственного ума, так же как других «злых духов» невежества. В то же время такое сотериологическое изгнание нечистой силы часто продолжает сохранять свои обычные внешние экзорцистские коннотации как вторичную цель, но теперь полностью подчиненную и в доктрине, и в литургии по большей части сотериологической цели. В ритуале пурпа экзорцистские действия уничтожения изображения представляют нападение на невежество введенного в заблуждение верующего и возвращение его к истине. Это делается с помощью соответственно посвященного пурпа, воплощающего мудрость всех будд, через которую невежество «освобождено» в мудрость. Во всех этих отношениях пурпа обряды из Дуньхуана и современные традиции очень похожи (Cantwell, Mayer 2008: 7). К документам сотериологического содержания авторы относят тексты IOL Tib J 331.III и IOL Tib J 754, раздел 7.

Однако большая часть документов из Дуньхуана, как отмечают К. Кантвелл и Р. Майер, посвящены ритуалам пурпа, которые описывают практические магические действия, направленные на достижение конкретных целей на бытовом уровне, иногда с некоторым намеком на возможность достижения просветления. К таким текстам, например, относятся два текстовых фрагмента PT 8 IOL и Tib J 491 – заклинания и способы нанесения удара с пурпа с целью подавления или отражения злых сил и магического влияния врагов; текст IOL Tib J 401, раздел 4, посвященный изгнанию с помощью пурпа духов, причинивших тяжелое психическое заболевание, и ряд иных.

В отдельную группу были выделены ранние тексты (XI в.) с описанием ритуалов пурпа, относящиеся к традиции *бон*, но они пока еще не переводились (Cantwell, Mayer 2008: 33).

Авторы приходят к выводу, что тексты конца X – начала XI в. содержат главным образом описания обрядов пурпа, связанных с практической магией. Но в некоторых источниках уже есть упоминания об использовании пурпа в сотериологических целях. Исследователям не удалось обнаружить в летописях Дуньхуана сколько-нибудь существенного и определенного доказательства наличия высших духовных практик, таких как медитация и визуализация с помощью пурпа идама

Ваджракилая Херука (тиб. *gdo rje phug pa*), что в настоящее время является основной частью именно буддийской пурпа-практики (Cantwell, Mayer 2008, 38).

Действительно, в современном буддийском мире культ пурпа главным образом развивается в рамках эзотерических течений. Однако в тех областях, где сохраняется влияние жречества бон или школы ньингма (например, Бутан, Сикким, Мустанг) или тибетские шаманские практики (Непал), ритуальный кинжал продолжают активно использовать для «бытовых» нужд: пурпа – характерное оружие для борьбы с диким яком; его используют для быстрой ходьбы (своеобразный способ бега и прыжков в состоянии транса по неровной каменистой местности); для ритуальных танцев; для духовного очищения мест и построек путем высасывания злых духов по принципу вакуумного пылесоса; для лечения и очищения пищи через шевеление или проливание жидкостей и зерен по лезвию кинжала (Marcotty 1987: 71; Müller-Ebeling et al. 2002: 55). Есть особые ритуальные кинжалы, предназначенные для влияния на погоду. В собрании Государственного Эрмитажа имеется любопытный образец пурпа с текстом заклинания, призывающего дождь (Обитель милосердия... 2015: 462–463). Кроме того, защита земли, которую осваивают люди для того, чтобы предотвратить вредоносное влияние духов-нагов, также осуществляется путем вбивания деревянных кинжалов в землю вокруг полей, палаток, домов, храмов, сакральных объектов.

Сфера применения кинжала пурпа в буддийских ритуалах в настоящее время сокращается, его продолжают использовать в основном практики ньингма, тибетские же шаманы в Непале, насколько можно судить из современной литературы (Müller-Ebeling et al. 2002), продолжают активно использовать это оружие во всех сферах своей деятельности.

О концепции индийского происхождения культа пурпа

Все исследователи культа пурпа сходятся во мнении, что этот предмет в качестве буддийского ритуального атрибута впервые начал использовать Падмасамбхава – один из 84 махасидх¹². Как свидетельствуют исторические хроники, он был приглашен царем Тибета Тисрондеценом в VIII в. по совету философа-миссионера Шантаракшиты для подавления «могущественных местных духов», которые препятствовали распространению буддизма в стране. Согласно традиции, он родился в царстве Уддияна (*Oddiyāna*). Б.И. Кузнецов, исследовавший источники по исторической географии, показал, что Уддияна «включала в себя восточную часть современного Афганистана и долину реки Сват», севернее стран Зан и Шаза-Лин-Кхрод, которые известны из ти-

бетских трудов по географии как области древней Индии (Кузнецов 1998: 20). Сюань-Цзан, описывая страну «Удьяну» отмечает, что здесь весьма «почтенным считается искусство заклинаний». (Александрова 2008: 195–196). Кроме того, Уддияна, находившаяся в пограничном районе между современными Афганистаном и Пакистаном, входила в зону распространения религии бон – это территория древнего государства Шан-Шунг, «простиравшаяся от Хотана на севере до Мустанга на юге и от Гилгита на западе до озера Намцо на востоке» (Андросов 2011: 131). Если так, то можно предположить, что Падмасамбхава был хорошо знаком с одним из важных атрибутов жрецов бон – ритуальным кинжалом пурпа, и, следовательно, успех его миссионерской деятельности был обусловлен тем, что с местными духами он боролся «местным» оружием – заклинаниями и магическим кинжалом.

Далее, все сторонники концепции «индийского» происхождения культа пурпа утверждают, что *kīla* – колышки или деревянные клинья – в качестве ритуального атрибута использовалась в Индии с ведических времен при выборе благоприятного места для мандалы и земли, пригодной для постройки (Beer 1999: 245–249), а также для защиты границ особо важных или сакральных объектов от влияния вредоносных духов (Boord 1993: 223; Cantwell, Mayer 2008: 27). Конечно, клиновидные палочки использовались в Индии с древних времен, но исключительно как техническое средство для разметки территории. Так, например, в Матсьяпуране¹³ в разделе по строительным ритуалам колышек *kīla* упоминается в связи с неблагоприятными приметами, которые могут сопровождать разметку плана мандалы: в случае разрыва шнура или падения колышка хозяину грозили болезнь или смерть (МП 256.21). Причем этот текст относится к периоду, когда культ пурпа активно внедрялся в буддийскую ритуальную практику (а в устной передаче эти наставления существовали еще раньше). Что же касается освобождения выбранного места от злых духов, то у древних индийцев был принципиально другой подход. Согласно текстам грихьясутр¹⁴ для ритуального «очищения» земли и умиротворения злых духов хозяину необходимо было в первую очередь избавиться от вредных растений, а затем трижды обойти выбранное место, окропляя его веткой дерева *шами* или *удумбара* (Ашвалаяна-грихьясутра II.8.II; Хираньякеша-грихьясутра I.27.I), или же просто подмести его метлой из дерева *шами* или *палаша* (Апастамба-грихьясутра VII.17.I). Более того, многочисленные заговоры Атхарваведы против нечистой силы, колдунов, колдовства, реальных врагов, стихийных несчастий и вообще против зла иногда сопровождаются использованием специальных трав или амулетов, но никогда не упоминается какой-либо ритуальный кинжал.

Такие, можно сказать, прямо противоположные взаимоотношения между миром людей и миром духов у индийцев и тибетцев объясняют-

ся особенностями природных условий, в которых проживают те и другие. Территория распространения культа пурпа включает в себя высокогорные районы с чрезвычайно суровыми природными условиями, где внешний мир представлялся человеку сплошь заселенным всякого рода капризными и злобными духами, умиротворить которых далеко не всегда удавалось с помощью подношений, часто требовалось более действенное оружие. И совсем не так окружающая действительность воспринимается в теплом равнинном климате, где можно снимать несколько урожаев в год и не существует постоянной угрозы человеческой жизни¹⁵. Кроме того, что нет никаких древних нарративных источников, в которых описывался бы индийский ритуал с *kīla*¹⁶, не существует ни одного материального образца ритуального кинжала, изготовленного в Индии. Все это, на мой взгляд, позволяет довольно уверенно говорить о том, что ритуальный кинжал пурпа не имеет индийского происхождения.

Сам кинжал по своей форме изначально ассоциировался с колышками для палатки – основного жилища кочевников. От того, насколько прочно будет установлена палатка, напрямую могла зависеть жизнь людей. Вбивая клин в землю, человек вторгался на территорию мира духов; и тем самым через этот колышек устанавливалась сакральная связь между людьми и духами, что придавало простому утилитарному предмету особую мистическую значимость. Получив статус самостоятельного ритуального предмета, колышек пурпа стал наделяться функциями божества, в чьей власти было воздействие на окружающих человека духов. Божество *Phug*, которое с помощью специальных обрядовых действий помещалось в кинжал еще на стадии его изготовления, в процессе дальнейшей эксплуатации в зависимости от целей практика, либо уничтожает, либо подчиняет, или же преобразует негативную «энергетику» (дух освобождается с точки зрения буддийской эзотерики). Тем самым подчиненный, преобразованный и освобожденный дух становится «сыном» божества *Phug-ra*, отсюда второе распространенное название ритуального кинжала «*phug-bu*», что в переводе с тибетского значит «сын *Phug*». С каждым последующим использованием пурбу добавляется больше силы, так что старые многократно используемые орудия часто считают «опасными» для всех, кроме самых продвинутых практиков (Huntington 1975: 36).

На сегодняшний день кинжалы пурпа в буддийских ритуалах используют только последователи школы ньингма, или школы «старых [переводов]», основателем которой был Падмасамбхава. В тот период (VIII в.) шла мощная ассимиляция местных тибетских культов в буддизме. В X–XI вв. практика пурпа уже получила достаточно широкое распространение в буддийском ритуале, о чем свидетельствуют многочисленные рукописи Дуньхуана. С развитием новых школ (сарма) ваджраяны необходимость в этом предмете постепенно отпадает, многие его функции принимает на себя более универсальное ритуальное

оружие – скипетр *ваджра*. Иконография пурпа постепенно приобретает черты божеств пантеона ваджраяны, а схема ритуальных действий обростаёт буддийской мифологической подоплёкой и приобретает соте-риологические цели.

Заключение

Рассмотрение имеющейся историографии позволило выявить ряд недостаточно проработанных аспектов анализа кинжала *пурпа*, одного из наиболее энигматичных ритуальных атрибутов северного буддизма. Обращение к коллекциям Музея Востока и опубликованным текстам, в том числе ритуальным, дало возможность детально представить форму и иконографию кинжалов и уточнить предназначение и способы их использования в ритуальной практике. Будучи рассмотренными в едином ключе, представленные материалы позволяют нам усомниться в обоснованности распространённой в академическом дискурсе версии индийского происхождения ритуальной практики пурпа.

Примечания

¹ Ишвара (санскр. «господин, повелитель, бог») – в буддизме служит для обозначения могущественного, но не всесильного существа.

² Алекс Вейман отвергает такую интерпретацию слова «пурбу» и на основании лингвистических изысканий с использованием санскритских параллелей приходит к выводу, что форма *phug-bu* возникла «из-за путаницы [в санскритском и тибетском языках] с названием планеты Юпитер» (Wauman 1981: 79).

³ Бон – древняя автохтонная религия тибетцев; в настоящее время представляет собой одну из школ тибетского буддизма.

⁴ Ньингма (тиб. «старая, древняя») – традиция ранних переводов санскритских текстов и связанная с ней школа ваджраяны, основанная в конце VIII в. Падмасамбхавой.

⁵ Например, культ пурпа, по мнению авторов, восходит к индуистской традиции шивалингам (Müller-Ebeling et al 2002: 10), а форма пурпа непонятно, каким образом, «вышла из тришула» – трезубца Шивы (15).

⁶ Гелук (тиб. «благой закон») – школа тибетского буддизма, основанная Цонкапой в начале XV в.

⁷ Дж. Мередит (Meredith 1967) ошибочно полагает, что на всех пурпа в качестве навершия клинка изображается голова гаруды.

⁸ Идам – образ в медитативной практике, божество-покровитель.

⁹ Тигр, гаруда, снежный лев и дракон символизируют качества или достоинства персонажа тибетской мифологии лунгта (тиб. «конь ветра»). Флаги с их изображениями развешиваются около всех сакральных объектов на территории распространения буддизма ваджраяны.

¹⁰ Т. Маркотти отмечает, что в буддийских ритуальных тестах, посвящённых культу пурпа, слово «убить» (*bsad*), как правило, заменяется словом *sgrol* (тиб. «освободить») (MacCottly 1987: 4). А в рукописях Дунхуана редко используется термин «*sgrol*», чаще встречается другое слово в значении «освобождение» (тиб. *thar pa*) – преобразование или перенос (Cantwell, Mayer 2008: 6).

¹¹ Махайога – первая из трёх внутренних тантр согласно девятиричной классификации школы ньингма.

¹² Махасиддха (санскр. «великий [совершенный] провидец») – в северном буддизме йогин, предпочитающий совершенствоваться вне стен монастыря, порывая с традиционными нормами поведения – и монашескими и мирскими (Андросов 2011: 285).

¹³ Строительным ритуалам в Матсьяпуране посвящены главы 252–257 и 267–270, которые Р. Хазра датирует с 650 по 1000 гг. н.э. и 550–560 гг. н.э. соответственно (Hazra 1940: 47–48).

¹⁴ Грихьясутры – тексты о домашних обрядах, которые совершал сам домохозяин, большинство их относится к середине – второй половине I тыс. до н.э.

¹⁵ Возможно, из-за других условий проживания и, соответственно, другого мировосприятия, культ пурпа не получил такого распространения в Монголии и Бурятии.

¹⁶ Единственная ссылка М.Дж. Бурда на отрывок из «Атхашастры» (XIV.3.70–72) в качестве санскритского источника по Kīlanavidhī вообще не может приниматься в расчет, учитывая, во-первых, назначение трактата Каутильи, а во-вторых, собственно текст отрывка, где среди прочих магических действий для нанесения ущерба врагу упоминается способ с использованием заточенной палочки «из костей человека, напоровшегося на кол» (Boord 2002: 3).

Список сокращений

ГМВ – Государственный музей Востока

МП – Матсьяпурана

Литература

Александрова Н.В. Путь и текст: китайские паломники в Индии. М.: Вост. лит., 2008.

Андросов В.П. Индо-тибетский буддизм. Энциклопедический словарь. М.: Ориенталия, 2011.

Кузнецов Б.И. Древний Иран и Тибет. История религии бон. СПб.: Евразия, 1998.

Обитель милосердия. Искусство тибетского буддизма: каталог выставки // Государственный Эрмитаж. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2015.

Рерих Ю.Н. Тибетско-русско-английский словарь с санскритскими параллелями. М.: Наука, 1986. Вып. 6.

Beer R. The Encyclopedia of Tibetan Symbols and Motifs. Boston, 1999.

Boord M.J. The cult of the deity Vajrakīla. According to the Texts of the Northern Treasures Tradition of Tibet (Byang-gter phur-ba). Nring: The Institute of Buddhist studies, 1993.

Boord M.J. A Bolt of Lightning from the Blue. Berlin, 2002.

Boord M.J. A Roll of Thunder from the Void. Berlin, 2011.

Boord M.J. Gathering the Elements. The Cult of the Wrathful Deity Vajrakīla (Vajrakīla Texts of the Northern Treasures Tradition, Volume 1). 2013.

Chandra L. Dictionary of Buddhist Iconography. New Delhi (Aditya Prakashan), 2004. Vol. 13.

Cantwell C., Mayer R. Early Tibetan Documents on Phur pa from Dunhuang. Wien, 2008.

Guenther H. Review of the Cult of the Deity Vajrakīla // Journal of the American Oriental Society. 1997. № 117/3. P. 620–621.

Hazra R.C. Purāṇic records on hindu rites and customs. Dacca, 1940.

Huntington J.C. The Phur-pa, Tibetan ritual daggers. Ascona, 1975.

Marcotty T. Dagger blessing: The Tibetan Phurpa cult: reflection and materials. Delhi, 1987.

Meredith G. The Phurbu: The Use and Symbolism of the Tibetan Magic dagger // History of Religions, 1967. Vol. VII, No. 3. P. 236–253.

Müller-Ebeling C., Rättsch C., Shahi S.B. Shamanism and Tantra in the Himalayas / Trans. by A. Lee. Rochester, Vt.: Inner Traditions, 2002.

Wayman A. Notes on the Phur-bu // Journal of the Tibet Society. University of Cambridge. 1981. Vol. 1. P. 79–84.

Статья поступила в редакцию 27 февраля 2018 г.

Alfonso Nonna G.

THE BUDDHIST RITUAL DAGGER 'PHURPA'

DOI: 10.17223/2312461X/21/10

Abstract. On the basis of a detailed examination of available historiographic materials, the author reveals a number of understudied aspects in the analysis of the phurpa dagger, one of the most enigmatic ritual attributes of northern Buddhism. An overview of the collection of the State Museum of Oriental Art (Moscow) and ritual texts provide an opportunity for a thorough study of forms and iconography of daggers and help clarify the purpose and methods of their use in ritual practice. Consideration of the materials presented in a coherent manner made it possible to express doubts about the Indian origin of the ritual phurpa practice.

Keywords: ritual dagger, Phur pa, Phur bu, Vajrayana, Bon, shamanism, Padmasambhava, Dunhuang, kīla

References

- Aleksandrova N.V. *Put' i tekst: kitayskie palomniki v Indii* [The way and text: Chinese pilgrims in India]. Moscow: Vost. lit., 2008.
- Androsov V.P. *Indo-tibetskiy buddizm. Entsiklopedicheskiy slovar': monografiya* [Indo-Tibetan Buddhism. Encyclopaedic dictionary: monograph]. Moscow: Orientaliya, 2011.
- Kuznetsov B.I. *Drevniy Iran i Tibet. Istoriya religii bon* [Ancient Iran and Tibet. The history of Bon religion]. St. Petersburg: Evraziya, 1998.
- Obitel' miloserdiya. Iskusstvo tibetskogo buddizma: katalog vystavki* [Abode of mercy. The Art of Tibetan Buddhism: an exhibition catalog]. Gosudarstvennyy Ermitazh. St. Petersburg: Izd-vo Gos. Ermitazha. 2015.
- Rerikh Yu.N. *Tibetsko-russko-angliyskiy slovar' s sanskritskimi parallelyami* [Tibetan-Russian-English dictionary with Sanskrit parallels]. Vol. 6. Moscow: Nauka, 1986.
- Beer R. *The Encyclopedia of Tibetan Symbols and Motifs*. Boston, 1999.
- Boord M.J. *The cult of the deity Vajrakīla. According to the Texts of the Northern Treasures Tradition of Tibet (Byang-gter phur-ba)*. Nring: The Institute of Buddhist studies, 1993.
- Boord M.J. *A Bolt of Lightning from the Blue*. Berlin, 2002
- Boord M.J. *A Roll of Thunder from the Void*. Berlin, 2011
- Boord M.J. *Gathering the Elements. The Cult of the Wrathful Deity Vajrakīla (Vajrakīla Texts of the Northern Treasures Tradition, Volume 1)*. 2013.
- Chandra L. *Dictionary of Buddhist Iconography*. Vol. 13. New Delhi (Aditya Prakashan), 2004.
- Cantwell C., Mayer R. *Early Tibetan Documents on Phur pa from Dunhuang*. Wien, 2008.
- Guenther H. Review of the Cult of the Deity Vajrakīla, *Journal of the American Oriental Society*, 1997, no. 117/3, pp.620-621.
- Hazra R.C. *Purāṇic records on hindu rites and customs*. Dacca, 1940.
- Huntington J.C. *The Phur-pa, Tibetan ritual daggers*. Ascona, 1975.
- Marcotty T. *Dagger blessing: The Tibetan Phurpa cult: reflection and materials*. Delhi, 1987.
- Meredith G. The Phurpu: The Use and Symbolism of the Tibetan Magic dagger, *History of Religions*, 1967, vol. VII, no.3, pp. 236-253.
- Müller-Ebeling C., Rättsch C., S.B. Shahi. *Shamanism and Tantra in the Himalayas*. Trans. by A. Lee. Rochester, Vt.: Inner Traditions, 2002.
- Wayman A. Notes on the Phur-bu, *Journal of the Tibet Society*. University of Cambridge. Yale, 1981, Vol. 1, pp. 79-84.

УДК 304

DOI: 10.17223/2312461X/21/11

РЕПАТРИАЦИЯ СИМВОЛИЧЕСКОГО КАПИТАЛА И КРИЗИС ИДЕНТИЧНОСТИ В ХОДЕ МИГРАЦИИ ИЗ БЫВШЕГО СССР В ГРЕЦИЮ (1990–2000-е гг.)

Александр Николаевич Мануйлов

Аннотация. В статье рассматривается проблема кризиса идентичности в связи с миграцией из постсоветских стран в Грецию, так называемой репатриацией. В основе работы лежат полевые материалы, собранные в Греции и России; при этом сфокусирована статья на рассказах мигранта из Грузии о причинах его переезда в Грецию, о том, как он приспособился к жизни в новой для себя стране, с какими проблемами столкнулся, почему не желает возвращаться и как оценивает свою миграцию. В основе анализа лежит теория капиталов Пьера Бурдьё, релевантность которой по отношению к миграционным исследованиям обсуждается специально. Целью статьи является анализ эффективности кросс-граничного переноса символического капитала мигрантов и связи этой эффективности с кризисом идентичности. Автор делает следующие выводы: более слабый символический капитал, аккумулированный в странах происхождения мигрантов, позволяет осуществить более эффективную апроприацию и не ведет к утрате профессионализма и понижению социального статуса; более сильный символический капитал обычно является плохим багажом для мигранта в смысле апроприации, однако он играет важную роль в матримонимальных стратегиях и внутригрупповых отношениях; неудача в переносе и подтверждении сильных иностранных капиталов ведет к потере профессиональных навыков и кризису идентичности.

Ключевые слова: теория капиталов, миграция, кризис идентичности, символический капитал, апроприация

Когда я приехал [в Грецию], я отправил свой диплом для подтверждения в специальный центр. Через пятнадцать лет они звонят мне и говорят: «Мы рассмотрели вашу заявку. Вы должны сдать восемь экзаменов, чтобы подтвердить ваше образование. Вы хотите подтвердить ваше образование?» – «Что?! Вы с ума сошли! Нет, спасибо!» – и я положил трубку.

*Из интервью с Георгием Т.,
Александрополис, Греция, 2009.*

Проблематизация

Теория капиталов Пьера Бурдьё (Bourdieu 1986) хотя и весьма распространена в современной литературе о миграции, в большей степени касается закрытых национальных полей, располагающихся в границах государства, чем международных или кросс-границных циркулирующих капиталов и отношений. В соответствии с этим специалисты по миграции, когда они основывают свои аргументы на идеях и терминологии Бурдьё, испытывают некоторую нехватку аналитических категорий и инструментов для своих исследований и производят различные дополнительные категории, чтобы преодолеть методологические разрывы между хорошо отстроенной теорией и плохо интерпретируемыми социальными процессами. Умут Эрел (Erel 2010) в своем исследовании турецкой миграции в Германию и Великобританию, например, обогащает терминологию Бурдьё такими понятиями, как «национальный капитал» и «специфически миграционный культурный капитал», что позволяет ей описать переносимый мигрантами символический капитал и скоординировать «закрытые», или относящиеся к одной стране, концепты с динамикой кросс-границного экспорта символических продуктов. То же может быть сказано об исследовании репатриационного движения из бывших советских стран в Грецию. Хотя Эфтихия Вутира (Voutira 2004), например, не использует концепты Бурдьё, она, тем не менее, интерпретирует свои данные с помощью термина «капитал» и тоже обращается к дополнительной терминологии, заимствуя один из ключевых элементов из работы Николаса Ван Хеара (Van Hear 1998: 51). В частности, она утверждает, что опыт миграций «конституирует *кумулятивный миграционный капитал*», включающий «различные типы ноу-хау: знание транспортных сетей, мастерство в пограничных переговорах с властями и разного рода бюрократами, доступ к различным социальным службам и рынкам труда» (Voutira 2004: 542)¹.

В свою очередь, Ван Хеар выработал свой концепт, позаимствовав термин «кумулятивный» из работы Дугласа С. Массея и др. (Massey et al 1993); Массей писал в 1990: «Я заново ввел концепт “циркулярной и кумулятивной обусловленности” Гуннара Мюрдаля (Myrdal 1957)², идею того, что миграция “индуцирует изменения в социальных и экономических структурах, что делает возможной новую миграцию”» (Massey 1990: 4–5)³. Мюрдаль же в работах 1950-х гг. обновил свою же «упрощенную модель кумулятивной экономической обусловленности», выработанную им в 1930-е гг. (Myrdal 1958: 199, п. 1). Более того, как свидетельствует Нанако Фуджита (Fujita 2004), существует по меньшей мере три течения в теории кумулятивной обусловленности, и Мюрдаль представляет лишь одно из них. Такая длинная цепочка влияний и заимствований свидетельствует о том, что терминологический аппарат

миграционных исследований как был, так все еще и остается в стадии разработки. Взаимосвязь миграции и капитала (в его разных пониманиях) последние три десятка лет вызывает устойчивый интерес антропологов, социологов и других специалистов по миграциям (Werbner 1990; Morales, Pilati 2011; Cederberg 2015; Erel 2015; Reynolds 2015; Ryan, Erel, D'Angelo 2015; Jayaram 2016 и др.). Киран Джаярам в своей статье, посвященной анализу работ об этой взаимосвязи, делает вывод о том, что проблематика (им)мобильности является ключевой в современных социальных исследованиях, а этнография призвана сыграть решающую роль как метод, позволяющий осуществлять изучение этой проблематики, где тема капитала представляется ему одной из важнейших (Jayaram 2016: 28).

Как «капиталы Бурдые» двигаются через / сквозь границы? В целом – с большим трудом. И если все же капиталы пересекают границу, то, скорее, вопреки теории капиталов. Однако это не значит, что данная теория неприменима как исследовательский инструмент; скорее, наоборот: теория Бурдые демонстрирует на своем собственном примере границы применимости капиталов. Пересечение государственных границ генерирует новые формы капитала, например миграционный капитал. Последний, в свою очередь, может быть представлен в виде капитала беженца, капитала экономического мигранта, капитала репатрианта или капитала нелегального мигранта (список можно продолжить). Каждая упомянутая форма миграционного капитала конституируется государственными дискурсами принимающей страны. Как показано в настоящей статье, теоретический базис Бурдые является одним из наиболее релевантных по отношению к миграционным исследованиям, невзирая на необходимость введения некоторых понятий и терминов, развивающих подход Бурдые.

В настоящей статье анализируются некоторые биографические материалы, полученные в ходе интервью и разговоров с мигрантами из стран бывшего Советского Союза в разных местах Греции⁴. Основным источником статьи является автобиографический нарратив моего знакомого из Александрополиса. Я представляю этот материал и осуществляю его анализ, используя другие полевые материалы, полученные в ходе моих полевых исследований в России и Греции в 2008–2011 гг., а также публикации коллег. Кроме того, обсуждаю здесь различные манифестации феномена, известного благодаря Эрику Эриксону как «кризис идентичности» (Erikson 1968). Этот социально-психологический термин стал популярен во всех социальных науках, особенно когда исследователи обращались к изменениям в определенных идентичностях, связанных с «внешними» вызовами (см., например: Harner 2001: 665). В нашем случае термин «кризис идентичности» может быть использован для описания конфликта между ожиданиями и

опытом, полученным экс-советскими гражданами после их «репатриации» в Грецию. Антон Попов в своем исследовании греческой миграции из стран бывшего СССР обращается к опыту информантов в России, совершавших поездки в Грецию, чтобы продемонстрировать связь между кризисом их идентичности и греческим рынком труда (Поров 2010: 69–76). Он подчеркивает экономические и политические причины этого кризиса.

Мой подход несколько иной: первый аргумент состоит в том, что идентичность бывших советских граждан имеет сильный *символический* компонент, играющий важную роль в процессе апроприации ими греческих дискурсов и практик (см.: Мануйлов 2017) в совокупности с его политическими и экономическими последствиями. Их попытки занять «место под солнцем» в Греции имели различные результаты в зависимости от того, какого рода символическим капиталом они обладали до миграции. Второй аргумент состоит том, что сильный символический капитал, аккумулированный в СССР и постсоветских странах, с большим трудом может быть «репатрирован» вместе со своими носителями и использован в Греции. То есть те, кто обладал более сильным символическим капиталом, выраженным в основном в высшем образовании и соответствующих дипломах, а также в опыте работы, допуск к которой обеспечивается этими дипломами, столкнулись с более сложным процессом апроприации греческости. И наоборот, те, кто обладал более слабым символическим капиталом, были в состоянии найти работу в более короткие сроки и часто по специальности; соответственно, они были в состоянии начать процесс апроприации быстрее и с бóльшим эффектом. Неспособность переноса определенных форм капитала создает препятствия для успешной апроприации в таких полях, как язык и образование, а также во множестве высокопрофессиональных субполей. Таким образом, объектом моего исследования являются нарративы информантов о причинах, ходе и последствиях их миграции из постсоветских стран. Предмет статьи – идентичность бывших советских граждан и ее трансформация в ходе миграции, приводящая к кризису. Целью же статьи является анализ эффективности кросс-границного переноса символического капитала мигрантов и связи этой эффективности с кризисом идентичности.

Какого рода капиталы (за исключением этничности как ключевого символического капитала⁵ для репатриации) могли быть аккумулированы бывшими советскими гражданами для миграции в Грецию? На этот вопрос трудно ответить однозначно. Как отмечает Ричард Клогг в отношении понтийских греков – беженцев из Малой Азии 1920-х гг., большинство из них «были в состоянии принести с собой некоторый капитал или, по крайней мере, предпринимательский дух; и они привнесли новый динамизм в экономику [Греции]» (Clogg 2002: 103). Экс-

советские греки, которые начали массово прибывать в Грецию с конца 1990-х гг., на мой взгляд, тоже обладали определенным «предпринимательским духом», упомянутым Клоггом. Эта способность к конструированию экономического и других капиталов «на пустом месте», которую они использовали при переселении в Грецию, обусловлена двумя факторами: 1) тяжелым опытом самоорганизации, полученным большей частью советских греков в 1930–1950 гг., т.е. в период их насильственного переселения в Центральную Азию и Сибирь (см.: Джуха 2006; 2008) и добровольного возвращения в европейскую часть России; 2) опытом интенсивного развития частного предпринимательства в годы перестройки. Мой друг из южнороссийского греческого села Богатырское Панайотис Ф., который провел десять лет в Греции и затем вернулся обратно, так прокомментировал ситуацию с переселением греков:

Те, кто приезжает из России и других [экс-советских] стран, сразу начинают заниматься коммерцией. Они привозят товары из России, продают их на открытых городских рынках без налогов, по решению греческого правительства, затем покупают другие товары, необходимые в России, и продают их там, в России. Одновременно строят себе дома в Греции или участвуют в строительстве многоэтажек, оплачивая себе квартиры.

А моя знакомая из Эссентуков Афина Р. вспоминает первые поездки ее семьи в Грецию как постоянную торговлю на рынках такого рода в Фессалониках:

Мы уже знали, что начнется [в Грузии], поэтому переехали [в Эссентуки] заранее, в 1990-х. С тех пор жила то в Эссентуках, то в Греции. В Греции мы работали. Отправляли [туда] контейнерá с товаром [из России], встречали их там. Торговали... Я выучила язык греческий на рынке. В Салониках торговали... Мы, вот, раскладывались – километр товара! Рынок не настолько большой [был], сколько нам надо было места... Мы с России отправляли ашхабадские ковры, гусьхрусталеvский хрусталь, богему, вот такое...

При этом утрата профессиональных навыков, карьеры является обычным явлением для мигрантов с высшим образованием. В то же время невозможно представить «портрет» персоны мигранта или семейный портрет, который бы репрезентировал всю экс-советскую диаспору в Греции. Среди экс-советских греков в Греции можно обнаружить выходцев из самых разных социальных групп. Напротив, я считаю более важным представить конкретные жизненные истории и мнения участников репатриации.

Если все же попытаться найти решение проблемы капиталов мигрантов, мой аргумент был бы таков: наиболее сильный капитал для успешной миграции – это финансовый капитал (или деньги) или любая другая форма капитала, который легко может быть конвертирован в деньги (например, недвижимость или частный бизнес). Финансовый капитал, как кажется, даже сильнее, чем этнический поскольку любая персона из любой страны имеет право инвестировать значительный финансовый капитал в национальную экономическую систему, и принимающая европейская страна предоставляет такой персоне свое гражданство. Как упомянуто выше, Бурдые рассматривает экономический капитал как «немедленно и непосредственно конвертируемый в деньги», как капитал, который «может быть институализирован в форме прав собственности» (Bourdieu 1986: 243). Однако символический капитал в форме «подтвержденной» этничности играет значительную роль в обретении нового гражданства и является привлекательным даже для состоятельных людей.

Георгий из Грузии

Один из моих знакомых Георгий С. не является состоятельным человеком. Он родился в 1951 г. в Грузинской ССР (в Цалкском районе), где проживал до окончания школы. Его отец и мать были потомками выходцев из Карса (ныне – часть Турции), называемых урумами, и проживших всю свою жизнь в одной из деревень Цалкского района (см. о греческих селах этого района: Читлов, Читлов, Гуриели 1992). Окончив школу, Георгий поступил в университет в Тбилиси, по окончании которого получил квалификацию математика и учителя математики. Он женат на своей однокурнице Ольге, также происходящей из семьи урумов Цалкского района. Георгий говорит на русском, азербайджанском, армянском, грузинском, турецком (возможно, он имел в виду свой родной урумский диалект), а теперь и на новогреческом. По окончании университета Георгий и Ольга стали работать учителями в средних школах Тбилиси. У них двое детей, сын и дочь. Они уехали из Тбилиси на собственной машине в 1993 г., пересекли территорию Турции и затем, прибыли в Грецию. Они решили поселиться в северной Греции недалеко от турецкой границы в городе Александруполис. Их дети закончили местный медицинский институт; на момент нашего знакомства в 2009 г. их сын только получил диплом и намеревался жениться, в то время как дочь была уже замужем, имела сына-первоклассника. Основным семейным языком у них оставался русский.

Незадолго до отъезда семьи Георгия из Грузии с сыном, в то время тринадцатилетним подростком, в Тбилиси произошел инцидент: он стал жертвой уличных бандитов, которые напали на него недалеко от

дома и, как говорит Георгий, «приставили к груди обрез и заставили снять всю одежду; так что домой он пришел голый». После этого случая Георгий и Ольга начали собирать документы, необходимые для получения греческих виз и выставили на продажу свою трехкомнатную квартиру. В качестве серьезной причины отъезда Георгий также называет грузинский национализм. Сейчас, однако, он вспоминает о своей жизни в Грузии как о «хороших временах» для него и его семьи, временах процветания и успешных карьер. Он постоянно повторяет: «У меня ностальгия по России».

Хотя Георгий – дипломированный математик, он долгое время не имел возможности подтвердить свой диплом в Греции (см. эпиграф). Он сменил множество работ в тех областях, где не требуется какая-либо квалификация. На момент нашего знакомства в 2009 г. ему было 58 лет и он работал охранником в маленьком дешевом отеле. Иногда он подменял хозяина отеля, работая в качестве администратора, помогал в кафе.

Когда семья Георгия отправлялась в Грецию, он надеялся найти работу школьного учителя для себя и своей супруги, но это оказалось невозможно без подтверждения дипломов о высшем образовании и без уверенного знания новогреческого языка. Он не знал о необходимости подтверждения дипломов, так как никогда не бывал в Греции и не имел там родственников. Кроме того, в связи с экономическим и политическим кризисом в Грузии Георгий смог выручить только 15 тысяч долларов США за свою трехкомнатную квартиру в Тбилиси. Этих денег едва хватило, как говорит Георгий, чтобы добраться до Турции и пересечь границу, так как « всю дорогу нам приходилось платить тем, этим, пятым, десятым... Очень много постов было, и все требовали взятки. Слава Богу, до границы турецкой добрались, правда, денег уже было в обрез».

Когда семья достигла Греции, она уже не имела никакого финансового капитала. Миграция без финансового капитала – это типичный случай для хорошо образованных мигрантов из бывшего СССР. Прибывая в Грецию, они, как правило, не имеют ничего, кроме неподтвержденного символического капитала, выраженного в дипломах вузов. Случай Георгия был усугублен еще и тем, что он не был знаком с условиями жизни в Греции и, в то же время, нес ответственность за членов своей семьи. Он говорит:

В Тбилиси мы жили хорошо. У нас было все, что нужно, хотя зарплаты и не были высокими. А здесь я никому не нужен. Я думал вернуться, но детям здесь нравится. Они оба врачи. Поэтому мы решили не возвращаться. Да и что мне делать в России, когда скоро на пенсию?

Рассуждая о своей нелегкой жизни в Греции, Георгий находит лишь один аргумент, чтобы остаться, – беззаботное будущее его детей. Таким образом, здесь работает особый тип социального инвестирования –

инвестирование в молодое поколение, которое характеризуется, по Бурдье, отсроченной перспективой обратного инвестирования (Bourdieu 1994: 5–6). Другими словами, Георгий конструирует позицию жертвователя и занимает ее, становясь одновременно и жертвователем, и жертвой. Миграция ради благополучия детей – мотив, характерный для мировых миграционных процессов в целом. Но Георгий придает этой теме и религиозный смысл, объясняя, что его жертва «угодна Богу». Его речь в целом содержит множество отсылок к православию, и содержательных, и ритуальных. Рассказывая о переезде через Грузию до турецкой границы, Георгий подытоживает историю об этой поездке такими словами: «Я въехал в Турцию и перекрестился!» Рассказ Георгия был очень эмоционален, и, произнося эту фразу он быстро и размашисто осенил себя крестом. Этот жест тогда, на границе с Турцией имел значение благодарности за спасение, за то, что самый опасный участок пути остался позади. Ситуация интересна также и тем, что Георгий является православным христианином, который пересекает границу родной страны и въезжает в Турцию, светское государство, но с господствующим исламом.

Не стоит игнорировать и еще два факта, это то, что предки урумов переехали на Кавказ из Османской империи, и Турция с ее святынями понтийских греков выглядела для Георгия как родина его предков; а также то, что его родной язык хорошо понимается турками, а сами Георгий и Ольга прекрасно понимают турецкий. Осенив себя крестом, Георгий, таким образом определил «водораздел» между турбулентным и опасным миром, который представляла из себя в то время Грузия, и миром его предков, начавшимся с пересечения грузинско-турецкой границы. Георгий понял, как он говорит, что ему удалось спасти семью, машину и весь их багаж. Рассказ об этом событии, как и само событие (крестное знамение), являются элементами сложного дискурса об идентичности Георгия, где есть место и России, и Грузии, и Турции, и Греции как «родной земли», родины предков для Георгия и всех урумов.

Обосновавшись в Греции, Георгий пытался начать свой бизнес, как и многие другие мигранты из бывшего СССР, используя старые связи. Продав машину, он инвестировал денежные средства в проект по доставке из российского черноморского порта строительных материалов с дальнейшей продажей их в Греции. Однако греческая таможня задержала груз и потребовала большую сумму в виде таможенного сбора, чем предполагал Георгий.

Я заключил с ними договор, где четко была прописана сумма по налогам. Но когда груз пришел, они говорят: «Нет, это еще не все, это лишь часть налогов, а надо заплатить еще и за то, и за это». В общем, обманули меня. А тут еще и партнер меня кинул, тот, который меня на это дело подбил. Таможня же груз задержала, а он нашел за это время другого поставщика для своей стройки.

Позднее Георгию удалось продать эти стройматериалы, но по очень низкой цене. В результате он потерял все свои деньги и остался должен, правда, не очень большую сумму. Занимал он у друзей, чтобы уплатить все налоги таможен. После этого случая Георгий уже не помышлял о бизнесе, да и не имел для этого стартового капитала.

В ходе наших бесед Георгий объяснял свой отъезд разными причинами: желанием воссоединиться с другими греками, стремлением переселиться на родину предков и даже получить бонусы от греческого государства и заняться бизнесом. Но любое из этих объяснений показывало, что устремления Георгия не оправдались и что он потерпел неудачу. Воссоединение с другими греками вылилось в стигматизацию «русопонти»⁶. Переселение на землю предков лишило его возможности работать по профессии и вызвало чувство ностальгии. Бонусы он не получил в полном объеме, так как не захотел поселиться на специально отведенных для репатриантов территориях и заниматься сельским хозяйством, а независимый бизнес у него явно не пошел.

Тем не менее, Георгий не желает себя считать неудачником, и в ходе наших бесед он постепенно начал репрезентировать свою биографию как *проект*. Похоже, что потребность обоснования, потребность формулирования аргумента, главного аргумента его жизни, натолкнула его на это. Для нас обоих постепенно стало очевидно, что его жизнь была прожита ради детей; она была одновременно и жертвоприношением, и, в некоторой степени, успехом.

В целом я рад, что мы переселились. Детям здесь хорошо. Они получили хорошее образование... А у внуков еще лучше все будет. Пусть я этого не увижу уже, но я знаю точно, у них все будет хорошо!

Ясно теперь, что ностальгическое чувство по отношению к России происходит из этого дискурса о жертвоприношении. Георгий никогда не проживал на территории собственно России, но для многих людей Россия – не только наследница СССР, но и его символический приемник. И Георгий, говоря о России, имел в виду, конечно, СССР.

Итак, в последней нашей беседе Георгий окончательно сформулировал основную причину своей миграции: он уже настаивал на том, что единственным его стремлением было обеспечить будущее детей. Таким образом, в разных вариантах своего рассказа о причинах миграции Георгий позиционирует себя то в качестве «бриколера», то «автора проекта»⁷. Противоречие в этих двух позициях проявляется тогда, когда Георгий пытается преодолеть неудовлетворенность своей миграционной историей, ретроспективно представляя ее как историю жертвоприношения. Рассказывая о своей жизни, возможно впервые, Георгий вспоминает свои сомнения, мысли и чувства. И не пытается подчинить их главной идее жертвоприношения. В процессе рассказывания он об-

наруживает неувязки и противоречия в своей истории, видит слабость своих собственных аргументов. Но постепенно он формулирует главную тему своей жизни – идею жертвоприношения – и пытается использовать ее, чтобы обосновать основные события миграции. Идея жертвоприношения развивается постепенно: он начинает с темы нападения на сына и последовавшей «вынужденной»⁸ миграции его семьи, но затем превращает эти события в проект, особый жизненный план, который он всегда хотел осуществить. Да, Георгий как автор проекта понимает, что принес себя в жертву и что его жена Ольга тоже страдает. Но и муж, и жена, по словам Георгия, едины в оценке своей миграционной истории, т.е. они разделяют общий дискурс о жертвоприношении и посвятили жизни с момента отъезда из Тбилиси их общей цели спасения своих детей, чтобы дать им наилучшее будущее. Несомненно, решение эмигрировать, принятое Георгием и Ольгой, воплотилось в действие, которое может быть оценено как бриколаж. Многие мигрантские истории – это, по существу, истории бриколажа, и основываются они на стремлении попробовать что-то новое. Однако перспектива слушающего исследователя побуждает рассказчика представлять свои истории как спланированный проект, который был хорошо обдуман и осознанно осуществлен. Дискурсы о жертвенности по отношению к детям воспринимаются положительно и в постсоветских обществах, и в Греции. Забота о детях полностью поддерживается широко распространенным среди постсоветских граждан дискурсом о семье, разделяемым и в среде цалкских греков.

Переезд семьи Георгия в Грецию выглядит как бегство от плохой жизни к хорошей. Он едва ли имел какое-то представление о том, как эта «хорошая» жизнь в Греции устроена, но ясно осознавал, как устроена «плохая» жизнь в Грузии. Георгий, конечно, не мог предвидеть, что будет заканчивать свою трудовую карьеру охранником в маленьком отеле; он надеялся организовать бизнес, но потерпел неудачу, потеряв машину и став должником; он не мог предвидеть, что путь от Тбилиси до Батуми и далее до границы будет стоить ему трехкомнатной квартиры. Конечно, он размышлял, как правильно поступить, и находил лучшие, как ему казалось, решения. Другими словами, Георгий пытался создать для себя и своей семьи новую жизнь из того, что было под рукой, как бриколер производит свое творение. Капитал «подтвержденной этничности» с его материальным выражением в визах для всей семьи является, бесспорно, наиболее существенным элементом в бриколерской стратегии Георгия. Свой экономический капитал он конвертировал в деньги, оставив только автомобиль и вещи, которые возможно увезти: его экономическая ценность заключалась в том, что использование личного автомобиля – это самый дешевый способ, чтобы вчетвером добраться до Греции (хотя, как уже отмечалось, он не принял во

внимание поборы на дорогах). Таким образом, Георгий не рассчитал в точности стоимость переезда и не оценил риски, связанные с таким дальним путешествием на машине. Он просто хотел уехать и пытался сделать это настолько дешево и удобно для всей семьи, насколько мог. Свой символический капитал он «взял с собой» в форме диплома о высшем образовании и трудовой книжки, однако на пути конвертации этого капитала в греческий символический капитал возник «Центр по признанию дипломов зарубежных университетов».

Что касается преподавания, которым Георгий намеревался заниматься в Греции, то допуск в поле образования тщательно контролируется государством. Более того, в Греции это поле производит и поддерживает сильные националистические дискурсы (Tzanelli 2006), которые проявляются в виде регулярных политических скандалов, возникающих в связи с правом школьников нести флаги на ежегодных школьных парадах. Лучшие ученики школ получают право нести эти флаги, и причины скандалов – в этническом происхождении этих учеников. Иногда лучшими учениками становятся дети негреческого происхождения, например русские или албанцы, это, собственно, и вызывает бурную негативную реакцию националистов (см. подробно: Manuylov 2015: 145–147).

Георгий как обладатель символического капитала, аккумулированного за рубежом, обнаружил поле образования практически закрытым для себя, хотя его компетенции вполне соответствуют аналогичным греческим. Три ключевых фактора не позволили Георгию вернуться к своей профессии: 1) языковая проблема, которая служит также и маркером его не-греческости; 2) жесткий контроль поля со стороны государства (см.: Manuylov 2015: 150–152), который выражается, в частности, в пятнадцатилетнем сроке, необходимом для принятия решения в отношении советских дипломов Георгия и Ольги; 3) ограниченное количество мест на рынке труда, особенно для людей возраста Георгия и Ольги, что производит интенсивную конкуренцию среди кандидатов (см.: Patrinos 1997: 217). Все это привело к тому, что с течением времени Георгий утратил свой профессионализм.

Символический капитал Георгия, аккумулированный в другой стране, не мог быть распознан в публичной сфере, так как он не был конвертирован или подтвержден. Он сохранил свое значение только внутри семьи. Благодаря семейным механизмам инвестирования символические капиталы Ольги и Георгия сыграли свою роль в том, что их дети были сориентированы на получение высшего образования⁹, дальнейшее развитие своих карьер и выбор брачных партнеров (т.е. матримонийные стратегии).

Анна Триандафилиду и Мариангела Вику, разбирая социальную структуру греческого общества, сформулировали понятие «иерархия

греческости» и показали, что эта иерархия является дискурсом, произведенным государством (или, точнее, различными ключевыми институтами государства) и разделяемым населением Греции (Triandafyllidou 2001: 126; Triandafyllidou, Veikou 2002: 191). Понтийские греки, к которым относятся и выходцы из бывшего СССР русопонти, «являются, так сказать, гражданами второго сорта» (Triandafyllidou 2001: 126).

В брачных стратегиях «второсортная греческость» может быть более важным фактором, чем, например, степень по медицине или успешная карьера (Lianos, Asteriou, Agiomirgianakis 2004: 162). Дочь Георгия вышла замуж за соотечественника из Грузии, тоже врача, и их семейная жизнь была «очень гармоничной», по его словам, сын только собирался жениться, но родители невесты выражали свое несогласие на этот брак в связи с этническим происхождением их будущего зятя, родившегося в Тбилиси, а также в связи с социальными позициями его родителей («Мы же простые люди», – объясняет Георгий). Он и сам не одобрял выбор сына в основном из-за пренебрежительной позиции родителей невесты. Георгий и Ольга, утратившие в Греции профессионализм, имели символические капиталы, хорошо распознаваемые в среде понтийцев, выходцев из постсоветских стран, находившиеся в основном в таких же условиях, как и Ольга с Георгием; все, что они могли, – это инвестировать в собственные семьи, и старались обеспечить детей высшим образованием и интеллектуальной средой, необходимой для этого. Ольга и Георгий были успешны в случае брака своей дочери, так как семья ее мужа принадлежала к той же социальной группе, имела то же этническое происхождение и также пережила миграцию. Это явление весьма широко распространено в среде мигрантов из России и других постсоветских стран. Случай Георгия, хотя и типичный, не является единственно возможным. Описанный мною ранее случай Анны (Мануйлов 2017) показывает, что ей удалось подтвердить в гораздо более короткий период свой диплом по фармацевтике, найти работу по специальности и затем, приобретя опыт, стаж работы и авторитет, перейти в бизнес по медицинскому страхованию. Однако не следует упускать из внимания, что Анна прибыла из России в Грецию в более раннем возрасте, чем Георгий, и она не была отягощена ответственностью за семью. Мне знакомы и другие случаи успешных карьер в Греции среди специалистов с высшим образованием, полученным в советских и постсоветских вузах, даже в поле греческого образования.

Ежегодно с 1995 по 1997 г. греческий Центр по признанию дипломов зарубежных университетов получал по десять тысяч заявлений¹⁰. Для меня остается неясным, почему заявления Георгия и Ольги рассматривались настолько долго (впрочем, большинство моих информантов с университетскими дипломами отмечали, что они имели серьезные проблемы с подтверждением своего образования и тратили на это мно-

го времени). Я могу лишь предположить, что дипломы из постсоветских стран могли рассматриваться в самую последнюю очередь в соответствии со списком приоритетов. Упомянутый Центр как элемент экономического поля Греции выражает и осуществляет внутреннюю логику этого поля (в отношении иностранных дипломов), и состоит она в том, что «выпускники университетов из стран ЕС лучше осваиваются на греческом рынке труда с точки зрения трудоустройства в сравнении с выпускниками из всех других стран, и получают более высокие зарплаты, чем выпускники с Балкан» (Lianos, Asteriou, Agiomirgianakis 2004: 160). Поэтому возможно предположить иерархию иностранных дипломов, в верхней части которой – дипломы из стран ЕС, затем – из балканских стран и еще ниже – из постсоветских. Результатом этих обстоятельств является двойная иерархия (объединяющая иерархии этничности и «качества» диплома), в которой мигранты из бывшего Советского Союза не занимают и не могут занять высокие уровни ни в государственном, ни в частном секторе.

Слабый символический капитал и его миграционные преимущества

Э. Вутира отмечает, что процесс иммиграции в целом сопровождается «утратой классовой принадлежности и навыков (declassing and de-skilling experience)», общей для мигрантов из бывшего СССР в Грецию, Германию и Израиль (Voutira 2004: 538). Я согласен с ее утверждением, если его применять к таким, как Георгий, людям, у которых имеется значительный символический капитал, распознаваемый в качестве такового только в стране их происхождения, но не в Греции, где его необходимо дополнительно подтверждать. Однако другие мигранты, чей символический капитал был аккумулирован вне университетов и заключался в навыках практической деятельности, обычно получают допуск к соответствующим полям в Греции только на основе своих навыков и умений. Этот допуск характеризуется низкими требованиями к владению языком, а сами поля не требуют признания каких-либо документов.

Разумеется, те, кто обладает более слабым символическим капиталом, чем Георгий или Анна, представляют собой совершенно иной вариант миграции. Николай, автомеханик, родился в Самарканде в 1967 г. в греческой семье. Его отец родом из Евпатории, а мать отца – «то ли из Евпатории, то ли из Константинополя, в то время это была еще территория Греции». Эта самая бабушка Николая говорила на языке «очень близком к новогреческому». В 1944 г. евпаторийская семья подверглась репрессиям и была депортирована в Сибирь, за исключением бабушкиного старшего брата, который сохранил свой греческий пас-

порт и на основании его был выслан как иностранец в Узбекистан. В 1956 г. «сибирская» часть семьи переселилась в Самарканд и воссоединилась с «узбекской» частью. Семья матери Николая происходит из Абхазии. Эта семья тоже пострадала от репрессий против греков и была выселена в Казахстан, но в Казахстане доктора порекомендовали деду Николаю переехать в Узбекистан из-за неподходящего для его здоровья климата. И семья вынуждена была снова переезжать, на этот раз в Самарканд, где родители Николая и познакомилась. У Николая есть брат 1969 г.р., жена и сын. «Школа, армия, работа, – говорит Николай о своей жизни в Узбекистане, – вот и вся биография». Тем самым он показывает, что его история типична для множества советских людей. Вернувшись из армии домой, Николай стал работать как автомеханик в своем родном Самарканде. Но в 1988 г. он решил посетить Грецию в качестве туриста. «И что-то мне понравилось здесь, но вот что?» – задумчиво произнес Николай. К 1994 г. семья решила переезжать в Грецию и реализовала это намерение в 1996 г. Группа репатриантов состояла из Николая, обеих его бабушек, отца, матери, брата, жены и сына, т.е. всего восемь человек переезжали одновременно. В Афинах поначалу они остановились у родственников, затем с помощью этих родственников сняли квартиру. Николай стал работать на стройках как разнорабочий. Он был в помощниках у пожилого строителя: «Помогал одному старичку. Он найдет работу – и я с ним, все время его сопровождал». После четырех месяцев таких случайных работ Николай нашел место в афинском метро, но вскоре обнаружил этот самый автосервис, где смог продемонстрировать свои умения, и владелец, Степан, выходец из Абхазии, взял его автомехаником. Вскоре его брат Константин тоже устроился в эту мастерскую.

Все их коллеги по мастерской начинали свою профессиональную деятельность как автомеханики в своих странах и довольно быстро после прибытия в Афины, обычно в течение года, находили работу у Степана в автосервисе.

Если сравнить два случая – Николая и Георгия, – вывод кажется ясным: чем сильнее символический капитал, полученный за рубежом, тем более проблематично его подтверждение. Таким образом, процесс (ре)апроприации греческой идентичности также более проблематичен и растянут во времени. Наряду с этим следует отметить, что оба мужчины имели возможность использовать свою этничность как капитал, позволивший им получить доступ к миграции в качестве репатриантов.

Наконец, следует принять во внимание также и физический (телесный), или сексуальный, капитал (см.: Martin, George 2006; Green 2008; Goldenberg 2010), который также является формой капитала, используемого при миграции. Упомянутая выше Анна утверждала, что «был период [конец 1990-х], когда все бордели были заполнены дамами из

России» (см. также о 2000 г.: Triandafyllidou 2000: 197–198; Gropas, Triandafyllidou 2007: 150). Джеймс О. Финкенауэр и Элин Дж. Уоринг (Finckenaueer, Waring 1998) считают, что мигрировавшие из России и восточноевропейских стран женщины, работающие проститутками, стали серьезным вызовом для Греции к 1990-м гг. В 1995 г., например, множество греческих полицейских было арестовано за организацию проституции с участием иностранок и руководство их трафиком. Финкенауэр и Уоринг также отмечают, что «в Грецию завлекали множество российских и восточноевропейских женщин обещаниями богатой жизни. По прибытии их паспорта изымались и продавались владельцам ночных клубов. Женщины превращались в настоящих заключенных и насильно склонялись к занятию проституцией» (Finckenaueer, Waring 1998: 140). Обычно эти женщины не имели ничего, кроме физической привлекательности, и некоторые из них использовали ее как вид символического капитала, который является необходимым и достаточным средством доступа к полю секс-индустрии. Многие из моих знакомых, проживающих в Патре, Эгионе, Афинах и Александруполисе, рассказывали истории о женщинах из России, работавших в ночных клубах. Основным их стремлением была, конечно, не проституция, а замужество и создание семьи в Греции. Даже работая в ночных клубах, некоторые из них находили своих будущих мужей, которые вызволяли их из криминального бизнеса и помогали с документами. За время работы проститутками они обучались языку и местным правилам, знакомились с людьми, обзаводились друзьями. Таким образом, они использовали период своей работы в ночных клубах в целях апроприации новой греческой идентичности, нового для себя мира и надеялись войти в этот мир через брак.

Если рассматривать репатриацию с точки зрения биополитики, т.е. перемещения физических тел, избранных на основе этничности (иногда сопровождаемой дополнительными условиями, см.: Voutira 2004: 539–540), воплощенный в теле символический капитал (такой как способности, практические умения, привлекательность и пр.) является наиболее пригодным для мигранта вариантом символического капитала и гарантией успешной апроприации. Чем больше символический капитал связан с физическим телом, тем больше шансов, что он сможет быть репатрирован вместе с телом, и наоборот. Мой акцент на физическом здесь не случаен. «Национальный фонд по принятию и переселению репатрированных греков», например, в одном из своих первых документов, регулирующих порядок репатриации, рассматривал репатриантов как людей без образования и не имеющих отношение ни к одному из полей, кроме крестьянского хозяйства: «Репатрианты – это люди с низкими экономическими запросами и потребностями, поэтому они могут принять без каких-либо жалоб даже наиболее трудные условия жизни в

пограничных регионах» (цит. по: Voutira 2004: 535). Таким образом, кризис идентичности проявляется у обладателей сильных мигрантских символических капиталов, аккумулированных за рубежом.

Заключение

Подводя итог анализу и некоторой интерпретации мигрантских историй, представленных в статье, возможно сделать следующие выводы:

Более слабый символический капитал, аккумулированный в странах происхождения мигрантов, позволяет осуществить более эффективную апроприацию и интегрироваться в греческое общество достаточно быстро и без потерь, связанных с утратой профессионализма и понижением социального статуса. Более сильный символический капитал обычно является плохим багажом для мигранта в смысле апроприации греческости.

Даже если сильный символический капитал не может быть перенесен из одной страны в другую, он может играть значительную роль в матримониальных стратегиях и в социальном оценивании возможного брачного партнера. Так что такого рода капитал репатрируется (как в описанном случае), но в форме внутрисемейных инвестиций или внутригруппового признания (среди выходцев из Цалки, например, или в целом среди выходцев из бывшего СССР).

Неудача в переносе и подтверждении сильных иностранных капиталов, особенно если это обусловлено ограничениями рынка специалистов, ведет к потере профессиональных навыков и кризису идентичности из-за невозможности апроприировать греческую идентичность на основе сильного символического капитала, но происходящего из другой страны, статус дипломов которой признается в греческом поле образования низким.

И, пожалуй, еще один вывод: теория капиталов Бурдье, как показывает проанализированный мною кейс, остается релевантной и полезной при описании, анализе и интерпретации международных миграций.

Примечания

¹ Ср. у Ван Хеара: «Индивидуальная миграционная биография или история коллективной миграции сообщества должны, вероятно, включать... достаточное количество разного рода перемещений. Это ведет к аккумулированию того, что может быть названо, перефразируя Массея и др. (Massey et al. 1993), "миграционным культурным капиталом", т.е. знаниями о том, как действовать в отношении миграции, как работать с посредниками, организаторами незаконного трафика (traffickers), пограничниками и чиновниками, как устанавливать и поддерживать контакты в принимающих странах и как найти жилье, получить социальные выплаты или работу» (Van Hear 1998: 50).

² См. также главу 9 «Принцип кумуляции» в цитируемой книге Мюрдала (Myrdal 1958: 198–205).

³ В статье, опубликованной в 2003 г., Дуглас С. Массей и Майкл Б. Агилера обращаются к концепту социального капитала Бурдьё, однако они не отделяют его понимание от понимания капитала в работах Коулмана (Coleman 1994) и Патнэма (Putnam 2000), например (Aguilera, Massey 2003: 671).

⁴ Эти полевые исследования были бы невозможны без финансовой поддержки L. Meltzers Høyskolefond, Samfunnsvitenskapelige fakultet (Universitetet i Bergen) и Institutt for sosialantropologi (Universitetet i Bergen).

⁵ См. об этом: Мануцлов 2015.

⁶ Русопонти – название и самоназвание понтийских греков из постсоветских стран в Греции.

⁷ Я здесь обращаюсь лишь к *терминологии* Клода Леви-Строса (Lévi-Strauss 1966: 16), не разделяя его *интерпретации* данных терминов. См. критику его интерпретации у Жака Деррида (Derrida 1978: 359–364).

⁸ Проблема определения и классификации постсоветской греческой репатриации (добровольная vs. вынужденная) периодически поднимается в литературе (см., например: Voutira 1991, 2004; Popov 2010).

⁹ Я спросил Георгия, почему его дети решили стать врачами, он ответил, что в его городе есть только один вуз – медицинский институт. Они решили, что получение образования в Александрополисе было бы дешевле, чем отправлять детей, например в Фесалоники.

¹⁰ Рассчитано по: Lianos, Asteriou, Agiomirgianakis 2004: 152.

Литература

- Джуха И. Греческая операция: История репрессий против греков в СССР. СПб.: Алетейя, 2006. 416 с.
- Джуха И. Спецшелоны идут на Восток: История репрессий против греков в СССР. Депортации 1940-х гг. СПб.: Алетейя, 2008. 560 с.
- Мануйлов А.Н. Апроприация дискурсов и практик: Женская миграция из России в Грецию (1990-е и 2000-е гг.) // Сибирские исторические исследования. 2017. № 2. С. 100–124.
- Читлов Д.С., Читлов Ф.Д., Гуриели Е.Д. Цалкинцы – дети Грузии: Историко-публицистическое и научно-социологическое исследование. Тбилиси: Закавказские военные ведомости, 1992. 336 с.
- Aguilera M.B., Massey D.S. Social Capital and the Wages of Mexican Migrants: New Hypotheses and Tests // Social Forces. 2003. 82: 2. P. 671–701.
- Bourdieu P. The forms of capital // Richardson J.G. (ed.) Handbook of Theory and Research for the Sociology of Education. New York: Greenwood, 1986. P. 241–258.
- Bourdieu P. Stratégies de reproduction et modes de domination // Actes de la recherche en sciences sociales. 1994. Vol. 105. Décembre. P. 3–12.
- Cederberg M. Embodied Cultural Capital and the Study of Ethnic Inequalities // Ryan L., Erel U., D'Angelo A. (eds.) Migrant Capital: Networks, Identities and Strategies. Houndmills: Palgrave Macmillan, 2015. P. 33–47.
- Clogg R. A Concise History of Greece, 2nd ed. Cambridge: Cambridge University Press, 2002. xvi, 292 p.
- Coleman J.S. Foundations of Social Theory. Cambridge, Mass.; L.: Belknap Press, 1994. xviii, 994 p.
- Derrida J. Writing and Difference. Eng. transl. London; New York: Routledge, 1978. xxiv, 446 p.
- Erel U. Migrating Cultural Capital: Bourdieu in Migration Studies // Sociology. 2010. Vol. 44(4). P. 642–660.
- Erel U. Thinking Migrant Capitals Intersectionally: Using a Biographical Approach // Ryan L., Erel U., D'Angelo A. (eds.) Migrant Capital: Networks, Identities and Strategies. Houndmills: Palgrave Macmillan, 2015. P. 18–32.

- Erikson E.H.* Identity: Youth and Crisis. New York; London: W.W. Norton & Company, 1968. 336 p.
- Finckenaue J.O., Waring E.J.* Russian Mafia in America: Immigration, Culture and Crime. Boston: Northeastern University Press, 1998. xvi, 307 p.
- Fujita N.* Gunnar Myrdal's Theory of Cumulative Causation Revisited. Nagoya, 2004. 18 p. (Economic Research Center Discussion Paper. No.147).
- Goldenberg M.* The Body as Capital: Understanding Brazilian Culture // *Vibrant – Virtual Brazilian Anthropology*. 2010. Vol. 7, № 1. P. 220–238.
- Green A.I.* The Social Organization of Desire: The Sexual Fields Approach // *Sociological Theory*. 2008. 26:1. P. 25–50.
- Gropas R., Triandafyllidou A.* Greece // Triandafyllidou A., Gropas R. (eds.) *European Immigration: A Sourcebook*. Aldershot: Ashgate, 2007. P. 141–153.
- Harner J.* Place Identity and Copper Mining in Sonora, Mexico // *Annals of the Association of American Geographers*. 2001. Vol. 91, № 4. P. 660–680.
- Jayaram K.* Capital // Salazar N.B., Jayaram K. (eds.) *Keywords of mobility: Critical engagements*. N.Y.: Berghahn Books, 2016. P. 13–32.
- Lévi-Strauss C.* The Savage Mind. London: Weidenfeld & Nicolson, 1966. xii, 290 p.
- Lianos T.P., Asteriou D., Agiomirgianakis G.M.* Foreign University Graduates in the Greek Labour Market: Employment, Salaries and Overeducation // *International Journal of Finance and Economics*. 2004. № 9. P. 151–164.
- Manuylov A.* Russian Greeks // *Greek Russian: Parameters of Identity*. Bergen: University of Bergen, 2015 (PhD thesis). 208 p.
- Martin J.L., George M.* Theories of Sexual Stratification: Toward an Analytics of the Sexual Field and a Theory of Sexual Capital // *Sociological Theory*. 2006. № 24:2. P. 107–132.
- Massey D.S.* Social Structure, Household Strategies, and the Cumulative Causation of Migration // *Population Index*. 1990. № 56: 1. P. 3–26.
- Massey D.S., Arango J., Hugo G., Kouaouci A., Pellegrino A., Taylor J.E.* Theories of International Migration: A Review and Appraisal // *Population and Development Review*. 1993. № 19: 3. P. 431–466.
- Morales L., Pilati K.* The Role of Social Capital in Migrants' Engagement in Local Politics in European Cities // Morales L., Giugni M. (eds.) *Social Capital, Political Participation and Migration in Europe: Making Multicultural Democracy Work?* Houndmills: Palgrave Macmillan, 2011. P. 87–114.
- Myrdal G.* Rich lands and poor: The road to world prosperity. N.Y.: Harper, 1957. xx, 168 p.
- Myrdal G.* Value in Social Theory: A Selection of Essays on Methodology. London: Routledge & Kegan Paul, Ltd., 1958. xlvii, 269 p.
- Patrinos H.A.* Overeducation in Greece // *International Review of Education*. 1997. Vol. 43, № 2/3. P. 203–223.
- Popov A.* Making Sense of Home and Homeland: Former-Soviet Greeks' Motivations and Strategies for a Transnational Migrant Circuit // *Journal of Ethnic and Migration Studies*. 2010. № 36:1. P. 67–85.
- Putnam R.D.* *Bowling Alone: The Collapse and Revival of American Community*. New York: Simon & Schuster Paperbacks, 2000. 541 p.
- Reynolds T.* The Role of Care in Developing Capitals among Caribbean Migrant Families // Ryan L., Erel U., D'Angelo A. (eds.) *Migrant Capital: Networks, Identities and Strategies*. Houndmills: Palgrave Macmillan, 2015. P. 64–79.
- Ryan L., Erel U., D'Angelo A.* Introduction: Understanding 'Migrant Capital' // Ryan L., Erel U., D'Angelo A. (eds.) *Migrant Capital: Networks, Identities and Strategies*. Houndmills: Palgrave Macmillan, 2015. P. 3–17.
- Triandafyllidou A.* 'Racists? Us? Are You Joking?' The Discourse of Social Exclusion of Immigrants in Greece and Italy // King R., Lazaridis G., Tsardanidis Ch. (eds.) *Eldorado or Fortress?: Migration in Southern Europe*. New York: Palgrave Publishers, 2000. P. 186–206.

- Triandafyllidou A.* Immigrants and National Identity in Europe. London: Routledge, 2001. xii, 175 p.
- Triandafyllidou A., Veikou M.* The hierarchy of Greekness: Ethnic and national identity considerations in Greek immigration policy // *Ethnicities*. 2002. № 2:2. P. 189–208.
- Tzanelli, Rodanthe.* 'Not My Flag!': Citizenship and nationhood in the margins of Europe (Greece, October 2000/2003). *Ethnic and Racial Studies*, 2006. № 29: 1. P. 27–49.
- Van Hear N.* New Diasporas: The mass exodus, dispersal and regrouping of migrant communities. London: UCL Press, 1998. xvi, 298 p.
- Voutira E.* Pontic Greeks Today: Migrants or Refugees? // *Journal of Refugee Studies*. 1991. Vol. 4, № 4. P. 400–420.
- Voutira E.* Ethnic Greeks from the Former Soviet Union as «Privileged Return Migrants» // *Espace, Populations, Sociétés*. 2004. № 3. P. 533–544.
- Werbner P.* The Migration Process: Capital, Gifts and Offerings among British Pakistanis. Oxford: Berg Publishers, 1990. xxii, 391 p.

Статья поступила в редакцию 26 июня 2018 г.

Manuylov Alexander N.

**REPATRIATION OF SYMBOLIC CAPITAL AND IDENTITY CRISIS DURING
MIGRATION FROM THE FORMER SOVIET UNION TO GREECE
(from the 1990 to 2000s)**

DOI: 10.17223/2312461X/21/11

Abstract. In the article, the problem of identity crisis is addressed in the context of migration from ex-Soviet countries to Greece, the so-called repatriation. Field materials collected in Greece and Russia constituted the basis of the article which is focused on narratives of a migrant from Georgia. The narratives tell about the reasons for his migration to Greece, about how he adjusted to life in Greece, what problems he encountered, why he does not want to come back, and how he views his migration. The analysis draws on the Pierre Bourdieu theory of capital; its relevancy for migration research is given special attention. The aim of this article is to examine efficiency of cross-border transfer of migrants' symbolic capital and connection of this efficiency to identity crisis. The author concludes that a weaker symbolic capital accumulated in the migrant's home country assists more successful appropriation and does not lead to deskilling and social deterioration, whereas a stronger symbolic capital is usually bad luggage for migration in terms of appropriation. However, it plays an important role in matrimonial strategies and intra-group relationships, and the failure to transfer and confirm strong symbolic capitals leads to both deskilling and identity crisis.

Keywords: theory of capitals, migration, identity crisis, symbolic capital, appropriation

References

- Aguilera, Michael B. and Douglas S. Massey. Social Capital and the Wages of Mexican Migrants: New Hypotheses and Tests, *Social Forces*, 2003, no. 82:2, pp. 671–701.
- Bourdieu, Pierre. The forms of capital, Richardson J.G. (ed.) *Handbook of Theory and Research for the Sociology of Education*. New York: Greenwood, 1986, pp. 241–258.
- Bourdieu, Pierre. Stratégies de reproduction et modes de domination. *Actes de la recherche en sciences sociales*, 1994, Vol. 105. Décembre, pp. 3–12.
- Cederberg, Maja Embodied Cultural Capital and the Study of Ethnic Inequalities. In: Ryan, Louise, Umut Erel and Alessio D'Angelo (eds.) *Migrant Capital: Networks, Identities and Strategies*. Houndmills: Palgrave Macmillan, 2015, pp. 33–47.
- Chitlov D.S., Chitlov F.D., Gurieli E.D. *Tsalkintsy – deti Gruzii: Istoriko-publitsisticheskoe i nauchno-sotsiologicheskoe issledovanie* [Tsalkians – Children of Georgia: Historical-

- journalistic and scientific-sociological research]. Tbilisi: Izdatel'stvo "Zakavkazskie voennye vedomosti", 1992. 336 p.
- Clogg, Richard. *A Concise History of Greece*, 2nd ed. Cambridge: Cambridge University Press, 2002. xvi, 292 p.
- Coleman, James S. *Foundations of Social Theory*. Cambridge, Mass.; L.: Belknap Press, 1994. xviii, 994 p.
- Derrida, Jacques. *Writing and Difference*. Eng. transl. London; New York: Routledge, 1978. xxiv, 446 p.
- Dzhukha, Ivan. *Grecheskaia operatsiia: Istoriia repressiy protiv grekov v SSSR* [The Greek operation: the history of repressions against Greeks in the USSR]. St. Petersburg: Aleteya, 2006. 416 p.
- Dzhukha, Ivan. *Spetseshelony idut na vostok: Istoriia repressiy protiv grekov v SSSR. Deportatsii 1940-kh gg.* [Special echelons go East: the history of repressions against Greeks in the USSR. Deportations of the 1940s]. St. Petersburg: Aleteya, 2008. 560 p.
- Erel, Umut. Migrating Cultural Capital: Bourdieu in Migration Studies. *Sociology*, 2010, Vol. 44(4), pp. 642–660.
- Erel, Umut. Thinking Migrant Capitals Intersectionally: Using a Biographical Approach. In: Ryan, Louise, Umut Erel and Alessio D'Angelo (eds.) *Migrant Capital: Networks, Identities and Strategies*. Houndmills: Palgrave Macmillan, 2015, pp. 18–32.
- Erikson, Erik H. *Identity: Youth and Crisis*. New York; London: W.W.Norton & Company, 1968. 336 p.
- Finckenauer, James O. and Elin J. Waring. *Russian Mafia in America: Immigration, Culture and Crime*. Boston: Northeastern University Press, 1998. xvi, 307 p.
- Fujita, Nanako. *Gunnar Myrdal's Theory of Cumulative Causation Revisited*. Nagoya, 2004. 18 p. (Economic Research Center Discussion Paper. No. 147).
- Goldenberg, Mirian. The Body as Capital: Understanding Brazilian Culture. *Vibrant – Virtual Brazilian Anthropology*, 2010, vol. 7, no. 1, pp. 220–238.
- Green, Adam Isaiah. The Social Organization of Desire: The Sexual Fields Approach. *Sociological Theory*, 2008, no. 26:1, pp. 25–50.
- Gropas, Ruby and Anna Triandafyllidou. Greece. In: Triandafyllidou A., Gropas R. (eds.) *European Immigration: A Sourcebook*. Aldershot: Ashgate, 2008, pp. 141–153.
- Harner, John. Place Identity and Copper Mining in Sonora, Mexico. *Annals of the Association of American Geographers*, 2001, Vol. 91, no. 4, pp. 660–680.
- Jayaram, Kiran. Capital. In: Salazar N.B., Jayaram K. (eds.) *Keywords of mobility: Critical engagements*. N.Y: Berghahn Books, 2016, pp. 13–32.
- Lévi-Strauss, Claude. *The Savage Mind*. London: Weidenfeld & Nicolson, 1966. xii, 290 p.
- Lianos, Theodore P., D. Asteriou & G.M. Agiomirgianakis. Foreign University Graduates in the Greek Labour Market: Employment, Salaries and Overeducation. *International Journal of Finance and Economics*, 2004, no. 9, pp. 151–164.
- Manuylov, Alexander. *Russian Greeks / Greek Russian: Parameters of Identity*. Bergen: University of Bergen, 2015 (PhD thesis). 208 p.
- Manuylov, Alexander. Apropriatsiia diskursov i praktik: Zhenskaia migratsiia iz Rossii v Gretsiu (1990-t i 2000-e gg.) [The appropriation of discourses and practices: female migration from Russia to Greece in the 1990s and the 2000s]. *Sibirskie istoricheskie issledovaniia*, 2017, no. 2, pp. 100–124.
- Martin, John Levi and Matt George. Theories of Sexual Stratification: Toward an Analytics of the Sexual Field and a Theory of Sexual Capital. *Sociological Theory*, 2006, no. 24:2, pp. 107–132.
- Massey, Douglas S. Social Structure, Household Strategies, and the Cumulative Causation of Migration. *Population Index*, 1990, no. 56:1, pp. 3–26.
- Massey, Douglas S., Joaquin Arango, Graeme Hugo, Ali Kouaouci, Adela Pellegrino, J. Edward Taylor. Theories of International Migration: A Review and Appraisal. *Population and Development Review*, 1993, no. 19:3, pp. 431–466.

- Morales, Laura and Katia Pilati. The Role of Social Capital in Migrants' Engagement in Local Politics in European Cities. In: Morales L., Giugni M. (eds.) *Social Capital, Political Participation and Migration in Europe: Making Multicultural Democracy Work?* Houndmills: Palgrave Macmillan, 2011, pp. 87–114.
- Myrdal, Gunnar. *Rich lands and poor: The road to world prosperity*. New York: Harper, 1957. xx, 168 p.
- Myrdal, Gunnar. *Value in Social Theory: A Selection of Essays on Methodology*. London: Routledge & Kegan Paul, Ltd., 1958. xlvi, 269 p.
- Patrinos, Harry Anthony. Overeducation in Greece. *International Review of Education*, 1997, Vol. 43, no. 2/3, pp. 203–223.
- Popov, Anton. Making Sense of Home and Homeland: Former-Soviet Greeks' Motivations and Strategies for a Transnational Migrant Circuit. *Journal of Ethnic and Migration Studies*, 2010, no. 36:1, pp. 67–85.
- Putnam, Robert D. *Bowling Alone: The Collapse and Revival of American Community*. New York: Simon & Schuster Paperbacks, 2000. 541 p.
- Reynolds, Tracey. The Role of Care in Developing Capitals among Caribbean Migrant Families. In: Ryan, Louise, Umut Erel and Alessio D'Angelo (eds.) *Migrant Capital: Networks, Identities and Strategies*. Houndmills: Palgrave Macmillan, 2015, pp. 64–79.
- Ryan, Louise, Umut Erel and Alessio D'Angelo. Introduction: Understanding 'Migrant Capital'. In: Ryan, Louise, Umut Erel and Alessio D'Angelo (eds.) *Migrant Capital: Networks, Identities and Strategies*. Houndmills: Palgrave Macmillan, 2015, pp. 3–17.
- Triandafyllidou, Anna. 'Racists? Us? Are You Joking?' The Discourse of Social Exclusion of Immigrants in Greece and Italy. In: King, Russell, Gabriella Lazaridis, and Charalambos Tsardanidis (eds.) *Eldorado or Fortress?: Migration in Southern Europe*. New York: Palgrave Publishers, 2000, pp. 186–206.
- Triandafyllidou, Anna. *Immigrants and National Identity in Europe*. London: Routledge, 2001. xii, 175 p.
- Triandafyllidou, Anna and Mariangela Veikou. The hierarchy of Greekness: Ethnic and national identity considerations in Greek immigration policy. *Ethnicities*, 2002, no. 2:2, pp. 189–208.
- Tzanelli, Rodanthi. 'Not My Flag!': Citizenship and nationhood in the margins of Europe (Greece, October 2000/2003). *Ethnic and Racial Studies*, 2006. 29: 1, pp. 27–49.
- Van Hear, Nicholas. *New Diasporas: The mass exodus, dispersal and regrouping of migrant communities*. London: UCL Press, 1998. xvi, 298 p.
- Voutira, Eftihia. Pontic Greeks Today: Migrants or Refugees? *Journal of Refugee Studies*, 1991, Vol. 4, no. 4, pp. 400–420.
- Voutira, Eftihia. Ethnic Greeks from the Former Soviet Union as "Privileged Return Migrants". *Espace, Populations, Sociétés*, 2004, no. 3, pp. 533–544.
- Werbner, Pnina. *The Migration Process: Capital, Gifts and Offerings among British Pakistanis*. Oxford: Berg Publishers, 1990. xxii, 391 p.

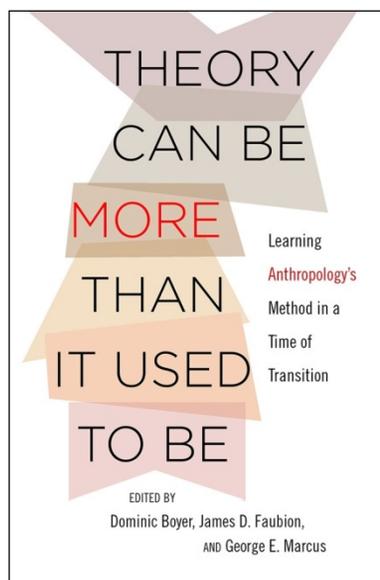
РЕЦЕНЗИИ

УДК 303.1

DOI: 10.17223/2312461X/21/12

ЧТО ПРОИСХОДИТ С ТЕОРИЕЙ В АНТРОПОЛОГИИ?

Theory Can Be More than It Used to Be: Learning Anthropology's Method in a Time of Transition / Eds. D. Boyer, J.D. Faubion, G.E. Marcus. Ithaca; London: Cornell University Press, 2015. 274 p. ISBN 978-1-50170-007-1

Сборник «Теория может быть большей, чем некогда была: изучение метода антропологии в переходный период», – своего рода «рефлексия» на интеллектуальные позиции и педагогический потенциал теории в антропологических исследованиях и образовании последних десятилетий. Книга пронизана любопытными межпоколенческими диалогами; ее составители и ответственные редакторы – три заведующих кафедрой антропологии Университета Райса (г. Хьюстон, США), последовательно сменявшие друг друга на протяжении последней четверти века. В дополнение к статьям в книге, в формате дискуссий и интервью, даны голоса совсем молодому поколению, вчерашним аспирантам антропологических кафедр, занятым сегодня в разных сферах как в стенах науки, так и вне их. Диалог, на мой взгляд, получился весьма интересным.

По формату и концепции построения книга является логическим продолжением более раннего сборника «Полевая работа – не та, какой она была некогда» (Fieldwork Is Not What It Used to Be. Ithaca; London,

2009); однако по содержанию ее не следует рассматривать как *sequel* – это самостоятельный текст и, на мой взгляд, более интересный, чем первый.

Эта книга – не «манифест», провозглашающий что-либо новое на предмет теории, и не анализ сегодняшних теорий, предупреждают авторы-составители. Это рассуждение о том, чем теория в антропологии стала *de facto* сегодня, чем не стала и чем могла бы быть. В условиях, когда производство антропологического знания, стимулы, мотивации и перспективы академической работы меняются быстро и, возможно, необратимо, место и роль теории становятся неожиданно расплывчатыми и непонятными, замечают авторы. Но что примечательно, в связи с этим в образовательном процессе возникают охранительные тенденции, выражающиеся в своеобразном «откате» к пониманию и преподаванию теории на принципах, на которых она преподавалась много десятилетий назад.

Теория в антропологии, замечают составители, всегда была напрямую связана с афишируемыми и неафишируемыми практиками университетского образования. Полстолетия назад, когда распределение выпускников было во многом «позвоночным» и зависело от неформальной рекомендации руководителя коллегам, своевременный выбор правильной «теоретической ориентации» мог оказаться определяющим на карьерном пути. («В то время, когда я был в Чикаго, – рассуждает Д. Бойер, – как правило, невозможно было сослаться ни на какую работу Мишеля Фуко ни в какой курсовой, не получив при этом порицания». В Беркли, вспоминает Д. Фобьон, хотя «я и не ощущал, что меня к чему-то принуждали», все равно «делом выживания было... приблизиться к тому профессору, чьи интеллектуальные склонности оказывались ближе всего к твоим» (р. 217)). Но в условиях сегодняшнего перенасыщенного рынка работы и бюрократизации научной сферы, когда «сотни кандидатов... конкурируют за каждую объявленную позицию», значение теоретической ориентации существенно трансформируется, ибо теория сама становится своего рода текучим рыночным активом.

В данных условиях происходит формирование, по выражению составителей, «альтернативной аналитической этики», которая вызревает на сложном перекрестии старых вопросов и новых реалий научной работы. С одной стороны, теория по-прежнему непосредственно включена в оценочные рамки научной деятельности и продукции («Проявляет ли аспирант теоретическую подкованность?»; «Является ли статья теоретически оригинальной?»; «Представляется ли обоснование заявки на грант теоретически релевантным?») – все эти вопросы, прекрасно знакомые каждому научному работнику, указывают на то, что теория продолжает играть роль «резервуара семиотической ценности и политической власти» (р. 4)). Абстрагироваться от того, что теория – это не

только набор идей, но и «практическая система координат участия в аналитической деятельности», невозможно. С другой стороны, реальность научных исследований сегодня, их сфера приложения, их дискурсивная среда, настолько многопланова, что необходимо порождает целый «калейдоскоп» новых средств и «способов, с помощью которых теория применяется, озвучивается и объективируется в антропологической [работе]» (р. 8). Значение теории как таковое, замечает в своей статье Д. Маркус, сегодня нередко сдвигается с плоскости ее формулирования на плоскость ее рецепции: теория объективируется тем или иным способом в зависимости от того, в каком дискурсивном сообществе она воспринимается (р. 49–52). Динамика этого процесса неясна и требует изучения и обсуждения (хотя бы для лучшего понимания, куда направлять педагогические усилия в преподавании теории).

Д. Фобьон в статье «О программности» указывает, что преподавание теории на кафедрах антропологии (в США) до сих пор отворачивается от инновационных способов применения теоретического инструментария и преимущественно ограничивается традиционными программными целями. Последние, согласно аргументации Д. Фобьона, в общем и целом соответствуют четырем типичным концептуальным подходам, в русле которых теория осмысливалась в антропологической дисциплине на протяжении большей части XX в. («референциальный», «модельно-теоретический», «тенденциальный» и «диагностический»). Безотносительно к удачности или неудачности выбранных терминов, аргументация Д. Фобьона весьма интересна. Референциальный подход построен на индуктивной логике, с помощью которой события и факты деконтекстуализируются и классифицируются в «универсальные типы» (от поиска культурных универсалий в первой половине XX в. до систематизации базы данных HRAF во второй и до заигрывания с идеями «big data» сегодня – данный подход не теряет своей привлекательности, особенно в био- и археолого-антропологических исследованиях). Модельно-теоретический подход, наоборот, опирается на дедуктивную логику и построение ряда «дистиллированных» аксиоматических принципов, которые абстрагируются от этнографической реальности ради достижения целостности картины («структуры» К. Леви-Строса, «логика социального» у П. Бурдьё, «аксиоматика коммуникативного действия» у Ю. Хабермаса – примеры этого подхода). Тенденциальный подход – продукт последних десятилетий XX в. и характерного увлечения идеями глобализации, постколонизации и т.д.; упор в нем делается на «процессуальность» культуры и общества и на невозможность четкой надежной фиксации явлений (примеры – теоретические построения Э. Гидденса, У. Бека, Д. Харвея и др.). Наконец, диагностический подход – во многом результат взаимодействия культурной антропологии и континентальной европейской философии в последней четверти XX в.; в нем угол зрения смещен с общей картины на интерпретативную

диагностику «онтологии отдельного случая» (не только К. Гирц и представители интерпретативной антропологии, но и многие другие антропологи от неомарксистов до постструктуралистов – приверженцы данного подхода).

Комбинации, в которых данные подходы применяются в преподавании, замечает Д. Фобьон, часто совершенно нелогичны и имеют весьма поверхностное и абстрактное отношение к изучаемой этнографической реальности («балканизация» в программах теоретических курсов – так отзывается он о текущих тенденциях в университетах). Сегодня есть курсы, где теория преподается как «натюрморт», говорит Д. Фобьон, т.е. как изящная картинка, с которой непонятно, что делать на практике; и есть курсы, где она преподносится как «аппарат без руководства пользователя»; но практически вышли из моды курсы, в которых бы грамотно разбирались эпистемологическая и эвристическая ценность самой теории, ее применимость или неприменимость к этнографическим данным. В этом, по его мнению, одна из основных проблем современной педагогики.

В этой связи Д. Бойер и С. Хау вводят в своей статье понятия «переносная аналитика» и «латеральная теория». Напоминая читателю, что греческое слово *theorein* обозначало человека, которого полис посылал наблюдать ритуалы и события в других городах, и разбирая известную статью Э. Саида «Путешествующая теория», они указывают, что теория на деле редко функционирует как «правило для применения»; скорее, она подразумевает консенсус, возникающий при – или как результат – ее транспозиции между разными аудиториями. Переносная аналитика (*portable analytics*) – это методологический принцип, предполагающий тестирование теории в альтернативных этнографических контекстах, в результате которого выкристаллизовывается более точный и правильный теоретический аппарат для научного анализа. Теорию, возникающую при следовании такому принципу, можно назвать «латеральной» (*lateral*), поскольку она складывается в процессе «горизонтальной», «синхронной» коммуникации между различными аудиториями. До сих пор теория понималась преимущественно как «вертикаль», «директива», т.е. принималась как нечто, идущее «сверху» и подлежащее исполнению (в такой трактовке факты, не подходящие под теорию, оказывались, как правило, неудобны). «Горизонтальное» же (т.е. латеральное) понимание теории предполагает, что она сама по себе подлежит обсуждению, окончательному оформлению в результате дискуссии. Для антропологической дисциплины это, возможно, более важно, чем для других, из-за множественных этнографических контекстов, с которыми ей приходится иметь дело. Но рост латеральности как принципа, замечают авторы, обусловлен самими условиями развития и распространения научного знания на сегодняшнем историческом этапе, когда наука

оказывается включенной в интернет-технологии, социальные сети, мобильные связи, т.е. в «новую мультимедийную экологию», как называют ее авторы (р. 30).

Очень показателен и поучителен раздел интервью («Диалог»), в котором составители беседуют с недавними выпускниками кафедр антропологии, в частности на предмет того, что те помнят о своем первом столкновении с теорией в образовательном процессе. Удивительно, что практически ни в ком это столкновение не оставило особых воспоминаний (безусловно, интервьюируемые пытались «рационализировать» их опыт и говорить положительно о значении теории, но было очевидно, что для большинства из них она не оказалась источником вдохновения.) «В некотором смысле, – констатировал один из интервьюируемых, Д. Хант, – во всех наших столкновениях с теорией присутствует одна и та же условная схема, достойная сожаления» (р. 211).

Это нездоровый признак, полагает Д. Маркус, ибо в педагогической практике теория, кроме сугубо аналитического, должна иметь и эстетическо-аффективное значение – она должна вдохновлять на исследования, работать как внутренний катализатор для персонального научного поиска.

В книге, разумеется, нет пошаговых инструкций и окончательного ответа на вопрос о том, чем должна быть эффективная теория в современной антропологии, однако есть множество размышлений и аргументов, собирающих эту многоплановую тему «в фокус». Сильной стороной антропологической традиции Университета Райса всегда было, так сказать, критическое обнажение проблем – *brainstorming*, – и на этот раз авторам-составителям вполне удалось высветить важную проблему в антропологической практике сегодняшнего дня. Впрочем, книга не без изъянов, ее можно критиковать за некоторую бросающуюся в глаза незаконченность (идеальное завершение чего-либо всегда было слабой стороной антропологической традиции Университета Райса), за неровность подборки авторов и статей – и все-таки, наверное, за недостаточное внимание к ответам на поставленные острые вопросы. Но, возможно, в планах авторов – сосредоточиться на таковых в следующем сборнике.

А.Л. Елфимов

Институт этнологии и антропологии РАН

Рецензия поступила в редакцию 1 августа 2018 г.

Elfimov Alexei L., Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences

THE TRICKY STATE OF THEORY IN ANTHROPOLOGY

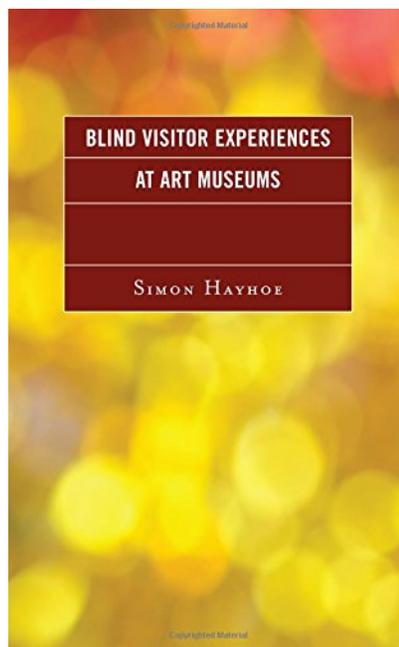
Review of *Theory Can Be More than It Used to Be: Learning Anthropology's Method in a Time of Transition*, ed. by D. Boyer, J.D. Faubion, and G.E. Marcus. Ithaca; London: Cornell University Press, 2015. 274 p. ISBN 978-1-50170-007-1

УДК 316

DOI: 10.17223/2312461X/21/13

**СЛАБОВИДЯЩИЕ В КУЛЬТУРЕ ОКУЛЯРЦЕНТРИЗМА:
ПРОБЛЕМА ЭКСКЛЮЗИИ В МУЗЕЯХ
ВИЗУАЛЬНОГО ИСКУССТВА**

Hayhoe, Simon. Blind Visitor
Experiences at Art Museums.
London: Rowman & Littlefield,
2017. 234 p. ISBN-10:
1442272058. ISBN-13: 978-
1442272057

Классическое определение Ричарда Хэндлера гласит, что музей – это, в первую очередь, не набор экспонатов, помещенных в определенный контекст, а социальные отношения, выстроенные вокруг них (Händler 1993: 33). И точно так же, как и на любой социальной арене, в музее имеет место феномен эксклюзии, т.е., «динамического процесса исключения, полного или частичного, из социальной, экономической, политической или культурной системы, которая определяет социальную интеграцию человека в обществе» (Britain Divided 1997: 8).

Проблемы социальной эксклюзии касается и Пьер Бурдьё. В его интерпретации эксклюзия в музее – это политика поддержания социального неравенства, когда произведения искусства оказываются доступными для понимания только людям, обладающим культурным капиталом. Пол Дарк, искусствовед, режиссер, основатель Вулверхэмптонско-

го фестиваля искусства людей с инвалидностью, использует модель Пьера Бурдьё в несколько иной плоскости: он указывает, что сфера искусства сейчас находится под контролем не просто интеллектуальной элиты, а людей, не имеющих инвалидности. Искусство самих инвалидов сводится к попыткам вписать его в существующую парадигму: к «арт-терапии» в музеях или выставкам тех авторов, которые «выступают как вдохновляющие ролевые модели, будучи «страшно искалеченными артритом» или героически преодолевшими собственный паралич» (Darke 2003: 139). Еще в 1993 г. те же мысли были высказаны в книге журналиста Джозефа Шапиро: стереотипный образ инвалидов имеет две грани – «малютка Тим» (Tiny Tim), т.е. дети-инвалиды, вызывающие жалость, и «суперкалека» (supercrip), те самые модели для подражания. Последнее ничуть не лучше первого, поскольку показывает, что инвалид изначально достоин лишь жалости, а уважение он может получить, только если превзойдет собственную ментальную или физическую инвалидность (Shapiro 2011: Loc 281–283).

Подобные воззрения Саймо Хэйхо, автор рецензируемой книги, относит не просто к эксклюзии, а к активной эксклюзии, определяя ее так: «В этой интерпретации эксклюзии умышленное угнетение людей с инвалидностью считается аналогом угнетения, основанного на расовом или гендерном признаке» (Hayhoe 2017: xvi). Хэйхо также вводит термин «пассивная эксклюзия», т.е. «эксклюзия от социального образования, будь то в музеях или в школах, являющаяся большей частью политикой социального неравенства, догматического образования и научной репрезентации инвалидности как “специальных потребностей”» (79). Проблема эксклюзии входит непосредственно в сферу его научных интересов, главным из которых является эпистемология инвалидности с особым акцентом на образовании, инклюзии и искусстве.

Саймон Хэйхо – преподаватель педагогического факультета Университета Бата и научный сотрудник Центра философии естественных и социальных наук Лондонской школы экономики и политических наук. Как приглашенный лектор он выступал, в частности, на проекте «Общее целое» музея Вадима Сидура (2016).

В своей книге Хэйхо ставит крайне интересный вопрос о том, могут ли посетители с инвалидностью по зрению воспринимать произведения визуального искусства, существуя в культуре окулярцентризма, в рамках которой искусство пишется зрячими для зрячих. Вопрос этот кажется еще более актуальным, так как незрячим традиционно не только отказывают в возможности увидеть произведения искусства, но и в когнитивных способностях, отвечающих за его понимание.

Он проводит исследование на базе музея Метрополитен в Нью-Йорке. Число его информантов невелико: четыре посетителя специальных программ музея для слепых, два преподавателя, проводящих такие

программы, и четыре одиночных посетителя с инвалидностью по зрению. Посетители программ различаются по гендерному признаку, по месту проживания, также Хэйхо дает сведения об их образовании, в том числе в сфере искусства. Преподаватели имеют разные специализации: художник и историк искусства. Одиночные посетители – это знакомые самого автора, которые выразили желание участвовать в исследовании.

В качестве метода Хэйхо обещает руководствоваться заветами Клиффорда Гирца. Он проводит глубинные интервью, не ограничиваясь обычным анкетированием. Хэйхо специально указывает, что его выборка одиночных посетителей может быть нерепрезентативна, но достаточно парадоксально объясняет это тем, что до сих пор неизвестно точное число одиночных посетителей музеев с инвалидностью по зрению (Наyhое 2017: 183).

В конечном итоге ответ на поставленный вопрос в интерпретации Хэйхо оказывается крайне позитивным. Он пишет, что для посетителей с инвалидностью по зрению «музей больше связан с конструированием собственной идентичности, нежели с удовлетворением эстетической формы интеллектуального любопытства» (Наyhое 2017: 144). Он подвергает сомнению точку зрения Бурдьё, утверждая, что для слабовидящих посетителей не существует проблемы отсутствия ключей к расшифровке произведений искусства, так как само визуальное искусство они познают не через стили и символы, а через окружающий его исторический и эмоциональный контекст: «Чарльза картины интересовали не в качестве произведений визуального искусства, а скорее как объекты-представители той или иной эпохи» (145); «...в этом плане меняется роль искусства: теперь оно связано не только с объектами эстетического наслаждения, но с историей, с личностью самого автора, помимо того, что позволяет наслаждаться музеем как таковым» (133).

Проблема эксклюзии в трактовке Хэйхо тоже кажется достаточно оптимистичной: он указывает, что в большинстве музеев для слабовидящих посетителей практически нет никаких препон к ознакомлению с экспозицией, кроме непосредственной дороги от дома. Все остальные проблемы он склонен относить к неподготовленности музейного персонала.

Главной задаче исследования посвящены только две предпоследние главы (шестая, завершающая, составляет всего четыре страницы и является подведением итогов). Все остальное пространство книги занимает обширный обзор историографии. Саймон Хэйхо пишет об истории исследования познавательных способностей незрячих, предсказуемо оценивая все труды в зависимости от их позитивной или негативной оценки этих способностей; он останавливается на проблеме аблеизма как такового, включая в свой перечень не только автобиографии людей

с инвалидностью, но и труды самого разного толка, начиная с классических исследований по обучению детей-инвалидов и заканчивая проблемами инвалидов-мигрантов. Подобный тематический разброс, скорее всего, обусловлен тем, что перед рассматриваемой книгой Саймон Хэйхо выпустил еще четыре монографии, две из них посвящены вопросам образования для слепых (Науное 2008а; Науное 2008b), и на протяжении исследования он неоднократно ссылается на выводы своих предыдущих публикаций.

Касается Хэйхо и истории окулярцентризма, достаточно подробно разбирая источники, начиная с Декарта. Для тщательного рассмотрения проблемы, полагаю, можно было бы начать с Платона и его мифа о пещере, впрочем, существуют и более ранние датировки: Ларс-Олоф Эльберг указывает, что «несмотря на то, что превалирование окулярцентрического мышления и визуальных метафор обычно ассоциируется с Декартом и началом современного научного мышления, окулярцентризм не является ни современным феноменом, ни особенно западным» (Åhlberg 1996: 9).

И если в целом обзор историографии, занимающий почти половину объема книги, кажется вполне оправданным, своего рода подведением итогов того, что было сказано в литературе ранее, то некоторые пассажи все же представляются чрезмерно обширными. Остается неясным, почему столько места было уделено обсуждению роли секса в мировоззрении протестантов или, уже в следующей главе, где речь идет о музее Метрополитен, почему львиная доля этой главы посвящена истории города Нью-Йорка и его географическому положению. В дальнейшем эти сведения практически никак не используются.

Тем не менее само написание подобной монографии является важной вехой в развитии темы слепых посетителей в музее, так как трудов, посвященных непосредственно теоретической основе работы с такими посетителями очень мало. Чаще всего они представляют собой непосредственно инструкции о том, как нужно общаться с незрячими и сколько экспонатов предоставлять для тактильного осмотра. В своем исследовании Саймон Хэйхо смог добиться баланса между теоретической и практической составляющими, а самым главным достоинством его работы, безусловно, является возможность взглянуть на такие экскурсионные программы глазами самих посетителей с инвалидностью.

Литература

- Åhlberg L.-O.* Modernity and Ocularcentrism: A Second Look at Descartes and Heidegger // *Filozofski vestnik [The Philosophical Messenger]*. 1996. XVII, № 2. P. 9–23.
Britain Divided: Growth of Social Exclusion in the 1980's and 1990's / eds. Alan Walker, Carol Walker. L., 1997.

- Darke P.A.* Now I Know Why Disability Art is Drowning in the River Lethe (with thanks to Pierre Bourdieu) // *Disability, Culture and Identity* / eds. Sheila Riddell, Nick Watson. L., 2003. P. 131–142.
- Handler R.* The Anthropological Definition of the Museum // *Museum Anthropology*. 1993. 17(1). P. 33–36.
- Hayhoe S.* *Arts, Culture and Blindness*. New York, 2008a.
- Hayhoe S.* *Blind Visitor Experiences at Art Museums*. London, 2017.
- Hayhoe S.* *God, Money and Politics*. Charlotte, 2008b.
- Shapiro J.P.* *No Pity: People with Disabilities Forging a New Civil Rights Movement*. Crown/Archetype, 2011. Kindle Edition.

Daria A. Trynkina
Lomonosov Moscow State University

Рецензия поступила в редакцию 10 июля 2018 г.

Trynkina Daria A., Lomonosov Moscow State University

THE VISUALLY IMPAIRED IN THE CULTURE OF OCULAR-CENTRISM: THE PROBLEM OF EXCLUSION AT VISUAL ART MUSEUMS

Review of Hayhoe, Simon. *Blind Visitor Experiences at Art Museums*. London: Rowman & Littlefield, 2017. 234 p. ISBN-10: 1442272058. ISBN-13: 978-1442272057

References

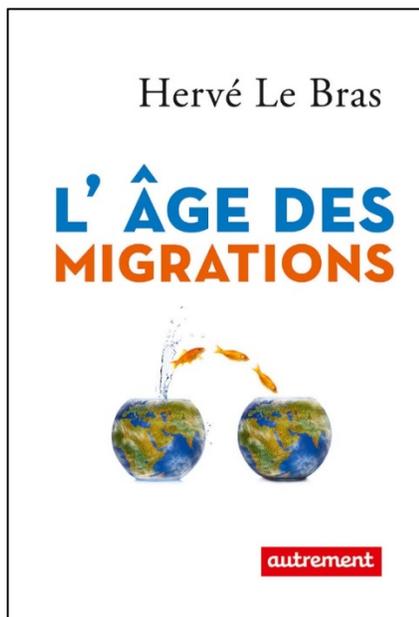
- Åhlberg L.-O. Modernity and Ocularcentrism: A Second Look at Descartes and Heidegger. *Filosofski vestnik* [The Philosophical Messenger], 1996, Vol. XVII, no. 2, pp. 9-23.
- Britain Divided: Growth of Social Exclusion in the 1980's and 1990's*. Eds. Alan Walker, Carol Walker. London, 1997.
- Darke P.A.* Now I Know Why Disability Art is Drowning in the River Lethe (with thanks to Pierre Bourdieu). In: *Disability, Culture and Identity*. Eds. Sheila Riddell, Nick Watson. London, 2003, pp. 131-142.
- Handler R.* The Anthropological Definition of the Museum, *Museum Anthropology*, 1993, no. 17(1), pp. 33-36.
- Hayhoe S.* *Arts, Culture and Blindness*. New York, 2008a.
- Hayhoe S.* *Blind Visitor Experiences at Art Museums*. London, 2017.
- Hayhoe S.* *God, Money and Politics*. Charlotte, 2008b.
- Shapiro J.P.* *No Pity: People with Disabilities Forging a New Civil Rights Movement*. Crown/Archetype, 2011. Kindle Edition.

УДК 314

DOI: 10.17223/2312461X/21/14

**ТРАНСГРАНИЧНЫЕ МИГРАЦИИ XXI в.:
НОВЫЕ РЕАЛИИ И СТАРЫЕ КЛИШЕ***

Le Bras Hervé. *L'âge des migrations*. Paris: éditions Autrement, 2017. 151 p. ISBN 978-2-7467-4463-9

Трансграничные миграции в начале нынешнего века – едва ли не самая популярная тема как общественно-политического, так и научного дискурса. Этот феномен вызывает страхи и опасения, становится предметом острых дебатов и межгосударственных конфликтов, причиной внутривнутриполитических кризисов, служит предлогом для ужесточения законов и возведения заграждений на границах. Между тем, утверждает авторитетный французский демограф Эрве Ле Брас, несмотря на пристальное внимание научного сообщества к миграционным процессам¹, наши представления о современных миграциях, их причинах и последствиях весьма далеки от реальности. Общественное мнение, политики, журналисты продолжают видеть в мигрантах массу бедных, необразованных людей, пределом мечтания которых является социальное пособие – образ, сложившийся в 1960–1970-е гг. Между тем, возражает ав-

---

* Рецензия подготовлена в рамках проекта РНФ № 15-18-00099.

тор, сегодня все большую часть в миграционных потоках, направляющихся в Европу и страны Нового света с глобального Юга, составляют образованные выходцы из среднего класса и мелкой буржуазии: их доля уже достигает двух третей вновь прибывающих мигрантов во Франции и 90% – в Канаде и Австралии.

Э. Ле Брас поставил перед собой задачу развенчания наиболее устойчивых мифов и стереотипов, связанных с трансграничными миграциями, а также выявления новых тенденций в миграционных процессах, которые пока не стали предметом глубокого осмысления. Делается это с помощью анализа адекватности данным французской и интернациональной миграционной статистики того языка, который используется для анализа цифр и вольно или невольно определенным образом деформирует их. Одним из излюбленных исследовательских методов Э. Ле Браса, математика по первому образованию, является графическое представление данных. Рецензируемая книга содержит более 30 карт, графов и диаграмм, что не только делает изложение более наглядным, но и позволяет выявить глубинные социальные тенденции в изменении миграционных процессов.

Опираясь на данные исторической демографии, Э. Ле Брас демонстрирует радикальную трансформацию трансграничных миграционных потоков на протяжении последнего столетия. В конце XIX – начале XX в. мигранты прибывали в абсолютном большинстве из соседних стран и расселялись компактно в приграничных районах². Сегодня эта территориальная логика сменилась на противоположную: разнообразие стран происхождения мигрантов растет, дальность перемещений увеличивается, а вновь прибывшие больше не селятся компактно у границ и даже не концентрируются, как это было еще недавно, исключительно в крупных городах, но распространяются более равномерно. Если в прежние времена доля выходцев из одной страны в общем миграционном потоке могла достигать до 40%, то сегодня, например, в Дании на долю самой многочисленной национальной группы мигрантов (поляков) приходится лишь 7%, а вклад четырех соседних государств составляет только 16% (р. 15–16) Все это создает характерное для нынешнего времени «сверхмногообразие» (см.: Vertovec 2007).

Еще одно историческое сравнение подчеркивает принципиальную разницу между миграциями на длинные дистанции завоевателей-кочевников далекого прошлого, обладавших способностью быстро собирать хорошо организованные вооруженные мобильные отряды и захватывать территории, населенные превосходящими их по численности оседлыми земледельцами, и нынешними неорганизованными, спонтанными миграциями невооруженных людей. Скорее, с миграциями древности, считает автор, можно сравнить колониальную экспансию европейцев, чье неоспоримое военное превосходство позволило им завое-

вать большие пространства, истребив, оттеснив или подчинив в разы превосходящее их по численности местное население. Не следует забывать о том, что арсеналы новейшего мощного и высокоточного оружия сегодня сосредоточены на «Севере», а это говорит в пользу необоснованности использования применительно к современным миграциям с «Юга» таких алармистских терминов, как «вторжение», «нашествие варваров», «захватчики» и т.п. (р. 26).

В то же время сам по себе конфликт между кочевниками и оседлыми земледельцами по-прежнему играет большую роль в международных миграциях, хотя и опосредованно, замечает Э. Ле Брас: именно он лежит в основе самых жестоких противостояний на африканском континенте, порождающих потоки беженцев, в том числе в Европу. И этот конфликт, по мнению ученого, недооценен аналитиками, чаще склонными искать корень зла в религиозной сфере (р. 28–29).

Наряду с историческими сравнениями автор предпринимает и географические, демонстрируя, что хотя трансграничные миграции являются неотъемлемой составляющей процесса глобализации и участвует в этом процессе все население Земли, в разных частях света они подчиняются разным логикам.

Первая из них, *постколониальная*, по-прежнему ощущается полвека спустя после краха колониальной системы: выходцы из бывших колоний составляют не менее 40% в миграционных потоках, направленных в соответствующие метрополии. Это объясняется как языковыми компетенциями, так и похожестью административной системы, системы образования, некоторых бытовых привычек, унаследованных от колониального прошлого. Однако эта тенденция постепенно размывается: один из показательных примеров – стремление мигрантов из стран Магриба и Сахеля перебраться через территорию Франции на Британские острова. На смену приходит зарождающийся новый – *культурный – колониализм*, проявления которого Э. Ле Брас видит в быстрорастущей, хотя пока и не слишком многочисленной, студенческой миграции. Последняя рассматривается им как составляющая «мягкой силы», учитывая важность студенческих лет для формирования идеологических и культурных установок молодых людей. «Вместо того чтобы отправлять войска, администрацию и насельников в страны Юга, как в XIX в., крупные государства сегодня приглашают к себе на учебу студентов из этих стран, которые, вернувшись домой, станут проводниками их политики и идеологии, а также управляющими их коммерческих предприятий», – пишет автор (с. 75).

На сегодняшний день на образовательном рынке безраздельно господствует небольшая группа стран, причем их состав практически неизменен на протяжении как минимум последнего десятилетия. Россия пока входит в их число, привлекая около 135 000 студентов-

иностранцев ежегодно и находясь по этому показателю на одном уровне с Канадой и Японией. Но некоторые характеристики учебной миграции в РФ свидетельствуют о шаткости такого положения. Э. Ле Брас построил два графа: один, с центром в США, свидетельствует о формировании общего образовательного пространства, куда входят восемь европейских университетских стран, а также Канада, Австралия и Новая Зеландия. Внутри этой группы, ядро которой составляют США, Великобритания, Австралия, Франция и Канада, идет интенсивный обмен студентами, причем связи между каждой парой государств двусторонние. Граф, в центре которого находится Россия, выглядит иначе. Входящие потоки студенческой миграции в РФ (в расчет, как и в предыдущем графе, принимаются пять наиболее многочисленных исходящих потоков из каждой страны) ограничены территорией бывшего СССР, за вычетом трех балтийских стран и Грузии, чья молодежь уже переориентировалась на Запад. Российские студенты, в свою очередь, если едут учиться за границу, то выбирают исключительно западные университеты. Практически отсутствует двусторонний студенческий обмен и между бывшими республиками СССР, хотя Казахстану удается привлечь некоторую часть абитуриентов из среднеазиатских республик. Показательно, однако, что поток из Казахстана на Запад уже превосходит по масштабам поток в Россию, а мусульманские республики постепенно переориентируются на Саудовскую Аравию (Киргизстан и Таджикистан) и Турцию (Туркмения и Азербайджан). Из этих же государств растет учебная миграция и в западные страны (возможно, речь идет о «европейской» по культуре части их населения). Таким образом, притягательность России для студенчества падает, ей становится все труднее конкурировать с мировым доминированием английского языка и англо-саксонской системы образования (с. 56–61).

Существенно меняется картина и на африканском континенте. Учеба в бывших метрополиях – практически автоматический выбор прежних поколений – постепенно становится лишь одним из возможных вариантов. Все больше абитуриентов направляются в ЮАР, где есть несколько хороших университетов, в которых отныне, с приходом к власти Африканского национального конгресса, существуют расовые квоты для темнокожих студентов. Но особенно быстрыми темпами растет учебная миграция в Саудовскую Аравию (в 2000 г. туда уехали учиться 7 600 африканцев, а в 2014 г. – уже 72 000), причем многие изучают там теологию (с. 65–67). Таким образом, если раньше учеба за рубежом означала для африканских студентов приобщение к европейской культуре и светским ценностям, то теперь она все чаще удерживает их в лоне ислама.

Растущие потоки учебной миграции в Египет и ОАЭ из Индии, Индонезии, Малайзии, Шри Ланки, Пакистана, Таиланда, Бангладеш и

Филиппин также заставляют предположить, что речь идет в основном о студентах-мусульманах (с. 64).

Еще одним проявлением глобализации в сфере трансграничных миграций становится интернационализация профессиональных карьер, сопровождающаяся выстраиванием географической иерархии. Э. Ле Брас убедительно иллюстрирует этот тезис на примере миграции врачей, оговорившись, что аналогичную тенденцию можно проследить и на примере других профессий: миграционное сальдо между двумя странами всегда положительно в пользу страны, находящейся на более высокой ступеньке воображаемой лестницы, миграция между странами одного уровня либо отсутствует, либо имеет нулевое сальдо. На самой вершине предсказуемо находятся США, традиционно привлекающие высококлассных специалистов во всех сферах со всего мира, ступенькой ниже – Канада и Австралия, за ними – Швейцария и Новая Зеландия, следом Великобритания, Швеция и Ирландия, затем остальные европейские страны, причем в самом низу – бывшие страны соцлагеря и Греция, а также Турция (в анализ включены только государства, входящие в Организацию экономического сотрудничества и развития). Результатом такой вертикальной трансграничной мобильности становится усиление неравенства между странами и упрочение иерархии. Она же вносит большой вклад в «замещение населения» европейских стран, которым любят пугать крайне правые и, шире, консервативные силы. С 2008 г., пишет автор, во Франции наблюдаются две устойчивые тенденции: положительное миграционное сальдо иностранцев (около 145 000 ежегодно) и отрицательное – французов (около 107 000). При этом политики, озабоченные иммиграцией, как будто не замечают эмиграцию. Характерна принятая терминология: иммигранты (те, кто приехали, чтобы остаться в стране), с одной стороны, и эскпатрианты (те, кто уехали, чтобы вернуться) – с другой. Между тем количество живущих во Франции иностранцев (4 млн чел.) ненамного превосходит число живущих за границей французов (по оценкам, около 3 млн), часть которых, вероятно, никогда не вернется на родину. Эти наблюдения подводят автора к предложению заменить оба термина – эмиграция и иммиграция, которые не дают представления о меняющемся характере трансграничной мобильности, термином *циркуляция*, подчеркивающим одновременно незавершенность и разнонаправленность процесса: все большее количество стран становятся одновременно отдающими и принимающими население.

Рецензируемая книга вносит большой вклад в дискуссию по острой демографической проблеме современности или, вернее, дилемме: что противопоставить старению населения – миграционную или natalistскую политику? Сравнив демографические показатели двух стран – Франции и Германии – за последние 50 лет, автор демонстри-

рует удивительную синхронность колебаний показателей рождаемости (во Франции она неизменно выше), несмотря на диаметрально противоположный вектор наталистской политики: размеры семейных пособий во Франции неуклонно сокращаются, в Германии – растут, но на разницу в количестве рождений это никак не влияет. Что касается миграций, то в Германии они вносят значительно больший вклад в формирование населения. Страна приняла 12 млн человек в 1945 г., 4 млн в 1990–1995 гг., здесь же нашли убежище наибольшее в Европе количество беженцев в ходе югославского, а затем сирийского конфликтов. Сопоставив эти данные с экономическими показателями, Э. Ле Брас делает вывод о том, что одним из факторов благосостояния Германии являются низкая рождаемость и высокий уровень миграции: такое соотношение сокращает расходы на образование и здравоохранение, на поддержку семей с детьми и превращение последних в экономически активное население. Казалось бы, решение дилеммы найдено, и оно в пользу миграционной политики.

Однако серия статистических выкладок приводит автора к малоутешительному заключению: надежды на замещение стареющего населения ЕС трудоспособными мигрантами, в частности с другого берега Средиземного моря, иллюзорны. Не только потому, что такое замещение потребовало бы объемов миграции, на порядки превосходящих современные (до 2050 г. население ЕС пришлось бы удвоить, что означает 11 млн мигрантов ежегодно – политика, предложить которую не осмелится ни одна политическая партия, учитывая антимигрантские настроения избирателей), но и потому, что так называемого демографического окна, выходящего на юг, не существует. В результате низкой занятости женщин в странах Северной Африки нагрузка на экономически активное население здесь еще выше, чем в Европе.

С другой стороны, утверждает Э. Ле Брас, и в этом с ним трудно не согласиться, на современном этапе нет никаких экономических аргументов в пользу необходимости поддержания численности населения. Все расчеты, предвещающие катастрофический рост нагрузки на работающих и коллапс системы пенсионного обеспечения, исходят из того, что структура экономически активного населения во всем мире останется неизменной. Именно эта гипотеза, по мнению автора, нуждается в пересмотре. Прежде всего, он проводит различие между демографической категорией «активное население», основывающейся на формальных возрастных критериях, и экономической категорией того же наименования, включающей реально занятых в экономике людей. И доказывает с помощью цифр, что при сокращении доли людей «трудоспособного возраста» происходит даже небольшое увеличение доли работающих – прежде всего, за счет роста занятости женщин. Если эта тенденция сохранится, то к 2050 г. будет достигнуто полное гендерное

равенство в сфере занятости, что означает серьезную корректировку прогнозов, основанных на чисто демографических критериях. Таким образом, изначально сформулированная дилемма: миграционная или наталистская политика? – оказывается ложной, поскольку меры по стимулированию рождаемости доказывают свою неэффективность в долгосрочной перспективе, а потребный для поддержания оптимальной доли активного населения объем миграции нереалистичен. Остается искать решения в сфере политики труда и занятости. Помимо активного вовлечения женщин, это может быть увеличение продолжительности трудовой деятельности: поднятие пенсионного возраста и / или более ранний выход молодежи на рынок труда. Именно эти меры (а не запрет на аборт и пропаганда многодетности) могли бы стать альтернативой привлечению мигрантов, хотя, по понятным причинам, они не вызовут энтузиазма у трудящихся.

Между тем увеличению продолжительности трудовой деятельности есть более достойная и привлекательная альтернатива, пишет Э. Ле Брас: это повышение производительности труда, т.е. переход от экстенсивного к интенсивному развитию экономики. Однако в данном случае, как мне кажется, автор упускает из виду социальную составляющую проблемы: задача, по крайней мере, в развитых странах, состоит не в том, чтобы произвести больше товаров или даже услуг, а в том, чтобы поддерживать достойный уровень жизни как работающих (не повышая их отчисления в социальные фонды), так и завершивших трудовую деятельность (не понижая уровень их социального обеспечения).

В целом рецензируемый труд содержит богатейший фактический материал и предлагает нестандартные подходы к его анализу, применимые, в том числе, и к осмыслению демографических проблем в России. Так, решение российских властей об увеличении пенсионного возраста выглядит в данной перспективе как логичное продолжение антииммиграционизма. Неслучайно и то, что эта мера сильнее затрагивает женщин: по данным Росстата, именно в возрастных группах 55–59 и 60–72 года разница в долях занятых женщин и мужчин в нашей стране резко возрастает, а значит, именно эти возрастные когорты представляют собой ресурс повышения женской занятости. Внимательный читатель, соглашаясь или споря с автором, в любом случае найдет в книге французского демографа пищу для размышлений, а в этом – залог того, что она не пройдет незамеченной.

Примечания

¹ Характерно, что восприятие нашего века как «Века миграций» присутствует и в англоязычной литературе (имею в виду, в частности, выдержавший уже пять переизданий труд: Stephen Castles, Mark J. Miller & Giuseppe Ammendola (2005) *The Age of Migration: International Population Movements in the Modern World*, American Foreign Policy Interests).

² Той же закономерности в указанный период подчинялась, например, миграция испанцев и итальянцев в Алжир: чаще всего, пишут Г. Брюне и К. Катеб (2018), миграционные маршруты выстраивались между конкретными регионами: прибывшие оседали в ближайших к их родным странам департаментах Алжира, причем в большинстве своем оставались в прибрежной зоне, не продвигаясь вглубь страны.

Литература

Брюне Г., Катеб К. Рождение европейского населения в Алжире: миграции и брачное поведение в колониальном контексте XIX в. // Этнографическое обозрение. 2018. № 1. С. 134–145. URL: <https://doi.org/10.7868/S0869541518010104>

Vertovec S. Super-diversity and its implications // *Ethnic and Racial Studies*. 2007. № 30 (6). P. 1024–1054. DOI: 10.1080/01419870701599465

Е.И. Филиппова

Институт этнологии и антропологии РАН

Рецензия поступила в редакцию 20 июля 2018 г.

Filippova Elena I., *Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences*

TRANS-BORDER MIGRATIONS OF THE 21ST CENTURY: NEW REALITIES AND OLD CLICHES

Review of **Le Bras Hervé. *L'âge des migrations*. Paris : éditions Autrement, 2017. 151 p. ISBN 978-2-7467-4463-9**

* The review is written within the Russian Science Foundation (RNF) project no. 15-18-00099.

References

Brunet, G., and K. Kateb. Rozhdenie evropeiskogo naseleniia v Alzhire: migratsii i brachnoe povedenie v kolonial'nom kontekste XIX v. [The Birth of European Population in Algeria: Migrations and Marriage Behavior in the Colonial Context of the 19th Century]. *Etnograficheskoe obozrenie*, 2018, no. 1, pp. 134-145. <https://doi.org/10.7868/S0869541518010104>

Vertovec S. Super-diversity and its implications, *Ethnic and Racial Studies*, 2007, no. 30 (6), pp. 1024-1054, DOI: 10.1080/01419870701599465

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

АЛЬФОНСО Нонна Геннадьевна – старший научный сотрудник Государственного музея Востока, г. Москва (Россия)

E-mail: orientmus@mail.ru

БОРУЦКАЯ Светлана Борисовна – доцент кафедры антропологии биологического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, г. Москва (Россия)

E-mail: vasbor1@yandex.ru

ВАСИЛЬЕВ Сергей Владимирович – доктор исторических наук, заведующий Центром физической антропологии, главный научный сотрудник Института этнологии и антропологии Российской академии наук, г. Москва (Россия)

E-mail: vasbor1@yandex.ru

ВЕСЕЛОВСКАЯ Елизавета Валентиновна – доктор исторических наук, руководитель Лаборатории антропологической реконструкции, ведущий научный сотрудник Института этнологии и антропологии Российской академии наук, г. Москва (Россия)

E-mail: veselovskaya.e.v@yandex.ru

ГАЛЕЕВ Равиль Марветович – младший научный сотрудник Лаборатории антропологической реконструкции, ведущий научный сотрудник Института этнологии и антропологии Российской академии наук, г. Москва (Россия)

ГРИГОРЬЕВА Ольга Михайловна – кандидат биологических наук, старший научный сотрудник Лаборатории антропологической реконструкции Института этнологии и антропологии Российской академии наук, г. Москва (Россия)

ДМИТРИЕВ Александр Васильевич – главный специалист отдела археологии, НАО «Наследие Кубани», г. Краснодар (Россия)

E-mail: al.misxako@yandex.ru

ДРЫГА Данила Олегович – ведущий инженер Московского государственного университета геодезии и картографии, г. Москва (Россия)

E-mail: hopkuh@gmail.com

ЕЛФИМОВ Алексей Леонидович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института этнологии и антропологии Российской академии наук, г. Москва (Россия)

E-mail: aelfimov@iea.ras.ru

КОНСТАНТИНОВ Михаил Васильевич – доктор исторических наук, профессор Забайкальского государственного университета, г. Чита (Россия)

E-mail: mk-rus@mail.ru

КРУТКИН Виктор Леонидович – доктор философских наук, профессор кафедры социологии, Институт истории и социологии, Удмуртский государственный университет, г. Ижевск (Россия)

E-mail: krutkin1@yandex.ru

МАЛЬШЕВ Алексей Александрович – кандидат исторических наук, заведующий отделом скифо-сарматской археологии Института археологии Российской академии наук, г. Москва (Россия)

E-mail: maa@rgh.ru

МАНУЙЛОВ Александр Николаевич – Ph.D. по социальной антропологии, доцент международного факультета, Российский национальный исследовательский медицинский университет имени Н.И. Пирогова, г. Москва (Россия)

E-mail: manuylov2000@hotmail.com

МООР Вячеслав Витальевич – независимый исследователь

E-mail: moor_v@mail.ru

НАМ Ираида Владимировна – доктор исторических наук, профессор кафедры антропологии и этнологии, заведующая Лабораторией социально-исторических исследований, Национальный исследовательский Томский государственный университет, г. Томск (Россия)

E-mail: namirina@bk.ru

ПЕСТРЯКОВ Александр Петрович – кандидат биологических наук, старший научный сотрудник Лаборатории антропологической реконструкции Института этнологии и антропологии Российской академии наук, г. Москва (Россия)

РОЖНЕВА Жанна Анатольевна – кандидат исторических наук, старший преподаватель, доцент кафедры истории и документоведения, заместитель декана по учебной работе Факультета исторических и политических дисциплин, Национальный исследовательский Томский государственный университет, г. Томск (Россия)

E-mail: zhar@ido.tsu.ru

СМИРНОВА Татьяна Борисовна – доктор исторических наук, профессор кафедры этнологии, антропологии, археологии и музеологии, проректор по учебной работе, Омский государственный университет имени Ф.М. Достоевского, г. Омск (Россия)

E-mail: smirnovatb@omsu.ru

СОКОЛОВА Елена Константиновна – аспирант Института этнологии и антропологии Российской академии наук, г. Москва (Россия)

Email: elena.k.sokolova@gmail.com

СОКОЛОВСКИЙ Сергей Валерьевич – доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института этнологии и антропологии Российской академии наук, г. Москва (Россия)

E-mail: SokolovskiSerg@mail.ru

ТОРЛОПОВА Любовь Андреевна – младший научный сотрудник Научно-образовательного центра «Социально-политические исследования технологий» – PAST-Центр, Национальный исследовательский Томский государственный университет, г. Томск (Россия)

E-mail: lyubovtorlopova@gmail.com

ТРЫНКИНА Дарья Александровна – кандидат исторических наук, младший научный сотрудник кафедры этнологии Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, г. Москва (Россия)

E-mail: uwwalo@mail.ru

ФИЛИППОВА Елена Ивановна – доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института этнологии и антропологии Российской академии наук, г. Москва (Россия)

E-mail: elena_filippova89@yahoo.fr

ШЕВЧЕНКО Сергей Юрьевич – младший научный сотрудник Института философии Российской академии наук, г. Москва (Россия)

E-mail: simurg87@list.ru

ШИРОКОВ Александр Александрович – аспирант аспирантской школы по социологии, Научно-исследовательский университет «Высшая школа экономики», г. Москва (Россия)

E-mail: needeeds@gmail.com

ABOUT THE AUTHORS

ALFONSO Nonna Gennadievna – Senior Research Fellow at the State Museum of Oriental Art, Moscow (Russia)

E-mail: orientmus@mail.ru

BORUTSKAYA Svetlana Borisovna – Associate Professor at the Department of Anthropology, Lomonosov Moscow State University, Moscow (Russia)

E-mail: vasbor1@yandex.ru

DMITRIEV Alexander Vasilievich – Chief Specialist at the Department of Archaeology, Non-Public Joint-Stock Company ‘Heritage of Kuban’, Krasnodar (Russia)

E-mail: al.misxako@yandex.ru

DRYGA Danila Olegovich – Principal Engineer at the Moscow State University of Geodesy and Cartography, Moscow (Russia)

E-mail: hopkuh@gmail.com

ELFIMOV Alexei Leonidovich – Cand.Sc. (History), Senior Research Fellow at the Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences, Moscow (Russia)

E-mail: aelfimov@iea.ras.ru

FILIPPOVA Elena Ivanovna – Dr.Sc. (History), Chief Research Fellow at the Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences, Moscow (Russia)

E-mail: elena_filippova89@yahoo.fr

GALEEV Ravil Marvetovich – Junior Research Fellow at the Laboratory of Anthropological Reconstruction, Leading Research Fellow at the Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences, Moscow (Russia)

GRIGORIEVA Olga Mikhailovna – Cand.Sc. (Biology), Senior Research Fellow at the Laboratory of Anthropological Reconstruction, Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences, Moscow (Russia)

KONSTANTINOV Mikhail Vasilievich – Dr.Sc. (History), Professor of the Transbaikalian State University, Chita (Russia)

E-mail: mk-rus@mail.ru

KRUTKIN Viktor Leonidovich – Dr.Sc. (Philosophy), Professor at the Department of Sociology, Institute of History and Sociology, Udmurt State University, Izhevsk (Russia)

E-mail: krutkin1@yandex.ru

MALYSHEV Alexey Aleksandrovich – Cand.Sc. (History), Head of Scythian-Sarmatian Archaeology at the Institute of Archeology, Russian Academy of Sciences, Moscow (Russia)

E-mail: maa@rfh.ru

MANUYLOV Alexander Nikolaevich – Ph.D. (Social Anthropology), Associate Professor of the International Department, Russian National Research Medical University n.a. N.I. Pirogov

E-mail: manuylov2000@hotmail.com

MOOR Vyacheslav Vitalievich – independent researcher

E-mail: moor_v@mail.ru

NAM Iraida Vladimirovna – Dr.Sc. (History), Professor of the Department of Anthropology and Ethnology, Head of Laboratory for Social and Anthropological Research, National Research Tomsk State University, Tomsk (Russia)

E-mail: namirina@bk.ru

PESTRYAKOV Alexander Petrovich – Cand.Sc. (Biology), Senior Research Fellow at the Laboratory of Anthropological Reconstruction, Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences, Moscow (Russia)

ROZHNEVA Zhanna Anatolievna – Cand.Sc. (History), Senior Lecturer and Associate Professor of the Department of History and Documentation Science, Deputy Dean for Education at the Faculty of Historical and Political Disciplines, National Research Tomsk State University, Tomsk (Russia)

E-mail: zhar@ido.tsu.ru

SHEVCHENKO Sergey Yurievich – Junior Research Fellow at the Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences, Moscow (Russia)

E-mail: simurg87@list.ru

SHIROKOV Alexander Aleksandrovich – Doctoral Researcher at the Doctoral School of Sociology, National Research University ‘Higher School of Economics’, Moscow (Russia)

E-mail: needeeds@gmail.com

SMIRNOVA Tatiana Borisovna – Dr.Sc. (History), Professor of the Department of Ethnology, Anthropology, Archaeology, and Museum Studies, Vice-Rector for Education, Omsk State University named after F.M. Dostoevsky, Omsk (Russia)

E-mail: smirnovatb@omsu.ru

SOKOLOVA Elena Konstantinovna – Doctoral Researcher at the Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences, Moscow (Russia)

E-mail: elena.k.sokolova@gmail.com

SOKOLOVSKIY Sergei Valerievich – Dr.Sc. (History), Chief Research Fellow at the Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences, Moscow (Russia)

E-mail: SokolovskiSerg@mail.ru

TORLOPOVA Lyubov Andreevna – Junior Research Fellow at the Scientific and Educational Centre ‘Policy Analysis and Studies of Technologies’ (PAST-Centre), National Research Tomsk State University, Tomsk (Russia)

E-mail: lyubovtorlopova@gmail.com

TRYNKINA Daria Aleksandrovna – Cand.Sc. (History), Junior Research Fellow at the Department of Ethnology, Lomonosov Moscow State University, Moscow (Russia)

E-mail: uwwalo@mail.ru

VASILIEV Sergey Vladimirovich – Dr.Sc. (History), Director of the Centre of Physical Anthropology, Chief Research Fellow at the Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences, Moscow (Russia)

E-mail: vasbor1@yandex.ru

VESELOVSKAYA Elizaveta Valentinovna – Dr.Sc. (History), Head of the Laboratory of Anthropological Reconstruction, Leading Research Fellow at the Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences, Moscow (Russia)

E-mail: veselovskaya.e.v@yandex.ru

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

Общая информация. Предлагая рукопись для публикации в «Сибирских исторических исследованиях», Вы гарантируете, что:

а) статья до сих пор нигде не была опубликована, не предлагается и не будет предложена другому изданию, пока не решится вопрос о ее публикации в «Сибирских исторических исследованиях»;

б) именно Вы являетесь автором статьи и в ней **не** использованы фрагменты из ранее публиковавшихся статей других авторов без указания на эти источники.

Объем публикации: до 50 000 знаков (с пробелами), или около 7 000 слов, – для научных статей, и 800–1 500 слов – для информационных материалов, в том числе обзоров и рецензий.

Рецензирование. В журнале применяется система двойного анонимного рецензирования (double blind peer review). Все поступившие в редакцию тексты без указания фамилии автора отправляются независимым анонимным рецензентам, к печати по решению редколлегии допускаются только тексты, получившие два положительных отзыва. К рецензированию будут привлекаться ведущие ученые российских вузов и институтов РАН, а также зарубежные специалисты, имеющие труды в области истории, этнологии, археологии, международных отношений.

Правила оформления статей.

Статьи принимаются в электронном виде.

Текст набирается в редакторе MS Word (*.doc или *.rtf) с использованием шрифта **Times New Roman**, размер шрифта – 12 кеглей, межстрочный интервал – 1, поля (все) – 2 см, абзацный отступ – 0,5 см.

На титульной странице указывается номер по Универсальной десятичной классификации (УДК) и приводятся (каждый раз с новой строки):

Данные об авторе (приводятся на отдельном листе):

• фамилия, имя, отчество (на русском и английском языке) (обратите внимание: фамилия автора указывается ЛИШЬ на титульной странице. На первой странице статьи указывается название работы, но не фамилия автора, не какие-либо иные сведения о нем!);

- ученая степень, ученое звание;
- должность и место работы / учебы; просьба указать также официальное название организации на английском языке;
- e-mail;
- почтовый адрес;

- телефон (служебный и, если можно, сотовый для ускорения связи).

Данные о статье:

- название статьи на русском и в переводе на английский язык;
- резюме статьи на русском и английском языке (объемом до 250 слов каждое),
- список ключевых слов на русском и английском языке.

При написании резюме статей мы убедительно просим авторов уделять особое внимание доступности изложения, лаконичности, четкости формулировок и при этом отражению в тексте таких пунктов, как постановка проблемы, представление академического дискурса по данной проблеме, характеристика источников и методов исследования, представление полученных Вами результатов, показывающих, что именно Вы смогли внести данной работой в существующий научный дискурс, и заключение. Ориентируйтесь, пожалуйста, на эту структуру: это облегчит решение данной задачи и Вам, и редакционной коллегии.

Нумерация страниц текста статьи сплошная, начиная с 1-й страницы, внизу по центру.

Структурирование текстов статей. Для удобства организации материала и облегчения работы читателей с Вашими текстами мы просим Вас делить текст на осмысленные отрывки, каждый из которых должен иметь собственный подзаголовок, как стандартный типа «Введение» и «Заключение» или «Выводы», так и любые иные сообразно Вашему видению текста.

Иллюстрации (рисунки, таблицы, графики, диаграммы и т.п.) дополнительно представляются в отдельных файлах. Рисунки выполняются в черно-белой гамме, *полноцветные иллюстрации пока принимаются лишь для статей по этнологической и археологической тематике*. Формат файлов с иллюстрациями – tiff или jpeg, разрешение не менее 400 dpi. Просьба: в текст иллюстрации не вставлять. Достаточно в промежутке между абзацами текста указать Рис. 1, Рис. 2 и т.д. и название самого рисунка.

Иллюстративный материал, присланный без письменного разрешения его владельца или держателя копирайта, принят к публикации не будет.

При использовании при наборе статьи дополнительных **шрифтов** такие шрифты должны быть представлены отдельным файлом.

Ссылки на использованные источники и литературу:

1. В целях более адекватного соблюдения требований слепого анонимного рецензирования при первой отправке рукописи в редакцию, пожалуйста, избегайте самоцитирования или оставляйте ссылки на свои работы «пустыми». После извещения о принятии рукописи к печати авторы смогут вернуть на место данные ссылки.

2. В случае ссылки на иностранного автора в тексте приводится русская транскрипция его фамилии, а ее написание латиницей – в скобках.

3. В целях экономии места, если имя автора уже упоминается в тексте, то в скобках после фамилии, в ссылке на его работу, указывается только год публикации: «В своей работе В.Я. Пропп (1955) анализирует...»

4. Во всех остальных случаях фамилия и год публикации указываются в скобках без запятой: (Balzer 2011); при наличии двух авторов приводятся обе фамилии, а если авторов трое, то три фамилии указываются лишь при первом упоминании работы: (Иванов, Петров, Сидоров 1980), а в дальнейшем используется сокращение «и др.»: (Иванов и др. 1980). В ссылках на работы, написанные более чем тремя авторами, используйте «и др.» либо «et al.» при первом же упоминании.

5. При ссылке на работы нескольких авторов они указываются через точку с запятой: (Анохин 1924; Potarow 1963). При ссылке на несколько публикаций одного и того же автора годы публикации разделяются запятой с последующим пробелом: (Батьянова 1987, 2005).

6. В ссылках на коллективные труды достаточно в скобках указать первое или несколько первых слов заголовка и год публикации. Например, ссылка на книгу «Wege zum Norden. Wiener Forschungen zu Arktis und Subarktis» будет выглядеть следующим образом: (Wege zum Norden... 2013).

7. Если дата публикации неизвестна, следует указывать «б.д.», а для принятых к печати текстов – «в печати»: (Иванов, б.д.) и (Петров, в печати).

8. Номера страниц указываются через двоеточие после года публикации: (Bellah et al. 2008: viii).

9. Если Вы приводите подряд несколько цитат из одного и того же текста в границах одного параграфа, то во второй и дальнейших цитат достаточно указывать номер страницы, например: (Schiller 2011: 192) – в первой ссылке и (193–194) – во второй и т.п.

10. Диапазоны страниц и дат указываются через короткое тире: 99–102, 1985–1990.

11. Номера в диапазонах страниц указываются в полном виде: 124–128, а не 124–28.

12. В ссылках на архивные документы указываются сокращенное наименование архива, год, которым датировано дело, и через двоеточие номера листов: (ГАТО 1899: 15). Если в статье используются материалы нескольких дел из одного архива, датированных одним и тем же годом, необходимо в списке источников использовать дополнительные буквенные обозначения (например, 1899а, б и т.д.), которые следует указывать и при оформлении ссылок, например: (ГАОО 1909а: 13–14).

13. В ссылках на материалы периодической печати указывается название издания, год и дата публикации (например: Сибирская жизнь 1917: 20 авг.)

К статье прилагается библиография в алфавитном порядке. Образцы оформления:

– для монографий:

Путилов Б.Н. Фольклор и народная культура. СПб.: Наука, 1994.

– для статей:

Шаховцов К.Г. Льгота ли быть селькупом? // Практика постсоветских адаптаций народов Сибири: Сб. статей / Отв. ред. Д. Функ, Х. Бич, Л. Силланпя. М.: ИЭА РАН, 2006. С. 157–172.

Дьеккофф А., Филиппова Е.И. Переосмысление нации в «постнациональную» эпоху // Этнографическое обозрение онлайн. 2014. № 1. С. 193–199 (URL: http://journal.iea.ras.ru/online/2014/2014_1_193_199_Dieckhoff.pdf).

– для архивных источников (с указанием названия дела и года):

Государственный архив Томской области (ГАТО). Ф. 234. Оп. 1. Д. 135. Статистические сведения об инородцах Томской губернии за 1889 г.

– для периодических изданий:

Восточное обозрение. Иркутск, 1906.

Примечания оформляются в виде концевых сносок с использованием арабских цифр. Нумерация последовательная, начиная с цифры 1.

При наличии в статье сокращений / аббревиатур, пожалуйста, приложите их список.

При пересылке файлов просьба все материалы (титульный лист, саму статью, дополнительные шрифты, файлы-иллюстрации, список иллюстраций, список сокращений и т.п.), имеющие отношение к статье, объединять в одну папку с использованием архиваторов WinZip или WinRar (например: Ivanov.zip или Ivanov.rar).

Авторские права.

Соглашаясь на публикацию своей работы в журнале, авторы (при безусловном сохранении за собой авторских прав) предоставляют журналу право первой публикации работы на условиях лицензии Creative Commons Attribution License, которая позволяет другим распространять данную работу с обязательным сохранением ссылок на авторов оригинальной работы и оригинальную публикацию в этом журнале.

Этические вопросы.

В своей издательской деятельности редколлегия руководствуется Кодексом поведения COPE (Committee on Publication Ethics, <http://publicationethics.org/resources/code-conduct>).

Статьи и материалы просим подавать через автоматизированную систему подачи статей на сайте журнала **www.journals.tsu.ru/siberia**

INFORMATION FOR AUTHORS

General. Submitting your manuscript to be published in the «Siberian Historical Research» journal you confirm that:

a) your paper has never been published elsewhere before and will not be submitted for publication elsewhere until the decision to publish it (or not to) in the «Siberian Historical Research» journal is made;

b) you yourself are the author of the submitted paper and you have not used any parts of other authors' works without reference to those.

Papers **shall not** exceed 50,000 characters including spaces or about 7,000 words – for research papers, or 800 to 1,500 words – for information materials, including overviews and reviews.

Reviewing process. All papers submitted to the journal are subject to double blind peer review. All papers without the author's name are sent to independent anonymous reviewers. The Editorial Board will decide on publishing only those papers that have received two positive reviews. Among reviewers are leading scholars of Russian universities and institutes of the Russian Academy of Sciences as well as international experts in history, ethnology, archaeology, and international relations.

Formatting Guidelines

Papers are to be submitted in an electronic format.

Text shall be typed in MS Word (*.doc or *.rtf), **Times New Roman**, 12 pt, single line spacing, all margins 2 cm, indention 0,5 cm.

The title page shall contain the Universal Decimall Classification number (UDC) and all of the following is to be indented:

Author details (to be provided on a separate / title sheet)

▪ Author's full name (last name, firstname, patronym), in both Russian and English (please note that *the author's last name is to be given on the title page only*. *The first page shall contain the title of paper and not the author's name or any other details of his / hers!*)

▪ Academic degree, academic title;

▪ Place of work / study and position; please provide official name of your organization in English as well;

▪ E-mail;

▪ Postal address;

▪ Telephone (office and, if possible, cell phone number to facilitate communication);

Paper details:

▪ Title of paper in both Russian and English;

▪ Summary of paper in both Russian and English (up to 250 words each);

▪ Key words in both Russian and English.

When writing a summary, we kindly ask authors to keep it clear, simple and concise. The summary shall contain the statement of a problem, how it has been dealt with and discussed in academia, as well as sources and methods for research, research results showing your contribution to the existing knowledge, and conclusions. Please stick to the proposed paper structure so as to facilitate your work and that of the Editorial Board.

Page numbering is consecutive, starting from the first page, at the bottom, centered.

Structuring the text. To better structure and present your paper, please divide the text into separate parts, each with its own subheading like «Introduction», «Conclusions» and any other which you might find necessary or useful to have.

Illustrations (drawings, tables, graphics, diagrams, etc.) are to be submitted in separate files. Drawings / pictures shall be presented in black-and-white, *fullcolour illustrations are so far accepted only for papers on ethnological or archaeological topics*. Illustrations should be in TIFF or JPEG format, at least 400 dpi. Please do not insert illustrations in the text, instead indicate Fig. 1, Fig. 2 etc. in between paragraphs, and provide titles of pictures.

Illustrative material submitted without a written permission of its author or copyright holder will not be accepted for publication.

If using additional **fonts**, please submit them in a separate file, too.

References

1. To ensure better meeting the requirements of blind anonymous peer-review, when submitting your manuscript to the Editorial Board for the first time, please avoid self-citation and leave footnotes referring to your works blank. Once your manuscript is accepted for publication, you will be able to put those back in your paper.

2. When citing a foreign paper, Russian transcription of its author's last name with the Latin spelling in brackets are to be provided in the text.

3. To save space, if the author's name has already been mentioned in the text, please indicate only the year of publication put in brackets after the author's name, when referring to his / her paper: «In his paper V. Ya. Propp (1955) analyzes...»

4. In all other cases the author's last name and year of publication shall be given in brackets without a comma: (Balzer 2011); if there are two authors, last names of both are to be given, in case there are three authors, last names of all the three are to be given only if mentioned in the text for the first time (Ivanov, Petrov, Sidorov 1980), and afterwards only the "et al" is to be put (Ivanov et al. 1980). When referring to a paper by more than three authors, please put the "et al" even if it is the first mentioning of it in the text.

5. When referring to works by several authors, indicate their names separated by a semicolon: (Anokhin 1924; Potapow 1963). When referring to several papers by the same author, years of publication shall be separated by a comma followed by a space: (Batyanova 1987, 2005).

6. When citing collective works, it is sufficient to indicate the title's first word or a few words and the year of publication. For example, a reference to the book «Wege zum Norden. Wiener Forschungen zu Arktis und Subarktis» may be put like this: (Wege zum Norden... 2013).

7. If the date of publication is unknown, please indicate «s.d.» (sine data) and if the publication is currently in press, put «in press»: (Ivanov, s.d.) and (Petrov, in press).

8. Page numbers shall be provided after the year of publication separated by a colon: (Bellah et al. 2008: viii).

9. If you are placing several references to the same paper within a paragraph, it is sufficient to only indicate relevant page numbers of that paper when mentioning it for the second, third time and so on, e.g. (Schiller 2011: 192) – when referring for the first time and (193–194) – in case of second mentioning etc.

10. Range of pages and dates are to be indicated by an en dash: 99–102, 1985–1990.

11. Numbers in a range of pages shall be given in full: 124–128, and not 124–28.

12. References to archival documents should contain abbreviated name of the archive, year of document / file and numbers of pages separated by a colon: (GATO 1899: 15). When citing a number of documents / files of the same archive and of the same year, it is necessary to indicate this using letters (e.g. 1899a, b, etc.) in the reference list and in references alike (e.g. GAOO 1909a: 13–14).

13. When citing periodicals, you should indicate the name of a periodical, year and date of publication (e.g. Siberian life 1917: 20 Aug.)

Reference list is to be provided at the end of the paper. Samples:

For monographs:

Putilov B.N. Folklore and people's culture. SPb.: Nauka, 1994.

For papers:

Shakhovtsov K.G. Is it a privilege to be Selkup? // The practice of post-Soviet adaptation of peoples of Siberia: Collection of papers / Editor-in-Chief D. Funk, H. Beach, L. Sillanpyaya. M.: IEARAS, 2006. pp. 157–172.

Diekoff A., Phillipova E.I. Rethinking nations in the “post-national” era // Ethnographical Review online. 2014. № 1. pp. 193–199 (http://journal.iea.ras.ru/online/2014/2014_1_193_199_Dieckhoff.pdf).

For archive sources (with an indication of archive file number and year):

State Archive of the Tomsk region (GATO). F. 234. Op. 1. D. 135. Statistics on Tomsk province *inorodtsy* for the year 1889.

For periodicals:

Vostochnoe obozrenie. Irkutsk, 1906.

Notes are to be given as endnotes using Arabic numerals. Numbering is consecutive, starting from number 1.

If using acronyms / abbreviations in the text, please provide a list of them separately.

When sending your files, please put them all (including the title page, the text itself, additional fonts, illustrations, list of illustrations, list of acronyms / abbreviations and other related files) in one archive folder using WiZip or WinRar (Ivanov.zip or Ivanov.rar).

Copyright

Once having agreed to publish his / her paper in the journal, the author (unconditionally reserving the copyright) grants to the journal the right to the first publication based on the Creative Commons Attribution License which allows others to use his / her paper provided there is a reference made to the author of the original text and to the original journal publication.

Ethics

In its publishing activity, the Editorial Board relies on the Code of Conduct COPE (Committee on Publication Ethics) <http://publicationethics.org/resources/code-conduct>

Address for the submission of papers and materials

Please upload your materials and papers via the Journal's website system at www.journals.tsu.ru/siberia

Научный журнал

**СИБИРСКИЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ
SIBERIAN HISTORICAL RESEARCH**

2018. № 3

Редактор Ю.П. Готфрид
Корректор Е.Г. Шумская
Оригинал-макет А.И. Лелююр
Дизайн обложки Л.Д. Кривцовой
Редактор-переводчик Е.М. Карагеоргий

Подписано в печать 28.09.2018 г.
Формат 70x108¹/₁₆. Усл. печ. л. 24,8. Гарнитура Times.
Тираж 50 экз. Заказ № 2958. Цена свободная.

Дата выхода в свет 12.10.2018 г.

Отпечатано на оборудовании
Издательского Дома
Томского государственного университета
634050, г. Томск, пр. Ленина, 36
Тел.: 8+(382-2)-52-98-49
Сайт: <http://publish.tsu.ru>
E-mail: rio.tsu@mail.ru